Отечественное объединеніе русскихъ евреевъ заграницей

РОССІЯ И ЕВРЕИ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ

І. М. Бикерманъ * Г. А. Ландау
И. О. Левинъ * Д. О. Линскій * В. С. Мандель
Д. С. Пасманикъ

1924

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОСНОВА", БЕРЛИНЪ

Отечественное объединеніе
русскихъ евреевъ заграницей

РОССІЯ И ЕВРЕИ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ

І. М. БИКЕРМАНЪ / Г. А. ЛАНДАУ
И. О. ЛЕВИНЪ / Д. О. ЛИНСКІЙ / В. С. МАНДЕЛЬ
Д. С. ПАСМАНИКЪ

*

1924

ИЗДАТЕЛЬСТВО »ОСНОВА«, БЕРЛИНЪ

Типографія Общества В. ЗОММЕР,
Берлин-Шенеберг, Гауптштрассе 159.

Содержаніе:

Къ евреямъ всѣхъ странъ!

Миражъ русской революціи давно разсѣялся. Вмѣсто мраморныхъ дворцовъ и висячихъ садовъ міръ увидѣлъ безбрежную пустыню, загроможденную развалинами и густо усѣянную могилами. Разрушено величайшее въ мірѣ государство, до самыхъ основъ раззорено хозяйство много-милліоннаго народа, вырождается и вымираетъ самъ народъ. Потонули въ морѣ крови и всѣ высшія человѣческія цѣнности: религія, совѣсть, право, наука, опытъ вѣковъ. Надъ хаосомъ царитъ попрежнему злобный духъ разрушенія и обезцѣненія. Какъ онъ ни оборачивается, какое лицо ни показываетъ, онъ все тотъ же.

Насъ, русскихъ евреевъ, гиблая смута не пощадила и не могла щадить. Связанные многообразными и тѣсными узами съ нашей родиной — съ государственымъ порядкомъ, хозяйствомъ, культурой страны — мы не можемъ благоденствовать, когда все вокругъ насъ гибнетъ. И русское еврейство заплатило смутѣ неисчислимыми жизнями и всѣмъ своимъ достояніемъ; и въ еврейской средѣ все наиболѣе культурное и достойное оттиснуто книзу, ввергнуто въ нищету и безпомощность и, подавленное скорбью, молча умираетъ; и наши святыни поруганы, и на нивѣ еврейской культуры все выворочено и растоптано: какъ и русскіе люди, сотни тысячъ русскихъ евреевъ разсѣялись по міру: для насъ это второе разсѣяніе, разсѣяніе въ разсѣяніи.

Но намъ русская смута принесла и особыя бѣдствія, для другихъ невозможныя. Въ отличіе отъ русскаго народа, остающагося сидѣть плотной массой на своей землѣ и,

слѣдовательно, сохраняющаго свое единство, добрая половина русскаго еврейства вошла въ составъ отщепившихся отъ Россіи новыхъ государствъ. И въ этихъ государствахъ евреи составляютъ разсѣянное меньшинство, и тутъ, слѣдовательно, они живутъ въ чужой стихіи, такъ или иначе проникающей въ нашу, родную стихію. Въ отличіе однако отъ прежняго, когда на всемъ широкомъ просторѣ единой Россіи еврейскій народъ, окруженный одной и той же культурой, оставался единымъ, теперь каждая горсточка евреевъ вынуждена считаться со своимъ особымъ окруженіемъ и тѣмъ самымъ отдѣляется отъ другихъ такихъ же горсточекъ: компактная масса русскаго еврейства дробится.

Эта опасность велика, но она еще въ будущемъ. Нынѣшній день не радостнѣе. Новыя государства съ тѣмъ большимъ усердіемъ насаждаютъ каждое свой націонализмъ. чѣмъ меньше они увѣрены въ своей прочности. Молодыя, малыя и слабыя, эти политическія новообразованія относятся съ особой нетерпимостью ко всему чужеродному, и уже теперь, въ медовый мѣсяцъ ихъ самостоятельности, евреямъ угрожаютъ гоненія и ограниченія, какихъ не знала и русская практика: причемъ весьма отягчающимъ обстоятельствомъ является и то, что здѣсь само общество беретъ на себя починъ въ гоненіяхъ, тогда какъ въ Россіи это было дѣломъ вѣдомствъ.

И еще бѣдствіе, можетъ быть, всѣхъ горше. Непомѣрно рьяное участіе евреевъ большевиковъ въ угнетеніи и разрушеніи Россіи — грѣхъ, который въ себѣ самомъ носитъ уже возмездіе, ибо какое можетъ быть большее несчастіе для народа, чѣмъ видѣть своихъ сыновъ безпутными — не только вмѣняется намъ въ вину, но и толкуется, какъ проявленіе нашей силы, какъ еврейское засилье. Совѣтская власть отождествляется съ еврейской властью, и лютая ненависть къ большевикамъ обращается въ такую же ненависть къ евреямъ. Врядъ ли въ Россіи остался еще такой слой населенія, въ который не проникла бы эта не знающая границъ ненависть къ намъ. И не только въ Россіи. Всѣ, положительно всѣ страны и народы заливаются волнами юдофобіи, нагоняемыми бурей, опрокинувшей Русскую державу. Никогда еще надъ головой еврейскаго народа не скоплялось столько грозовыхъ тучъ.

Таковъ балансъ русской смуты для насъ, для еврейскаго народа. Равенство въ правахъ, подаренное намъ революціей, ничего въ этомъ балансѣ не мѣняетъ. Мы искали равенства въ жизни, а не въ смерти, въ созиданіи, а не въ разрушеніи.

Несмотря однако на столь очевидныя, столь подавляющія послѣдствія смуты, значительная, даже преобладающая часть еврейскаго общества, привыкшаго долгіе годы ждать отъ революціи благъ, все еще не рѣшается отъ нея отвернуться, все еще боится что то потерять съ ея окончательнымъ крушеніемъ, и къ самимъ большевикамъ, несомнѣнно ненавидимымъ, относится нерѣшительно, какъ къ производному отъ революціи или одному изъ ея воплощеній. Для евреевъ большевизмъ «наименьшее» зло, уйдутъ большевики — намъ еще хуже будетъ, — таковы итоги этого настроенія въ умахъ, политически незрѣлыхъ.

Отечественное объединеніе русскихъ евреевъ исходитъ изъ твердаго убѣжденія, что и для евреевъ, какъ и для всѣхъ населяющихъ Россію племенъ, большевики есть наибольшее изъ возможныхъ золъ, что бороться всѣми силами противъ владычества надъ Россіей всесвѣтнаго сброда — святой долгъ нашъ передъ человѣчествомъ, передъ культурой, передъ Родиной и еврейскимъ народомъ, что, одолѣвъ это великое зло, мы найдемъ въ себѣ силы, чтобы бороться противъ новыхъ трудностей, которыя могутъ встать передъ нами въ освобожденной Россіи. Въ условіяхъ жестокаго варварства, водвореннаго и охраняемаго большевиками, мы, какъ народъ, безсильны, безсильнѣе всякаго другого народа, ибо мы живемъ не отъ земли, мы начинаемъ уже съ болѣе сложнаго; въ условіяхъ правового порядка, даже самого элементарнаго, мы кое что значимъ, тутъ мы сумѣемъ за себя постоять.

Распространить это убѣжденіе наше среди еврейства всего міра и, раньше всего, русскаго еврейства, мобилизовать еврейское общественное мнѣніе всѣхъ странъ для борьбы противъ большевиковъ и за возстановленіе Россіи — такова наша задача.

Всѣхъ, кто наше убѣжденіе раздѣляетъ, кому ясна важность задачи, которую мы себѣ поставили, кому грозные уроки исторіи говорятъ больше вывѣтрившихся словъ, мы

зовемъ въ наши ряды. Борьба противъ большевистскаго владычества всѣми силами; противъ большевиковъ — со всѣми, готовыми и способными бороться, — это единственный символъ политической вѣры, обязательный для членовъ союза. Пора еврею перестать съ опаской оглядываться, не грѣшитъ ли онъ противъ революціи. Есть въ настоящій часъ болѣе важная забота: не погрѣшить бы противъ послѣднихъ, основныхъ цѣнностей человѣка и человѣчества, не погрѣшить бы противъ родной страны и родного народа.

За Россію и противъ ея губителей! За еврейскій народъ и противъ осквернителей его имени!

Берлинъ, 1923 г.

І. М. БИКЕРМАНЪ

Россія и русское еврейство

I.

Тяжко страдаетъ Россія, болѣетъ великими болями и русское еврейство. Полны уродства и взаимоотношенія между ними. Въ этомъ уродствѣ мы должны разобраться, чтобы его преодолѣть, поскольку отъ насъ это зависитъ. Должны, если хотимъ жить, если хотимъ достойно жить. Если при этомъ придется не разъ вкладыватъ палецъ въ открытую рану, то да будетъ и это. Главное — идти кратчайшимъ путемъ къ намѣченной цѣли: къ доступному для насъ и столь необходимому намъ теперь самопознанію. И тутъ мы на первыхъ же шагахъ столкнемся съ двумя стоящими поперекъ пути формулами, противоположными по направленію, но тождественными и по породившему ихъ умонастроенію, и по гибельнымъ послѣдствіямъ, изъ нихъ проистекающимъ. Эти формулы должны быть раньше всего устранены.

Русскій человѣкъ твердитъ: «Жиды погубили Россію». Въ этихъ трехъ словахъ и мучительный стонъ, и надрывный вопль, и скрежетъ зубовный. И стонъ этотъ отдается эхомъ по всему земному міру. Не только въ Баваріи или Венгріи, извѣдавшихъ сладость коммунистическаго строя. Не только въ государствахъ, частью или полностью образовавшихся изъ обломковъ великой прежде Россіи и въ своихъ отношеніяхъ къ оказавшимся въ ихъ предѣлахъ евреямъ руководствующихся представленіемъ, которое лучше всего, пожалуй, можно выразить словами стараго венеціанца, отца прекрасной Дездемоны: **она обманула отца, предастъ и мужа.** Но также въ **странахъ, смутой пощаженныхъ**, а отъ Россіи отдѣленныхъ цѣлыми материками и океанами. Нѣсколько времени тому назадъ я прочиталъ въ нѣмецкихъ газетахъ, что въ Германію пріѣзжали японскіе ученые знакомиться

съ антисемитской литературой: и на далекихъ островахъ, гдѣ евреевъ почти нѣтъ вовсе, заинтересовались нами. Нисколько не преувеличивая, отнюдь не изображая дѣла такъ, будто весь міръ занятъ только нами, нельзя все таки не видѣть, что волны юдофобіи заливаютъ теперь страны и народы, а близости отлива еще не замѣтно. Именно-юдофобія: страхъ передъ евреемъ, какъ предъ разрушителемъ. Вещественнымъ же доказательствомъ, пугающимъ и ожесточающимъ, служитъ плачевная участь Россіи.

Еврей на все это отвѣчаетъ привычнымъ жестомъ и привычными словами: извѣстное дѣло — мы во всемъ виноваты; гдѣ бы ни стряслась бѣда, будутъ искать и найдутъ еврея. Девять десятыхъ изъ того, что пишется въ еврейскихъ повременныхъ изданіяхъ по поводу евреевъ и Россіи, составляетъ только пересказъ этой стереотипной фразы. Такъ какъ всегда и во всемъ мы виноваты, конечно, быть не можемъ, то еврей дѣлаетъ отсюда весьма лестный для насъ и, на первый взглядъ, житейски весьма удобный выводъ, что мы всегда и во всемъ правы. Нѣтъ, хуже: онъ просто отказывается подвергнуть собственному суду свое поведеніе, отдать самому себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ, но, можетъ быть, долженъ былъ бы дѣлать. И такъ какъ съ разныхъ сторонъ къ намъ предъявляютъ претензіи, сыплются на насъ упреки и обвиненія, то виноваты наши обвинители, виноватъ міръ, виноваты всѣ прочіе, только не мы. Откуда у насъ, народа стараго-престараго, такое легкое и притязательное отношеніе къ жизни, это я пытался недавно объяснить въ устной бесѣдѣ и надѣюсь въ скоромъ времени эти соображенія свои напечатать. Здѣсь достаточно отмѣтить, что такое отношеніе существуетъ, что и на укоры, посылаемые намъ въ связи съ тяжкими муками, переживаемыми Россіей, мы отвѣчаемъ все тѣмъ же общимъ мѣстомъ, которое потому именно, что оно общее, отвѣта въ себѣ собственно не заключаетъ.

Такъ сходятся формула русская и формула еврейская, на первый взглядъ противоположныя: та и другая порождены чувствомъ безотвѣтственности, вѣрнѣе — отсутствіемъ чувства или сознанія отвѣтственности. Сознаніе отвѣтственности въ интелектуальномъ отношеніи тождественно или,

по крайней мѣрѣ, соотносительно съ основательностью: человѣкъ, склонный подвергать контролю свои начинанія, не принимается за дѣло и не оставляетъ дѣла безъ достаточныхъ основаній, онъ соразмѣряетъ средства съ заданіемъ и взвѣшиваетъ послѣдствія и удачи и неудачи. Въ моральномъ отношеніи сознаніе отвѣтственности узнается по его характерной реакціи не во внѣ, а во внутрь: человѣкъ раньше всего не другихъ, а себя подвергаетъ своему суду. Въ нашемъ же случаѣ мы наблюдаемъ у обѣихъ сторонъ прямо противоположную реакцію. Бѣдствуетъ Россія — «жиды» ее губятъ; обвиняютъ евреевъ въ тяжкомъ грѣхѣ по отношенію къ своей родинѣ — виноваты злые обвинители, возводящіе на насъ напраслину.

Но безотвѣтственность ничего еще не создала, а многое разрушила; гдѣ она появляется, тамъ множатся могилы и плодятся развалины. Она повергла въ прахъ нашу родину, и не возродится Россія, пока не переродятся ея сыны, русскіе ли, евреи ли. Не можетъ безотвѣтственность тѣмъ болѣе быть надежной основой для нашей, еврейской жизни, жизни маленькаго народа, развѣяннаго по міру. Особенно въ такое грозное время. Человѣчество кружится въ огненномъ смерчѣ, и кто знаетъ, что несетъ намъ завтрашній день. Быть слѣпымъ и глухимъ въ такое время, когда требуется вся острота чувствъ, чтобы не заблудиться и не сорваться въ пропасть, что можетъ быть страшнѣе! А безотвѣтственность есть и глухота, и слѣпота, и затменіе разсудка. Мы не можемъ себѣ позволить такой роскоши. Легко ли это или нѣтъ, но мы должны сдѣлать всѣ усилія, чтобы познать себя и понять другихъ.

II.

Итакъ, вѣрно ли, что евреи несутъ отвѣтственность за крушеніе русской державы и, слѣдовательно, за бѣдствія, испытываемые русскимъ народомъ? По самому существу спора приходится, раньше чѣмъ отвѣчать, отстоять еще свое право спрашивать, — право такъ ставить вопросъ. Уклоняющіеся именно это, вѣдь, отрицаютъ; добывая безотвѣтственность для себя, они готовы принести ее въ даръ всему міру. Революцію, молъ, дѣлаетъ народъ, исторія,

стихія, — и спрашивать не съ кого. Было бы очень нетрудно доказать, если бы мы могли здѣсь заняться этимъ, что «народъ» не непогрѣшимъ, что «исторія» не самолично учиняетъ разгромъ государствъ, а пользуется для этого услугами отдѣльныхъ лицъ и человѣческихъ группъ, которыя подлежатъ суду и современности и той самой исторіи, за которой они хотятъ спрятаться, но которая вовсе не занимается укрывательствомъ; что, далѣе, стихія, въ человѣческомъ обществѣ обычно скованная, чтобы разбушеваться, должна быть раньше разнуздана. И всегда можно указать тѣхъ, которые въ этомъ разнузданіи повинны: на примѣрѣ русской смуты это особенно ясно. Но есть и доводъ попроще, болѣе по плечу рыцарямъ безотвѣтственности: они, вѣдь, забываютъ и о народѣ, и объ исторіи, и о стихіи, когда заходитъ рѣчь не объ отвѣтственности, а о дѣлежѣ добычи, объ участіи въ завоеванной власти, о лаврахъ, которые должны украсить чело героя. Наперерывъ другъ передъ другомъ доказывали россійскія партіи въ лѣто 1917-ое свои заслуги передъ революціей; трехаршинными афишами, помню, возвѣщали о своихъ подвигахъ. Совсѣмъ, какъ цыганъ въ русской сказкѣ: кто по дрова пойдетъ, — не я; кто сало будетъ ѣсть, — я.

Считаю сказанное достаточнымъ, чтобы отмежеваться отъ философіи распущенности, и возвращаюсь къ нашему вопросу. Отвѣтъ на вопросъ, кто по преимуществу несетъ отвѣтственность за развалъ россійскаго государства, въ точномъ смыслѣ слова безпримѣрный въ лѣтописяхъ человѣчества, зависитъ, вообще говоря, отъ того, къ какому моменту времени относятъ само событіе. Можетъ, вѣдь, легко случиться, что возможный виновникъ въ одномъ случаѣ можетъ доказать свое alibi въ другомъ. Итакъ, 27-ого февраля или 25-ого октября оборвана была историческая нить, ткавшаяся цѣлое тысячелѣтіе? Большевицкая или до-большевицкая революція ниспровергла державу русскую? Кто въ евреѣ видитъ главнаго виновника русской бѣды, тотъ рѣшаетъ тѣмъ самимъ вопросъ въ пользу октября, для того большевики — губители Россіи; ибо только черезъ большевиковъ добираются до еврея, только слишкомъ бросающееся въ глаза участіе евреевъ въ большевицкомъ бѣснованіи приковываетъ къ намъ взоръ русскаго человѣка и

взоры всего міра. Но такое пониманіе происшедшаго идетъ въ разрѣзъ съ явнымъ смысломъ событій, очевидцами которыхъ мы всѣ были. Не большевики погубили Россію, а явились сами слѣдствіемъ ея погибели. Они устроились въ развалинахъ ея, какъ всегда находятъ пріютъ среди развалинъ бродяги, воры, грабители и убійцы.

До февральскаго переворота большевицкіе атаманы, прославившіеся позже на весь міръ, были отдѣлены отъ Россіи двумя фронтами, черезъ которые и птица перелетѣть не могла. И всѣ эти Ленины, Троцкіе, Зиновьевы и Бухарины такъ и кончили бы дни свои гдѣ-нибудь на мансардѣ въ Цюрихѣ или Бернѣ, если бы въ Россіи очень почтенные люди и очень вліятельныя группы не дѣлали все, что могли, чтобы стало возможнымъ и даже неизбѣжнымъ пришествіе Нечистаго, — нечистаго плотью, нечистаго помыслами, нечистаго духомъ. Большевицкіе соблазны, всѣ эти: земля — народу, власть-пролетаріату, царство совѣтовъ, — объ этомъ никто не только говорить не смѣлъ, но и думать не могъ. Большая часть молодого, дѣеспособнаго, слѣдовательно, способнаго и къ бунту, мужского населенія страны находилась подъ ружьемъ, въ казармахъ или въ окопахъ, и если мечтала о чемъ, то только о томъ, какъ бы поскорѣе вернуться домой. А россійскіе полуинтеллигенты, всякаго рода разночинцы, которые въ обычное время всегда были не прочь заняться переустройствомъ міровъ и позже прямо или косвенно не мало содѣйствовали воцаренію большевизма, были тогда, до переворота, заняты болѣе неотложнымъ дѣломъ: каждый искалъ для себя поуютнѣе уголокъ гдѣ нибудь въ тылу, подальше отъ порохового дыма и окопныхъ тяготъ. Какъ могъ эту Россію, необъятную и грузную, придавленную безмѣрнымъ бременемъ войны и сплошь окованную стальной броней, не то, что опрокинуть, а хотя бы только пошатнуть гдѣ то витавшій большевизмъ, безплотный и бездушный въ одно и тоже время? Пусть, кто хочетъ, гадаетъ, могла бы ли «безкровная» февральская революція закончиться иначе, чѣмъ кровавымъ владычествомъ воровъ, какъ въ старину называли у насъ людей, которыхъ нынѣ именуютъ большевиками. Но ни одинъ честный человѣкъ не можетъ не признать, что власть большевизма безъ предшествовавшей ей революціи была бы невозможна.

Февральскій переворотъ былъ необходимымъ условіемъ большевицкаго властвованія, но также достаточнымъ условіемъ развала государства и порабощенія страны и народа. Большевизмъ ли, смута ли старомосковскаго образца, разиновщина ли, чужеземное ли господство, но Россія обречена была на хожденіе по мукамъ уже въ ту роковую минуту, когда г. г. Родзянко и Милюковъ вышли на крыльцо Государственной Думы, чтобы привѣтствовать взбунтовавшуюся солдатчину. Вслушайтесь внимательно въ рѣчи этихъ главныхъ дирижеровъ панскаго бунта и вы услышите, что они ужъ тогда не знали, что и какъ имъ дѣлать, какъ совмѣстить имъ «войну до конца», ради чего бунтъ поднятъ былъ, съ фактически наступившимъ уже концомъ не только войны, но и государства. И все дальнѣйшее дѣйствительно представляетъ собой сплошной процессъ развала, нисхожденія, разворачиванія пружинъ и разрыва связей, совокупность которыхъ образуетъ общественный союзъ. Ни одного признака восхожденія, сосредоточенія силъ! Вплоть до той осенней ночи, когда для защиты революціи и революціоннаго правительства, осажденнаго въ Зимнемъ дворцѣ, оказалась сила въ десятокъ юнкеровъ и еще столько же воительницъ изъ женскаго отряда, а размыканная, по клочьямъ растасканная власть, не будучи въ силахъ и этой арміей управлять, отдала себя и отдала страну на гнѣвъ и на милость ошалѣлыхъ матросовъ и вихремъ взметенныхъ отбросовъ столицы.

Эту революцію, разлагающую и только разлагающую, долго и планомѣрно готовили объединенными усиліями «лучшіе люди» страны: избранники ея, даже избранные среди избранныхъ. Выборы въ Государственную Думу производились по очень сложной системѣ, для того и придуманной, чтобы въ высшее законодательное учрежденіе страны могли попасть только люди надежные, степенные, почвенные. Въ этомъ отсѣянномъ, отборномъ составѣ не нашлось и двадцати человѣкъ, достаточно зрячихъ и достаточно мужественныхъ, чтобы стать поперекъ пути со дня на день нароставшему бунту, тутъ именно и имѣвшему свое главное гнѣздо. Даже изъ небольшой горсточки крайнихъ правыхъ, не вошедшихъ въ печальной памяти блокъ, всѣми средствами добивавшійся власти, нѣкоторые и словомъ и дѣломъ участвовали въ подрывѣ власти существующей, что при

тѣхъ условіяхъ было равносильно подрыву основъ государства. Достаточно назвать Пуришкевича! Рука объ руку съ Думой шли и не меньше ея проявляли усердіе Земскій союзъ и Городской союзъ, т. е. опять таки избранные среди избранниковъ земли. На тотъ же путь стали съ перваго же дня Военно-промышленные комитеты, а орудовали въ нихъ виднѣйшіе дѣятели россійской промышленности и торговли, съ московскимъ именитымъ купечествомъ во главѣ. Позже, когда борьба съ властью и за власть перешла въ состояніе заговора, въ немъ приняли участіе и большинство Государственнаго Совѣта и виднѣйшіе представители высшаго командного состава дѣйствующей арміи.

Ни среди генераловъ, ни среди земцевъ, ни среди дѣятелей мѣстнаго самоуправленія евреевъ не было, по строю русской жизни не могло и быть. Въ Думѣ было три еврея, малозначительныхъ и еще менѣе вліятельныхъ; въ Государственномъ Совѣтѣ былъ одинъ еврей, ни разу, кажется, не напомнившій о своемъ существованіи; въ военно-промышленныхъ комитетахъ евреи могли быть, но лишь въ незначительномъ числѣ и на вторыхъ и третьихъ роляхъ. Устанавливается alibi въ точномъ смыслѣ слова. Но кого не было тутъ или въ подобныхъ имъ учрежденіяхъ и объединеніяхъ, тотъ въ то время и при тѣхъ условіяхъ не могъ и вообще оказывать воздѣйствія на политическую жизнь страны. Не нужно забывать, что Россія вела тяжелую войну и вся страна находилась на военномъ положеніи. Общественность была придавлена и нажимомъ власти, и самимъ бременемъ войны. Собранія, рѣчи, резолюціи и подобныя проявленія публичности были заурядъ-гражданину доступны лишь въ очень скромной мѣрѣ. Только въ томъ или иномъ видѣ причастные къ власти, къ распорядительству, въ особенности около военнаго дѣла, только они, замысливъ крамолу, имѣли возможность для этой цѣли сплачиваться и средства для уловленія другихъ, только для нихъ пути были открыты. Даже люди изъ подполья, чтобы имѣть возможность продолжать свое обычное дѣло, вылѣзли тогда изъ своихъ норъ и примостились къ власть имущимъ. Вспомните рабочую секцію при центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ!

Только что сказанное распространяется въ полной мѣрѣ и на печать. Каждая строка проходила черезъ предварительную военную цензуру. Говорить печать могла только въ полъ-голоса, и самостоятельной силой не была. Она оживлялась, расправляла члены только тогда, когда давали для этого поводъ безотвѣтственныя власти, которыхъ было тогда много: «Дума», «Комитеты», «Съѣзды». Тѣмъ самымъ отведено возраженіе, которое мнѣ пришлось услышать: въ рукахъ евреевъ была, молъ, печать. Если бы и такъ, то это ничего не говорило бы противъ отстаиваемаго мною положенія, ибо печать никого не вела тогда за собою, а сама плелась за сильными и командующими. Но это и и не вѣрно. Одно только «Русское Слово», бывшее дѣйствительно русскимъ, имѣло едва ли не больше читателей, чѣмъ всѣ прочія столичныя газеы, вмѣстѣ взятыя. «Новое Время», наиболѣе вліятельное изъ русскихъ повременныхъ изданій, ужъ, конечно, не было еврейскимъ. «Русскія Вѣдомости», очень вліятельныя въ другихъ общественныхъ кругахъ, тоже имѣли весьма мало общаго съ евреями. Черезъ «Рѣчь» дѣлалъ свою политику раньше всего П. Н. Милюковъ. Родился, правда, евреемъ издатель «Биржевыхъ», очень неохотно объ этомъ несчастьѣ вспоминавшій, но его издательство, бойко торговавшее либеральной газетной водой, дѣлало еще большіе обороты съ православіемъ и вѣрноподанностью: нигдѣ такъ умилительно не описывался день Наслѣдника Цесаревича, какъ въ расходившемся въ сотняхъ тысячахъ «Огонькѣ». Дѣйствительно еврейской газетой можно было считать только «День», но онъ мало читался и по молодости лѣтъ былъ мало вліятеленъ. Только излишняя шумливость нѣкоторыхъ евреевъ изъ почтеннаго сословія информаторовъ создала такое представленіе, будто въ Россіи печать находилась въ еврейскихъ рукахъ. По отношенію къ столичной печати, которая одна только въ данномъ случаѣ и могла бы имѣть значеніе, это во всякомъ случаѣ невѣрно.

Князь Львовъ былъ правъ — и это единственное, въ чемъ онъ правъ былъ —, когда еще въ самомъ началѣ смуты съ гордостью заявилъ, что русская революція — національная. Именно такъ. Ее замыслили, подготовили и осуществили тѣ общественные верхи, которые вездѣ и

всегда говорятъ отъ имени націи, выражаютъ ея нужды, ея алканія, ея духовныя устремленія. Она была національной и по духу, по пафосу, одушевлявшему зачинщиковъ. Какъ ни много значили въ этой борьбѣ за власть личное и партійное властолюбіе, доктринерская слѣпота и невѣжественная самонадѣянность, люди, эту борьбу поднявшіе и съ ожесточеніемъ продолжавшіе, оправдывали ее не только предъ другими, но и предъ своей совѣстью необходимостью довести войну до побѣднаго конца, для чего въ свою очередь необходима «общественная власть»; нельзя отрицать, что именно эти общественные слои охвачены были во время послѣдней войны патріотическимъ порывомъ, въ прежнія войны небывалымъ. Какъ и почему такъ случилось, что патріотическій порывъ превратился въ тягчайшее предательство, великое строительство въ великую разруху, побѣда въ пораженіе, объ этомъ говорить не здѣсь мѣсто. Намъ достаточно напомнить, что людей, взявшихся въ роковые дни исторіи руководить судьбами народовъ, судятъ не по намѣреніямъ, а только по послѣдствіямъ ихъ усилій и что въ данномъ случаѣ къ гибельнымъ послѣдствіямъ, къ крушенію государства россійскаго, привели усилія русскихъ, коренныхъ русскихъ людей, а отнюдь не евреевъ, не инородцевъ, вообще.

Этотъ, смѣю думать, достаточно обоснованный выводъ слѣдуетъ въ особенности запомнить правымъ русскимъ людямъ. Кадетъ или лѣвый иного толка можетъ, запершись самъ другъ съ женой, говорить: «жиды погубили Россію». Онъ не приходитъ при этомъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Ибо для него революція, — свѣтлое воспоминаніе, онъ и теперь дорожитъ ея «завоеваніями». А если итоги все же непривлекательные, то потому, что революцію подмѣнили или извратили, — большевики, конечно; подставить же еврея вмѣсто большевика дѣло ужъ не трудное. Правый же долженъ уяснить себѣ, что, тыча пальцемъ въ «жида», онъ тѣмъ самымъ перемѣщаетъ центръ вниманія отъ революціи къ ея послѣдствіямъ, отъ виновниковъ катострофы къ тѣмъ, которые использовали ее, отъ убійцъ къ слетѣвшемуся на трупъ воронью. Отъ Россіи живой и грозной мысль отвлекается, а тѣмъ, которые сдѣлали ее легкой добычей хищниковъ, даруется — пусть косвенно —

забвеніе, если не прощеніе. Но тогда нѣтъ правыхъ убѣжденій, нѣтъ правой политики; хуже того — тогда нѣтъ путей къ воскрешенію России. Правый тѣмъ и есть правый, что онъ не склоненъ къ прыжкамъ, не склоненъ отрываться отъ своего прошлаго, прошлаго родной страны и родного народа. Одни программныя различія — одному нравится республика, другому монархія — отнюдь не достаточны, чтобы образовать водораздѣлъ между правыми и лѣвыми теченіями. Изъ прошлаго же для нынѣшняго дня всего важнѣе день вчерашній, муками котораго мы еще болѣемъ, тотъ злосчастный день, который образовалъ разрывъ непрерывности, за которымъ — Россія, послѣ котораго — бывшая Россія. Правый, сходящійся съ лѣвымъ въ пониманіи революціи, перестаетъ быть правымъ, измѣняетъ самому себѣ, а онъ это дѣлаетъ, когда въ погонѣ за евреемъ перескакиваетъ черезъ обширное революціонное болото, собственно и засосавшее Россію: стрѣлять черезъ это болото въ большевика — это охотно дѣлаетъ и лѣвый. Идеологически и, что важнѣе, динамически правизна связана со сгущенной, сосредоточенной ненавистью къ безсмысленнѣйшему и гибельнѣйшему изъ всѣхъ бунтовъ, какіе когда либо были. Къ э т о м у бунту, а не къ революціи вообще. Изъ общаго всегда можно дѣлать различные выводы: есть же русскіе люди, которые, просвѣтившись теперь именно, на развалинахъ Россіи, на счетъ гибельности всякихъ потрясеній, приходятъ къ заключенію, что большевикамъ надо дать зрѣть, пока не перезрѣютъ. Дѣйственная любовь праваго къ Россіи есть только другая сторона ненависти къ ея губителямъ. Въ этой цѣлостности, жизненности, подлинности, — въ этомъ его сила, въ этомъ и правда его. Можетъ ли онъ, не измѣняя себѣ, блуждать въ поискахъ того часа, который долженъ быть имъ навѣки проклятъ, отводить свою ненависть отъ того, что дѣйствительно подтачивало и подточило широкія основы русскаго государства, чтобы прибавить ее къ старой нелюбви своей къ еврею? Жидъ-то, онъ — вѣчный, вѣдь. Вѣка и тысячелѣтія идетъ съ нимъ тяжба, и не скоро она кончится. А Россія жила вчера и должна снова жить завтра. Въ правѣ ли при нынѣшнихъ условіяхъ русскіи человѣкъ гнаться за идеальной Россіей? Идеалы бываютъ разные. Одинъ хочетъ освободить міръ

отъ «власти капитала»; другой отъ «власти меча», третій — отъ «господства евреевъ». Общо всѣмъ имъ, что они сложное замѣняютъ простымъ, дѣйствительное воображаемымъ, близкое, котораго не знаютъ и не цѣнятъ, далекимъ, которое тѣмъ и прельщаетъ, что его можно цѣнить въ мѣру своего желанія и вовсе не нужно знать. Ради такого идеала была пущена по вѣтру великая Россія, она была пропита лѣвыми въ идеологическомъ запоѣ. Можетъ ли правый, оставаясь правымъ, идти тѣми же путями?

Но истину, что Россію убила революція февральская, а не октябрьская, важно запомнить также еврею, каждому еврею, не воображающему, что намъ море по колѣни, что среди крушенія царствъ и гибели народовъ мы можемъ оставаться спокойны, разъ владѣемъ магической формулой, изъ вѣчной нашей обвиняемости выводящей вѣчную нашу невиновность. Дѣйствительно отвести сложившійся на нашихъ глазахъ, при полномъ свѣтѣ исторіи, навѣтъ, будто евреи разрушили одно изъ величайшихъ государствъ въ мірѣ, возможно, только опираясь на правдивое изображеніе того, что въ *данномъ случаѣ* было, на правду о россійской катастрофѣ. При этомъ приходится, конечно, принести жертву: пожертвовать революціей, т. е. выбирать между исторической истиной и кровнымъ интересомъ еврейскаго народа, съ одной стороны, и поклоненіемъ идолу-Революціи, съ другой стороны. Ибо пріявъ революцію и дорожа ея завоеваніями, перемѣщаютъ тѣмъ самымъ очагъ разрушительнаго потрясенія въ большевицкую полосу, а тамъ балансъ гораздо менѣе для насъ благопріятный. Политическій интересъ правыхъ и политическій интересъ евреевъ — какая неожиданность для словопоклонниковъ! — въ этомъ пунктѣ сходятся.

III.

Россія начала разлагаться съ перваго же часа революціи, и ничто не могло бы этого разложенія пріостановить. Всѣ эти «если бы» совершенно ничтожны передъ лицомъ того, что дѣйствительно было и есть еще. И Керенскій, и приказъ № 1, и весь совдепъ — все это только пузыри на поверх-

ности гніющаго болота. Разъ государство въ минуту грознѣйшей опасности извнѣ было нарочито поднятымъ бунтомъ опрокинуто, то все дальнѣйшее было предопредѣлено. Но народы не умираютъ, по крайней мѣрѣ — мгновенно, а государствамъ свойственна способность регенераціи. Процессъ возрожденія всегда мучителенъ. Въ Россіи муки такъ велики, что человѣческое воображеніе ихъ не вмѣщаетъ, какъ не можемъ мы себѣ представить ни такого страшнаго грѣха, для котораго онѣ могли бы служить искупленіемъ, ни такого великаго блага, которое могло бы ихъ окупить. Большевицкое государство, заполнившее собой безгосударственную пустоту, образовавшуюся послѣ революціи, совмѣстило въ себѣ начала, столь противоположныя, что ужъ одно представленіе объ ихъ совмѣстности подавляетъ наше сознаніе: жгучую остроту мученій съ мучительной длительностью, безмѣрность разрушенія съ нестерпимой узостью домашняго обихода: жизнь на протяженіи двухъ материковъ мнется, гнется, ломается съ невозмутимымъ спокойствтемъ и будничной простотой, точно порошокъ въ ступѣ готовятъ. И вотъ около этой дьявольской лабораторіи, тутъ — нашъ грѣхъ, великій грѣхъ русскаго еврейства.

Нечего и оговаривать, что не всѣ евреи — большевики и не всѣ большевики — евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомѣрное и непомѣрно-рьяное участіе евреевъ въ истязаніи полуживой Россіи большевиками. Обстоятельно, наоборотъ, нужно выяснить, какъ это участіе евреевъ въ губителномъ дѣлѣ должно отразиться въ сознаніи русскаго народа. Русскій человѣкъ никогда прежде не видалъ еврея у власти; онъ не видѣлъ его ни губернаторомъ, ни городовымъ, ни даже почтовымъ чиновникомъ. Бывали и тогда, конечно, и лучшія и худшія времена, но русскіе люди жили, работали и распоряжались плодами своихъ трудовъ, русскій народъ росъ и богатѣлъ, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей — во всѣхъ углахъ и на всѣхъ ступеняхъ власти. Русскій человѣкъ видитъ его и во главѣ первопрестольной Москвы, и во главѣ Невской столицы, и во главѣ красной арміи, совершеннѣйшаго механизма самоистребленія. Онъ видитъ, что проспектъ Св. Владиміра носитъ теперь славное имя Нахимсона, историческій Литейный проспектъ переимено-

ванъ въ проспектъ Володарскаго, а Павловсть въ Слуцкъ. Русскій человѣкъ видитъ теперь еврея и судьей, и палачемъ; онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу евреевъ, не коммунистовъ, а такихъ же обездоленныхъ, какъ онъ самъ, но все же распоряжающихся, дѣлающихъ дѣло совѣтской власти: она, вѣдь, всюду, отъ нея и уйти некуда. А власть эта такова, что, поднимись она изъ послѣднихъ глубинъ ада, она не могла бы быть ни болѣе злобной, ни болѣе безстыдной. Неудивительно, что русскій человѣкъ, сравнивая прошлое съ настоящимъ, утверждается въ мысли, что нынѣшняя власть еврейская и что потому именно она такая осатанѣлая. Что она для евреевъ и существуетъ, что она дѣлаетъ еврейское дѣло, въ этомъ укрѣпляетъ его сама власть. Большевики, для которыхъ все въ мірѣ только средство для утвержденія ихъ господства, пользуются для этой цѣли и евреемъ со свойственной имъ однимъ абсолютной безсовѣстностью и безпощадностью; не упускается ни одинъ случай, чтобы со всей базарно-большевицкой крикливостью не выставлять на показъ мнимое благополучіе евреевъ подъ благодѣтельной властью совѣтовъ въ противоположность обидамъ, которыя чинятся евреямъ въ странахъ, совѣтскимъ строемъ еще не осчастливленныхъ. Въ этой догмѣ совѣтскіе пастыри такъ же утверждаютъ свое стадо, какъ въ другой: что совѣтская власть — пролетарская и что только подъ этой властью пролетарій благоденствуетъ.

Можно было бы думать, что ужъ одна эта ставка азартныхъ игроковъ на еврея, если не болѣе глубокія побужденія, подняла противъ нихъ все еврейское общество, что чувство собственнаго достоинства, политическій тактъ, наконецъ, политическій разсчетъ побудили еврея объявить большевиковъ своими врагами, а большевика-еврея сугубымъ врагомъ, что евреи борются противъ господства сатаны надъ Россіей со всей свойственной намъ настойчивостью. Дѣйствительность, къ великому несчастью, не такова. Быль молодцу не въ укоръ — такъ можно предварительно, въ видѣ перваго приближенія, опредѣлить отношеніе еврейской общественности къ вышедшимъ изъ нашей среды большевикамъ и къ ихъ сатанинской злобѣ. Или по современному: евреи имѣютъ право имѣть своихъ

большевиковъ. Если бы я этой своеобразной декларацiи правъ не слышалъ тысячи разъ до того, то она неизгладимо запечатлѣлась бы въ моей памяти на тѣхъ недавихъ собранiяхъ, которыя по нашему, моему и моихъ друзей, почину устроены были въ Берлинѣ, и гдѣ впервые проблема «Россiя и русское еврейство» была поставлена. Одинъ за другимъ выходили на трибуну почтенный кадетъ, просто демократъ, сiонистъ, словомъ — евреи разныхъ толковъ и всякой окраски, и провозглашали это право евреевъ имѣть своихъ большевиковъ: имѣетъ же ихъ русскiй народъ, почему мы обязаны быть лучше другихъ. Никому изъ возражавшихъ и въ голову не приходило, что изъ этого аргумента нельзя вывести нашего «права» имѣть большевиковъ, а только обязанность и русскаго общества не имѣть ихъ, обязанность пожертвовать правомъ на безчинства. И ужъ совершенно, конечно, упускалось изъ виду, что всякому праву соотвѣтствуетъ какая-нибудь обязанность, что въ данномъ случаѣ изъ права имѣть своихъ большевиковъ вытекала бы для еврейскаго народа обязанность имѣть своихъ правыхъ и крайнихъ правыхъ, полярно противоположныхъ большевикамъ и служащихъ въ отношенiе къ нимъ въ извѣстномъ смыслѣ противовѣсомъ. А такое предположенiе вызвало бы священный гнѣвъ и у самаго незлобнаго изъ этихъ поборниковъ нашего права выступать въ образѣ и чистой, и нечистой твари. И было бы пустой игрой отговариваться тѣмъ, что правые, молъ, тѣ же большевики, только съ другой стороны, и что мы, слѣдовательно, имѣя большевиковъ только красной окраски, лучше другихъ. Ибо тутъ мы вступаемъ въ область оцѣнокъ, и отнюдь не общеобязательныхъ, горделивое же «мы имѣемъ право» притязуетъ быть безотносительнымъ, независимымъ отъ оцѣнокъ и различiя взглядовъ. Сами эти заявленiя своего права на уродство являются, такимъ образомъ, печальнымъ проявленiемъ чувства безотвѣтственности. Кто въ такое преобремененное бѣдствiями время и по поводу такого бича человѣчества, какъ большевики, выступаетъ беззаботно и безъ чувства смущенiя съ голымъ заявленiемъ нашего права имѣть вредителей, тотъ самимъ этимъ заявленiемъ обременяетъ себя, меня и всѣхъ насъ всей отвѣтственностью за большевицкiя злодѣянiя; не юридической, конечно, но моральной и политической от-

вѣтственностью. Тутъ всякій получаетъ право говорить: яблоко не далеко отъ яблони падаетъ.

Не лучше и не краше попытка подбросить нашихъ большевиковъ другимъ: они молъ не на еврейской нивѣ работаютъ, еврейская культура имъ чужда, ни мы съ ними, ни они съ нами ничего общаго не имѣютъ. Ясно, вѣдь, что отъ насъ зависѣло бы признавать или не признавать своими сѣющихъ въ чужомъ полѣ, но отречься отъ вытаптывающихъ чужія поля, — это ужъ не отъ насъ зависитъ, нужно еще, чтобы потерпѣвшіе освободили насъ отъ связи съ вредителями. Не многимъ лучше другое представленіе, согласно которому отвѣтственность за разрушительное усердіе нашихъ соплеменниковъ перелагается на государство, преслѣдованіями, гоненіями толкавшее евреевъ на путь революціи. Здѣсь примитивная мысль пытается установить однозначное соотвѣтствіе между давящимъ бременемъ и реакціей на это давленіе: притѣсненія — озлобленіе — разрушеніе. Но именно тѣмъ, кто какъ отвѣчаетъ на давящее на него зло, отличается человѣкъ отъ человѣка и одинъ человѣческій коллективъ отъ другого. Одинъ, когда каплетъ у него надъ головой, принимается чинить крышу, другой бьетъ жену. Человѣкъ и человѣческія группы — не безразличная масса, дающая всегда тотъ же оттискъ при томъ же давленіи. Когда мы, бывало, говоримъ русскому правительству, что то или другое ограниченіе ведетъ только къ отчужденію евреевъ или опредѣленныхъ еврейскихъ группъ, напримѣръ, недопускавшейся въ учебныя заведенія молодежи, отъ государства, то въ этомъ была своя относительная правда, ибо дѣйствія и той стороны могли, конечно, оказать вліяніе на результатъ. Но когда мы передъ лицомъ міровой катастрофы и передъ фактомъ такого непомѣрнаго участія евреевъ въ варварскомъ разрушеніи, ставя вопросъ о себѣ, отвѣчаемъ все той же ссылкой на другихъ, на чужое воздѣйствіе, то мы тѣмъ самымъ низводимъ себя на уровень пассивнаго матерьяла человѣческаго, изъ котораго лѣпи что хочешь, а это и есть самое крайнее проявленіе безотвѣтственности.

Тотъ же споръ ведется, вѣдь, теперь и за предѣлами еврейской общественности. Есть не мало и русскихъ людей, склонныхъ объяснять и оправдывать оказавшееся столь

губительнымъ бунтарство русскаго «общества» или «народа» грѣхами «самодержавія» или «бюрократіи», самовластіемъ отстранявшей народъ отъ участія въ строительствѣ государства, оставшагося поэтому ему чуждымъ, и произволомъ выростившей въ немъ раздраженіе противъ власти и, посредственно, противъ государства. Но какъ ни много охотниковъ успокоиться на такомъ толкованіи событій, они не составляютъ всего русскаго общества и число ихъ съ каждымъ днемъ уменьшается. Въ русскомъ обществѣ ширится и глубится процессъ переоцѣнки цѣнностей. Потрясенные, зовутъ русскіе люди другъ друга вернуться къ Богу, къ церкви, подвергнуть своему суду обычныя свои представленія и недавнее поведеніе. Все ли въ этомъ движеніи хорошо или все, наоборотъ, плохо, но тутъ живая потребность познать себя и въ себѣ же искать первоисточникъ зла, столь очевиднаго, столь подавляющаго. Уже то, что еврей и послѣ всего случившагося чувствуетъ себя хорошо въ кругу своихъ привычныхъ представленій о злѣ, всегда отъ другихъ исходящемъ и на насъ направляющемся, и самый вопросъ о томъ, нѣтъ ли вины и на насъ, слышитъ съ крайнимъ возмущеніемъ, уже одно это доказываетъ, что къ великимъ бѣдствіямъ, затопившимъ весь широкій просторъ нашей родины, у насъ отношеніе особое. Это особое отношеніе, въ которомъ я усматриваю главный нашъ грѣхъ, нужно опредѣлить, разложить на его составныя части и показать его послѣдствія, дабы не осталось для насъ ничего неяснаго, а для окружающаго міра ничего недоговореннаго и именно потому дразнящаго воображеніе.

Русскій еврей-небольшевикъ такъ же жаждетъ конца большевицкаго владычества, какъ и не-еврей, ибо и онъ, вѣдь, ограбленъ, раззоренъ, выброшенъ изъ обычныхъ для него условій существованія; и русское еврейство заплатило смутѣ неисчислимыми жизнями и всѣмъ своимъ достояніемъ, и наши святыни поруганы, и на еврейской нивѣ все выворочено, точно стадо свиней прошло по огороду. Но съ жаждой конца у еврея уживается и надъ ней преобладаетъ бережное отношеніе къ нынѣшней власти, какъ къ экспоненту революціи или производному отъ нея. Не нами вызванная, не нами и осуществленная, революція воспри-

нимается тѣмъ не менѣе евреемъ, какъ великое благо, — для всѣхъ, вообще, для насъ въ особенности. Не требуется даже указать, какія именно блага она принесла. Не принесла, такъ принесетъ еще. Революція по самому существу есть, вѣдь, возмущеніе противъ зла, противъ рабства, неравенства, застоя, значитъ она должна родить благое и свѣтлое. Евреи же, всегда являющіеся жертвой темныхъ силъ, тѣмъ болѣе должны выиграть отъ революціи и потерпѣть отъ ея крушенія. Гдѣ лучше — спрашивалъ меня публично съ обезоруживающей наивностью дубоватый, правда, еврей, но въ своемъ родѣ вождь — въ демократической Франціи или въ Баваріи, гдѣ господствуютъ монархисты и гдѣ евреямъ житья нѣтъ? Поэтому, когда я въ своемъ докладѣ попутно сказалъ, что революціонеръ на престолѣ — явленіе гораздо болѣе частое въ исторіи, чѣмъ революціонеры противъ престоловъ, что въ теченіе вѣковъ потентаты и по отношенію къ евреямъ оказывались гораздо чаще и терпимыми, и покровителями, и освободителями, чѣмъ демократія, что все зависитъ потому отъ условій времени и мѣста, отъ того, гдѣ и когда какая демократія возможна и какая невозможна, то это заявленіе было встрѣчено съ недоумѣніемъ. При такой вѣрѣ въ предопредѣленную благость революціи неудивительно, что по отношенію къ прошлому еврей отдѣляетъ мрачные годы смуты вопросомъ-восклицаніемъ: а при царѣ лучше было? По отношенію къ будущему — безнадежнымъ и въ то же время беззаботнымъ заявленіемъ: уйдутъ большевики, — намъ еще хуже будетъ.

Какими же собственно благами наградила насъ революція, какія сокровища наши стережетъ совѣтская власть? Раньше всего — равенство. Евреи получили, наконецъ, равноправіе. При большевикахъ же равенство получило наиболѣе осязательное выраженіе: евреи участвуютъ, и даже очень замѣтно участвуютъ во власти; какъ можетъ всякій Иванъ очутиться у самыхъ вершинъ власти, стоитъ ему только проявить усердіе въ коммунистической вѣрѣ и коммунистическихъ безчинствахъ, такъ это доступно и для всякаго Хаима. Заурядъ-еврея эта доступность власти подкупаетъ самимъ фактомъ своей близости; онъ тутъ имѣетъ родственниковъ, знакомыхъ или родственниковъ своихъ знако-

мыхъ и знакомыхъ своихъ родственниковъ. И такъ какъ совѣтскій строй такъ безнадежно давитъ, жизнь безпросвѣтно тяжела, зло неисчерпаемо, а о борьбѣ съ нимъ и помышлять человѣкъ не можетъ, ибо онъ всѣ дни и часы занятъ спасаніемъ своего существованія, то онъ съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ воспринимаетъ то для него удобное, что этотъ строй ему еще оставляетъ. Средній обыватель-еврей живетъ въ данномъ случаѣ тѣми же чувствами и представленіями, что русскій человѣкъ нисшихъ слоевъ населенія: прачка, дворникъ, которымъ тоже эта власть близка. Въ еврейской средѣ чувства эти проникли въ болѣе высокіе соціальные слои потому, что раньше евреямъ власть вовсе не была доступна, а теперь доступна больше, чѣмъ кому либо другому, благодаря умѣнью еврея приспособляться къ условіямъ смуты. Но это чисто житейское пріятіе совѣтской власти, будь это евреемъ, будь это неевреемъ, не есть политическій факторъ, и даже не фактъ политическій. Пріятіе это есть выраженіе безсилія подвластныхъ, а не источникъ силы для власти; безсиліе же должно, разумѣется, быть учтено политикомъ, но само не есть политика.

Политическимъ фактомъ, и при томъ постыднымъ, политическимъ факторомъ, и при томъ разрушительнымъ, это пріятіе совѣтскаго строя становится тогда, когда оно возносится въ область идей, освящается принципомъ равенства.

Когда первый встрѣчный еврейскій интеллигентъ, принявъ гордую позу, говоритъ: при совѣтской власти плохо, но при ней намъ не хуже, чѣмъ другимъ, моя гордость еврея при ней не страдаетъ.

Когда возможны такія рѣчи, какъ произнесенная недавно на банкетѣ русско-еврейскихъ общественныхъ дѣятелей въ Берлинѣ, гдѣ предсѣдательствовавшій, обамериканившійся русскій еврей, человѣкъ въ высокихъ степеняхъ, не то судья, не то другого званія высокій чиновникъ, сказалъ приблизительно слѣдующее: евреямъ собственно на Россію нечего жаловаться; мы всегда съ удовлетвореніемъ отмѣчали случаи, когда гдѣ-нибудь въ Англіи или Франціи выдающійся еврей достигалъ власти, даже не-евреевъ иной разъ принимали за евреевъ и вносили въ нашъ активъ; теперь въ Россіи чуть ли не половина министровъ — евреи.

И эта столь же глупая, сколь непристойная рѣчь была на собраніи еврейскихъ общественныхъ дѣятелей, русскихъ гражданъ, выслушана безъ возраженія. Только одинъ изъ присутствующихъ отвѣтилъ на нее молчаливымъ уходомъ, и этотъ одинъ въ нашихъ рядахъ теперь.

Когда въ еврейскомъ журналѣ возможны такія изліянія: «Какъ ни странно, какъ ни чудовищно-порадоксально, но и власть стала повидимому, кое-гдѣ имъ, антисемитамъ, угождать... Она стала поддаваться темнымъ нашептываніямъ — она, врагъ предразсудковъ. Правда, въ этой податливости и уступчивости нужно несомнѣнно тоже усмотрѣть нѣкій тактическій шагъ... Однимъ словомъ, дѣлается это, несомнѣнно, въ нашихъ же интересахъ, для нашего же блага, для ради успокоенія возбужденныхъ противъ насъ умовъ». (Разсвѣтъ 1922 г. № 12, стр. 8). Все это въ письмѣ изъ Петрограда по поводу изъятія цѣнностей изъ церквей и синагогъ. Какая несокрушимая вѣра въ просвѣщенность совѣтской власти, «свободной отъ предразсудковъ»! Какая вѣра въ ея благость! Или вотъ подобныя сужденія (Тамъ же, № 2, стр. 22). Лѣтописецъ-сіонистъ повѣствуетъ объ арестѣ въ Москвѣ въ 1920 году группы сіонистовъ. «Мы на волѣ тоже не молчимъ. Въ свободной соціалистической республикѣ людей арестовываютъ и томятъ въ тюрьмахъ безъ предъявленія обвиненія. Гдѣ же правда?» Арестъ въ «свободной соціалистической республикѣ» безъ предъявленія обвиненія! Случай небывалый! Сіонистскому лѣтописцу, по крайпей мѣрѣ, ранѣе неизвѣстный.

И еще. «Москва рѣшительно, почти каленнымъ желѣзомъ, выжигаетъ остатки страшнаго средневѣковья, а Каменецъ-Подольскъ въ то же самое время въ новой оболочкѣ возрождаетъ совершенно средневѣковыя преслѣдованія за обученіе языку». Восторгъ по поводу того, что власть въ Москвѣ энергичнымъ вмѣшательствомъ положила конецъ начавшимся разговорамъ о христіанской крови для еврейской пасхи, — подвигъ, въ царской Россіи чуть ли не ежегодно совершавшійся становыми приставами, иначе мы имѣли бы «ритуальное дѣло» не разъ въ десятки лѣтъ, а ежегодно. Недовольство же — по поводу недопущенія преподававнія въ школахъ на древнееврейскомъ языкѣ.

Какъ же можетъ подобное исходить отъ благой совѣтской власти? За неимѣніемъ лучшего журналъ предлагаетъ объясненіе своего корреспондента: «знайте разъ навсегда, что одно дѣло подлинные коммунисты, другое дѣло — господа изъ Евсекціи. Коммунисты-евреи, если они не полныя ничтожества, уходятъ въ общую работу, а въ Евсекціи остались типы, которые какъ будто задались цѣлью найти лучшіе способы компрометировать власть», (Тамъ же, № 8, стр. 1—2). Бѣдная власть, такъ жестоко компрометируемая! И какая вѣра въ высокое благородство подлинныхъ коммунистовъ!

Это все изъ органа сіонистовъ, и такихъ проявленій душевной близости къ большевикамъ можно тутъ найти еще не мало. Но не нужно думать, что рѣшающее значеніе имѣетъ тутъ сіонизмъ. Нисколько. Въ томъ же «Разсвѣтѣ» (№ 8, 23 г.) мы находимъ такое свидѣтельство: «несомнѣнно, что извѣстная — политически и соціально ограниченная часть русскаго еврейства, сначала ничтожная, а потомъ значительно большая, пошла съ большевизмомъ. И несомнѣнно, что другая часть русскаго и заграничнаго еврейства проявила сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, терпимость по отношенію къ большевизму, какъ политической формѣ, оставаясь органически враждебной его соціальному содержанію» Это свидѣтельство печатнаго органа сіонистовъ о настроеніи значительной части евреевъ въ Россіи и заграницей — лучшій отвѣтъ тѣмъ, кто съ выраженіемъ обиды на лицѣ спрашивали насъ: гдѣ вы видали такихъ евреевъ, съ кого портреты пишете?

Стоитъ, пожалуй, еще отмѣтить отношеніе къ большевизму автора только-что приведенныхъ строкъ, себя, повидимому, къ сочувствующимъ не причисляющаго: «...для оцѣнки великаго бунта нужна прежде всего перспектива, широкіе масштабы, глубокій либерализмъ мысли и эпически-созерцательное спокойствіе духа.» Не знаю, есть ли тутъ сочувствіе или терпимость, но благоговѣніе тутъ есть, а спокойствіе духа преизбыточное. Такое спокойствіе сохраняетъ человѣкъ, когда горитъ чужой и далекій, далекій домъ...

Итакъ совѣтскій строй, какъ воплощеніе идеаловъ, раньше всего идеала равенства.

Равноправіе въ странѣ совѣтовъ! Гдѣ никакихъ правъ нѣтъ, равно какъ и обязанностей, гдѣ люди превращены въ подъяремный скотъ, а власть — понукающій погонщикъ! Двадцать лѣтъ тому назадъ, около времени той революціи, считалось признакомъ политической отсталости говорить о равноправіи, тогда требовали полноправія. Теперь мы объ этомъ забыли и дорожимъ равенствомъ въ полномъ безправіи, равной возможностью и грабить и быть ограбленнымъ, равенствомъ въ нищетѣ и запустѣніи, въ физическомъ разложеніи и духовномъ смрадѣ. Такъ до того ужъ намъ безразлично содержаніе жизни, цѣнности культуры, формы человѣческаго дѣланія и плоды его, что насъ можетъ соблазнять равенство, голое равенство, безотносительно къ тому, въ чемъ мы уравнены съ другими, что мы можемъ дорожить хотя бы только относительно, въ противоположность прошлому и возможному будущему, даже равенствомъ предъ лицомъ совѣтскаго беззаконія! Да вѣдь это ужъ не большее или меньшее благоволеніе къ большевизму, не участіе лишняго десятка или лишней сотни евреевъ въ большевицкой власти, это самъ большевизмъ, большевизмъ въ самой его сути, въ опредѣляющей его стихіи. Пусть голодаемъ, но и господамъ не лучше; пусть все идетъ прахомъ, но у хозяевъ все отнято, — таковъ большевизмъ. Таково же наше увлеченіе равенствомъ, подареннымъ намъ благодѣтельницей-революціей, утверждаемымъ и оберегаемымъ большевиками, не умѣющими и не желающими беречь ни жизни человѣческой, ни человѣческаго труда, ни накопленнаго вѣками и тысячелѣтіями опыта и знанія, какъ не берегутъ они ни орудій въ мастерскихъ, ни алтарей во храмахъ. Только для нашего равенства — надежные стражи!

Когда жъ это мы превратились въ рабовъ? Вѣдь, это голосъ рабьей души, рабьи помыслы, рабья радость, рабій страхъ. Да погибнетъ душа моя вмѣстѣ съ филистимянами, — просилъ нашъ былинный богатырь у Господа Бога. Но то былъ Самсонъ ослѣпленный, рабъ въ окозахъ, который, прельстившись чарами чужеродной прелестницы, потерялъ уже и неодолимую силу свою, и нетронутые волосы на головѣ, символъ своего подвижничества. Пока духъ въ богатырѣ не угасъ, а рука его не ослабла, онъ не искалъ

равенства въ смерти, въ гибели, въ уничтоженіи, въ Ничто. Онъ нападалъ и отбивался, вызывалъ врага на бой и шелъ на его вызовъ, онъ ввѣрялся Богу, судьбѣ, своимъ силамъ, жилъ и боролся, боролся и жилъ. Такъ еврейскій народъ уже не подвижникъ, мужественно несшій бремя жизни въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, а слѣпой и скованный рабъ, который жизни со всѣми ея превратностями ужъ не смѣетъ ввѣриться, и впору ему тѣшиться равенствомъ подъ развалинами не имъ даже обрушеннаго дома, одинаково придавившими и его и его сосѣдей? Кто и гдѣ его Далила? Кто отнялъ у нашего народа крѣпость его духа, силу его разума, его многомудрое знаніе жизни? Слово. Не слово-логосъ, а слово-звукъ, пустое слово, словесный максимализмъ, неразлучный съ душевнымъ минимализмомъ. И если бы еще такъ, если бы къ мѣсту тутъ былъ Самсонъ, хотя бы и ослѣпленный! Нѣтъ, другое, горьшее напрашивается сравненіе. Вотъ лже-пророки учили рабочій народъ, что пролетарій не имѣетъ отечества, что потерять онъ можетъ только свои цѣпи, а выиграть можетъ весь міръ. Въ теченіе трехъ поколѣній уже вдалбливается это развращающее ученіе въ сознаніе рабочихъ всего міра. И они какъ будто даже увѣровали. Такъ дѣйствуютъ рабочіе Англіи, Франціи, Германіи сообразно съ этимъ ученіемъ, на словахъ ими признаваемымъ? Мѣняютъ ли они въ тѣ роковыя минуты, когда важнѣйшія, основныя человѣческія цѣнности могутъ стать предметомъ мѣны, отечество на ««весь міръ», «цѣпи» на свободу, вѣрнѣе на равенство, ибо именно въ равенствѣ тутъ дѣло? Нѣтъ рабочій людъ всюду становится на сторону отечества, отворачивается отъ равенства подъ развалинами, которымъ его прельщаютъ, и ополчается противъ него тамъ, гдѣ его удалось водворить, чему мы въ послѣдніе годы видѣли не мало примѣровъ. Ибо и у рабочаго въ глубинѣ души живетъ сознаніе, что онъ, вопреки всему, всѣмъ существомъ своимъ связанъ съ отечествомъ — всѣмъ, отъ родного угла и сберегательной книжки до высшихъ радостей жизни, ему доступныхъ. Поэтому рабочій, отнюдь не отказываясь отъ борьбы за свой идеалъ равенства, не склоненъ однако ловить моментъ: подвернулось равенство, — уцѣпись за него, не спрашивая, во что оно обходится и въ чемъ оно состоитъ. Только вы-

бившіеся изъ строя рабочіе, не умѣющіе и не желающіе работать, тѣ, которымъ дѣйствительно терять нечего, Lumpenproletarier, только тѣ готовы упиться равенствомъ, хотя бы и подъ развалинами міра. Когда жъ это мы дошли до оголтѣлости, гдѣ и когда еврейскій народъ растерялъ драгоцѣннѣйшее свое достояніе: накоплявшійся въ теченіе вѣковъ и подъ всѣми земными широтами жизненный опытъ, въ которомъ залогъ устойчивости?

Или можетъ быть мы въ самомъ дѣлѣ были невольниками, которымъ терять было нечего, которые помочь себѣ были безсильны и для которыхъ потому естественны и рабья радость по поводу свалившагося счастья равенства, и рабья дрожь по поводу того, что будетъ, когда счастье, черное счастье минетъ? Со всей силой своего убѣжденія я это отрицаю. Даже не объ убѣжденіи здѣсь мѣсто говорить, а о непосредственной очевидности. Вопреки майскимъ и другимъ правиламъ, вопреки чертѣ осѣдлости и процентной нормѣ, вопреки Кишиневу и Бѣлостоку я былъ и чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ, для котораго открыта широкая возможность работать въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, который могъ матеріально обогощаться и духовно расти, могъ бороться за недостающее ему и копить силы для продолженія борьбы. Ограниченія, болѣе стѣснительныя въ одномъ случаѣ, болѣе оскорбительныя въ другомъ, подъ напоромъ времени и нашимъ напоромъ все суживались, и во время войны широкая брешь была пробита въ послѣдней твердынѣ нашего безправія. Пять или пятнадцать лѣтъ должно было бы еще пройти, пока евреи добились бы полного равенства предъ закономъ, мы могли ждать, ибо ждать значило — жить, работать и бороться. Таково было наше положеніе. Отъ него нѣтъ перехода къ рабьему счастью, тутъ скачекъ въ пропасть. Но отсюда слѣдуетъ также, что необоснованъ и недостоенъ еврейскаго народа и рабій страхъ. Въ условіяхъ культуры и правопрядка, хотя бы и самаго элементарнаго, мы что нибудь значимъ, тутъ мы можемъ постоять за себя. Наоборотъ, въ совѣтскомъ строѣ мы, какъ народъ, безсильнѣе всякаго другого народа, ибо мы живемъ не съ земли, мы начинаемъ уже съ болѣе сложнаго, котораго тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Поэтому преуспѣвать при этомъ строѣ

могутъ только отдѣльные евреи, а не еврейство, и при томъ самые недостойные евреи. И если меня увѣряютъ, что гордость еврея удовлетворена равенствомъ среди гнойнаго разложенія, въ звѣриномъ быту, на развалинахъ Россіи, гдѣ мы жили и которую — я вѣрилъ этому — считали своей, то я не только переживать такой гордости не способенъ, но и представить ее себѣ не въ состояніи. Мнѣ трудно подавить въ себѣ чувство стыда и боли при одной мысли о томъ, что такое представленіе о еврейской гордости возможно, что такъ говорятъ и думаютъ вожди во Израилѣ, руководящія лица и группы въ нашей средѣ.

Можно было бы передъ лицомъ такихъ фактовъ отчаяться въ будущемъ нашего народа, если бы мы не знали, что духовныя эпидеміи могутъ при извѣстныхъ условіяхъ одолѣть и самые крѣпкіе организмы, если бы не знать, что изъ всѣхъ эпидемій самая страшная — словесная зараза. Почему еврейское сознаніе оказалось настолько воспріимчивымъ къ этого рода инфекціи, объ этомъ говорить было бы слишкомъ долго; ограничусь только указаніемъ, что не только въ обстоятельствахъ вчерашняго дня — причина, а также въ унаслѣдованныхъ нами отъ сѣдой древности представленіяхъ, дѣлающихъ еврея предрасположеннымъ къ заболѣваніямъ легковѣсной и субверсивной идеалогіей.

IV.

Изъ этого общаго лона благоволенія къ революціи и терпимости даже къ такому ея порожденію, какъ большевики и ихъ владычество, выдѣляются отдѣльныя теченія еврейской общественности, безнадежно-фантастическія, ребячески притязательныя и именно потому неудержимо тяготѣющія къ смутѣ, не къ русской даже только смутѣ, а къ смутѣ вѣка вообще. Кто съ телячьей рѣзвостью берется перетасовать материки и океаны, точно карты въ колодѣ, тотъ естественно чувствуетъ себя въ своей стихіи, когда міръ вышелъ изъ своей колеи и исторія, опьянѣвъ, кружится въ бурномъ плясѣ. Не знакомый съ этимъ умонастроеніемъ, разлагающимъ по самой сути своей, можетъ себѣ составить общее представленіе о немъ по слѣдующимъ строкамъ, выбраннымъ мною, не какъ наиболѣе яркія, а какъ показа-

тельныя именно своей обыденностью, сказывающейся уже въ лѣтописно-повѣствовательномъ тонѣ: всѣмъ, молъ, извѣстно. «Антисемитизмъ вышелъ на улицу. Годы заточенія и общественнаго отлученія озлобили его: они были имъ использованы для воспитанія антисемитской энергіи и накопленія ея въ предвкушеніи «лучшихъ дней». «Лучшіе дни» настали. Реакція рѣзко опрокинула съ такимъ трудомъ установленное равновѣсіе политическаго міра. Міръ всколыхнулся, забытыя силы выступили на поверхность, и антисемитизмъ сдѣлалъ попытку овладѣть улицей и привести ее въ движеніе». Оставьте пока въ сторонѣ антисемитизмъ, пусть васъ не коробитъ и малограмотность выписанныхъ строкъ, остановите ваше вниманіе только на центральной фразѣ: реакція опрокинула съ трудомъ установленное равновѣсіе политическаго міра. Когда жъ равновѣсіе это было, о какомъ это времени пишется, о вѣкѣ Августа или Антониновъ? Нѣтъ, это сказано о нашемъ времени, о вчерашнемъ днѣ. Міръ находился въ счастливомъ состояніи равновѣсія въ семнадцатомъ, двадцатомъ, двадцать первомъ году, когда Россія распадалась, Германія разрывалась, когда образовывались новыя государства, съ часа своего рожденія раздираемыя внутри и угрожаемыя извнѣ, когда вмѣсто соединительныхъ каналовъ по Европѣ проводились раздѣляющіе корридоры, когда Восточная Европа утопала въ собственной крови, а Средней Европѣ угрожалъ каждый день той же участью. Вотъ тогда было равновѣсіе. Даже по отношенію, въ частности, къ антисемитизму любопытно было бы опредѣлить то блаженное мгновеніе, когда онъ былъ въ заточеніи. Не тогда, очевидно, когда на югѣ Россіи евреи истреблялись тысячами. Нужно думать, что не тогда также, когда судьбой Венгріи распоряжался Бэла-Кунъ, а судьбу Баваріи устраивали Леви съ Левинымъ, ибо эти почтенные евреи могли, конечно, въ своихъ владѣніяхъ заточить антисемитизмъ, взять его подъ замокъ, но міръ тѣмъ менѣе склоненъ былъ тогда антисемитизмъ отлучать. Однако автору мірового равновѣсія и отлученіе причудилось. Откуда такія представленія, въ точномъ смыслѣ слова превратныя? Отъ сродства со смутой. Для этихъ людей разрушеніе есть уже половина дѣла, а вторую половину восполняетъ шумиха декларацій, конфе-

ренцій и резолюцій, около которыхъ суетились они или ихъ духовные сородичи. Отсюда — «равновѣсіе міра». Это — стиль, который выдаетъ человѣка, а въ данномъ случаѣ цѣлую человѣческую разновидность, и даже не одну.

Первое мѣсто среди этихъ теченій въ еврействѣ должно отвести сіонизму какъ по объему его вліянія, такъ и по тому, что и фантастика, и притязательность, и порождаемое ими тяготѣніе къ смутѣ, какъ къ родственной стихіи, выражены въ немъ наиболѣе ярко. При всемъ различіи и содержанія и путей, существуютъ глубокія формальныя сходства между сіонизмомъ и большевизмомъ. Какъ тамъ за все зло въ мірѣ отвѣчаетъ буржуазный строй, и нѣтъ такого явленія въ жизни, значительнаго или незначительнаго, которое не подтверждало бы этой всеопредѣляющей истины, такъ здѣсь «голусъ» отвѣтственъ — въ болѣе ограниченной области еврейства, — за всѣ невзгоды, трудности и неудобства, нами испытываемыя, и вся жизнь еврейскаго народа — только иллюстрація проклятія «чужбины». Какъ большевикъ знаетъ вѣрное средство противъ зла: соціализацію, такъ есть оно и у сіониста: Сіонъ. И сіонистъ и большевикъ берутся собственными руками смастерить вожделѣнное: какъ для одного, такъ и для другого идеальныя состоянія non nascuntur, sed fiunt. Большевикъ ждать эволюціи не хочетъ, и это именно для него характерно; сіонистъ ждать не можетъ, ибо ему приходится начинать сначала. Тому и другому чуждо представленіе о трагическомъ въ жизни, какъ таковой; оба съ одинаковой рѣшительностью отрекаются отъ стараго міра, хотя міръ одного — не міръ другого; одинъ и другой имѣютъ каждый свою обѣтованную землю, которая течетъ млекомъ и медомъ. Это единство схемъ накладываетъ удивительную печать сходства на мышленіе, обороты рѣчи и повадки сіонистовъ и большевиковъ. Сіонистъ, какъ большевикъ, не знаетъ пропорцій, степеней и мѣръ; любая частность получаетъ у него универсальное значеніе, горчичное зерно выростаетъ въ баобабъ, воображаемый полтинникъ въ наличный милліардъ. Ведется, напримѣръ, агитація за привлеченіе капиталовъ въ сіонистскій банкъ. Такъ это не просто попытка достать денегъ. Нѣтъ, задача эта, оказывается, «несетъ въ себѣ для проводниковъ неизсякаемый источникъ

напряженной энергіи, даетъ необходимый широкій горизонтъ и превращаетъ агента по продажѣ акцій Колоніальнаго банка въ революціонера голусной экономики». Это не личное, а родовое, не особенность даннаго автора, а присущее міропреобразователямъ всѣхъ толковъ и всякого вида. Сіонисты таковыми и чувствуютъ себя. Къ слову «Революція», производнымъ отъ него и замѣняющимъ его, они питаютъ особое пристрастіе, связь ихъ дѣла съ великой смутой вѣка они ясно сознаютъ. «Разсвѣтъ», напримѣръ, обѣщаетъ быть «органомъ независимой революціонной, національно-еврейской мысли», — это не въ 1917 году, а въ 1922 — омъ, и «революціонно» имѣетъ здѣсь значеніе общее; покойный основатель изданія обладалъ, оказывается, «революціоннымъ» скепсисомъ, а въ Генуѣ... Казалось бы, что сіонистамъ Генуя. Оказывается, что «еврейство кровно заинтересовано въ демократизаціи міровой политики», а для сіонизма очень важно, чтобы европейская политика усвоила методы Ллойдъ-Джоржа, «революціонные по своей нозизнѣ». Достигнутые сіонизмомъ успѣхи отмѣчаются въ слѣдующихъ словахъ: «Поднятіе еврейскаго вопроса на головокружительную высоту международныхъ проблемъ, неожиданное, чуть ли не запанибратское сосѣдство съ державами-повелителями міра за зеленымъ столомъ междугосударственнаго ареопага, объединеніе еврейства и Палестины въ единомъ политическомъ узлѣ, всѣ эти революціонныя уступки еврейской мечтѣ, еврейской амбиціи, еврейскому національному интересу, —— сколько огромныхъ историческихъ авансовъ!» И тутъ же рядомъ печаль по поводу не сдѣланнаго еще. «Намъ не удалось внѣдрить убѣжденіе, что движеніе наше органически связано неразрывными узами съ прогрессивной мыслью, съ движеніемъ къ созданію лучшаго міра, что оно составляетъ интегральную часть этого движенія». Я могъ бы привести много доказательствъ тому, что сіонистскій Іеремія видитъ вещи слишкомъ черными, что Смута замѣтила сіонизмъ и усыновила его; но тутъ намъ до этого дѣла нѣтъ. Прибавлю только, что все это изъ одного — единственнаго номера тощаго еженедѣльника, а приведеннаго достаточно, я думаю, для всякого, умѣющаго за словомъ видѣть человѣка, чтобы уловить отмѣченную мною черту въ обликѣ сіонизма и сіониста.

Намъ остается прослѣдить, какъ это тяготѣніе къ Смутѣ сказывается въ частности въ отношеніи сіонистовъ и идущихъ за ними къ Россіи и русской бѣдѣ. Ужъ тридцать лѣтъ слишкомъ я борюсь противъ сіонизма, считая его задачу неосуществимой, а стремленіе къ ней во многихъ отношеніяхъ вреднымъ. Вреднымъ, между прочимъ, и для тѣхъ государствъ, въ которыхъ протекаетъ дѣятельность сіонистовъ, и тѣмъ болѣе вредной, чѣмъ больше они преуспѣваютъ. Только ослѣпленный ненавистью жидоѣдъ можетъ говорить: пусть они себѣ уходятъ въ свой Іерусалимъ. На дѣлѣ «они» не уходятъ и не могутъ уйти. Великая катострофа, какъ россійская, можетъ въ немногіе годы распылить по міру сотни тысячъ и даже милліоны людей, но и въ этомъ случаѣ оторвавшіеся и разсѣявшіеся составляютъ лишь ничтожную долю оставшихся. Въ обычныхъ же условіяхъ инерція человѣческой массы еще болѣе велика. А если и уходили многіе, то не «въ свой Іерусалимъ», а кому куда удобнѣе, такъ что если сердце ненавистника нашего племени чуточку облегчалось въ одномъ мѣстѣ, то оно равно настолько отягчалось въ другомъ. Не могутъ милліоны людей жить будущимъ государствомъ; у каждаго изъ нихъ тысячи нуждъ, которые должны быть удовлетворены сегодня, иначе ни у нихъ, ни у всего народа и будущаго не будетъ. Словомъ, сіонизмъ не уводитъ евреевъ, но онъ несомнѣнно духовно отводитъ ихъ отъ страны, гдѣ жили ихъ предки, гдѣ сами они родились и живутъ, гражданами которой они состоятъ, съ жизнью которой и ихъ жизнь многообразно связана. И раньше всего отъ государства. Сіонизмъ, вѣдь, не религіозное ученіе, съ земнымъ міромъ не связанное, не новое слово въ искусствѣ или, общѣе, въ культурѣ, а раньше всего и больше всего политика: движеніе, задача котораго — созданіе національнаго государства. Это долженствующее быть созданнымъ государство не можетъ не столкнуться, прямо или косвенно, посредственно или непосредственно, съ государствомъ, гдѣ сіонисты живутъ и гдѣ дѣятельность ихъ проявляется.

Но въ великомъ государствѣ, живомъ и мощномъ, эта опасностъ, въ представленіи значительная, на дѣлѣ, можетъ быть, и не велика. И сіонисты даютъ солдатъ, платятъ налоги, исполняютъ законы и, хотя или нехотя, остаются

больше гражданами нашего, существующаго государства, чѣмъ ихъ воображаемаго. Иначе, когда государство разрушено, когда осталась отъ него только земля, ибо она неразрушима, и та поругана, да населеніе, ибо до конца неистребимо, но и оно порабощено, когда гражданинъ только тѣмъ и можетъ выполнить свой долгъ передъ государствомъ, что отдастъ ему добровольно свои помыслы, свои труды, свои усилія, что онъ будетъ думать о его возрожденіи и дѣлать, что можетъ, для его возрожденія. Въ этомъ случаѣ сіонистъ стоитъ между уже несуществующимъ государствомъ и еще не существующимъ. И такъ какъ его идеалъ — послѣднее, а самъ фактъ разрушенія великихъ государствъ окрыляетъ его, — ибо если первые стали послѣдними, то и послѣдніе могутъ стать первыми —, то ему и выбирать не приходится. Мы теперь и видимъ, что русскій сіонистъ исходитъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ просто отъ факта небытія Россіи. Вы и въ разговорѣ услышите, и въ письмѣ прочитаете, что не въ Россіи же теперь жить еврею, а потому какъ разъ время ѣхать «домой». Ни говорящій это, ни пишущій не ѣдетъ (за прошлый годъ въ Палестину прибыло всего немногимъ больше 6 тысячъ евреевъ), а остается въ Берлинѣ, на Kurfürstendamm'ѣ или въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ Вѣны, Варшавы, Риги, но о Россіи вспоминаетъ только для того, чтобы доказательствомъ отъ противнаго укрѣплять свою вѣру въ Сіонъ. Даже вѣра въ акціи сіонистскаго банка такимъ же образомъ укрѣпляется: доказывается, что пріобрѣтатель такихъ акцій обезпечиваетъ «себя отъ повторенія россійскихъ абсолютныхъ стопроцентныхъ крушеній». Что онъ, вскормленный и взрощенный Россіей, долженъ, можетъ быть, что-нибудь дѣлать, чтобы она изъ небытія вернулась снова къ бытію, сіонисту и въ голову не приходитъ: онъ не можетъ выполнить и сотой доли тѣхъ задачъ, которыя ставитъ передъ нимъ его будущее государство.

Все это для сіониста — «естественно». Ничего сверхестественнаго нѣтъ и въ томъ, что сіонисты, отдавая свои силы государству, съ нашей и ихъ родиной ничего общаго не имѣющему, не оставляютъ все же безъ вниманія и безъ своихъ заботъ и Россіи. Раньше всего она существуетъ для нихъ, какъ объектъ претензій: въ «бывшей Россіи»

были еврейскіе погромы, существовала черта осѣдлости и т. д., и т. д., нетрудно найти основанія, чтобы помянуть ее лихомъ. Затѣмъ въ Россіи, т. е. на русскихъ равнинахъ живутъ и теперь милліоны евреевъ и въ главной своей массѣ — это сіонистъ очень хорошо понимаетъ — тутъ и останутся; слѣдовательно, для него, какъ сверхъ-еврея, не можетъ быть безразлично, какъ сложится судьба этихъ равнинъ; наступитъ тутъ, скажемъ, реакція, евреямъ можетъ быть плохо, при большевикахъ же — равенство; тутъ сіонистъ встрѣчается съ многими другими евреями-несіонистами. Главное же, что русскій сіонистъ, по горло погруженный въ міровую политику, дѣлающій внушенія Лигѣ націй и выговаривающій Палатѣ Лордовъ, сочетающій Декларацію съ Мандатомъ и Мандатъ съ Деклараціей, слѣдящій за сіонистскими сборами по всему міру отъ Южной Африки до Канады, не можетъ не интересоваться политически обширнѣйшей въ мірѣ страной, физически ему все же близкой: Минскъ и Одесса, Москва и Харьковъ для него, вѣдь, не только географическія названія. Въ какую сторону можетъ направиться его участіе, это предопредѣлено самой природой сіонизма, существомъ его. Если для евреевъ особое государство, и именно на той землѣ, гдѣ такое государство нѣкогда существовало, хотя ужъ двѣ тысячи лѣтъ, какъ еврея съ ней связываютъ только историческія воспоминанія, то особое государство также для каждаго племени, каждаго языка, независимо отъ всякихъ условій и отношеній: пространства, численности, культуры, исторіи, фактической мощи. Для Россіи это значитъ — раздробленіе, какъ идеальное состояніе. Поэтому организація русскихъ сіонистовъ именуетъ себя не русской, не россійской, а русско-украинской. Поэтому сіонисты и родственныя имъ еврейскія группы такъ усердно братались съ украинскими самостійниками, поэтому крайнимъ представителямъ сіонизма даже русская революціонная демократія кажется не достаточно благонадежной, и она изобличается въ «хозяйской властности въ отношеніе всѣхъ народностей, когда то жившихъ подъ эгидой государства Россійскаго»; представитель этого теченія отказывается понимать, почему «цѣлость россійской территоріи, создавшейся путемъ кровавыхъ и произвольныхъ захватовъ чужестранныхъ земель,

это такой высокій неприкосновенный принципъ». Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы тысячелѣтнюю исторію Россіи продѣлать въ обратномъ порядкѣ — только въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.

Но такъ какъ отсѣять совершенно однородный составъ населенія для опредѣленной территоріи, какъ тамъ ее ни выкраивай, еще никому не удалось, и даже возникшія во время европейской смуты, будто бы, «національныя государства» имѣютъ каждое свою дюжину національныхъ вопросовъ, то у сіонистовъ есть еще другая забота: обезпечить права національныхъ меньшинствъ. Въ печатномъ органѣ русскихъ сіонстовъ въ Берлинѣ имѣется потому постоянная рубрика «Среди національностей», въ которой тщательно отмѣчаются споры и раздоры между самоопредѣлившимися націями, ставшими уже державными, и живущими въ ихъ средѣ чужаками, тоже желающими самоопредѣлиться. Какъ сіонисты соединяютъ свою горячую заботу о самоопредѣленіи даже незначительныхъ меньшинствъ въ составѣ чужихъ государствъ съ своимъ стремленіемъ создать еврейское національное государство въ странѣ, гдѣ евреевъ и 12% нѣтъ, спрашивать не приходится: сіонисты не первые и не послѣдніе совмѣщаютъ такія противорѣчія. И само собой разумѣется, что самоопредѣленіе въ предѣлахъ Россіи и, раньше всего, самоопредѣленіе евреевъ представляютъ для русскаго сіониста особый интересъ. И тутъ пути сіонизма и большевизма совсѣмъ близко сходятся. Совѣтская Россія, вѣдь, не имперіалистическая держава какая нибудь, а союзъ свободныхъ республикъ: тутъ и татарская, и башкирская, и всякія другія республики; и школу на своемъ языкѣ можетъ каждая народность имѣть, даже учителей и учебники любезно для нихъ готовятъ. Конечно, никакого самоопредѣленія не можетъ быть тамъ, гдѣ не признается человѣческая личность, гдѣ и языкъ народа, какъ все его достояніе, есть только орудіе въ рукахъ властвующихъ для укрѣпленія ихъ господства, гдѣ языкъ данъ человѣку для того, чтобы славословить не Бога въ небесахъ, а совѣтскихъ властителей въ Кремлѣ. Но и равенство, вѣдь, тутъ не лучше самоопредѣленія, однако его цѣнятъ. Такъ же цѣнятъ и автономію. Союзъ республикъ все же не то, что Единая Недѣлимая Россія, сіонисту представляющаяся

чѣмъ то допотопно-варварскимъ. Правда, по отношенію къ еврейскому самоопредѣленію между сіонистами и большевиками — существенное расхожденіе, именно въ вопросѣ о древне-еврейскомъ языкѣ, къ которому евреи-большевики относятся враждебно. Но тутъ можно противъ своихъ, «ненастоящихъ» коммунистовъ искать поддержки у настоящихъ и разумныхъ коммунистовъ не-евреевъ. Сіонистъ и большевикъ стоятъ тутъ, во всякомъ случаѣ, на общей основѣ, другъ друга понимаютъ; они могутъ спорить, но могутъ и соглашеніе найти.

Затѣмъ большевики не больше сіонистовъ, разумѣется, дорожатъ неприкосновенностью россійской территоріи, хотя есть уже праздные идеологи, усматривающіе въ нихъ новыхъ собирателей земли русской. Съ чисто босяцкой щедростью они отказались отъ имъ и не принадлежавшаго, и на западѣ Россіи возникъ цѣлый рядъ новыхъ государствъ. И такъ какъ обрѣли свою государственность эти маленькіе народы посреди хаоса, надъ которымъ рѣялъ не духъ Божій, а духъ Вильсона, то отсюда заключили, что они должны будутъ и жить по его скрижалямъ: они самоопредѣлились, — дадутъ и другимъ. Для сіонистовъ — новый предметъ заботъ и новая точка приложенія для разлагающихъ Россію силъ. Но тутъ мы ужъ выходимъ за предѣлы сіонизма; тутъ съ сіонистами соревнуютъ еврейскіе автономисты всякихъ толковъ, которыхъ, мы, впрочемъ, можемъ и не различать.

Для послѣднихъ персональная автономія, самоопредѣленіе не областей, а народностей, хотя бы и разсѣянныхъ, вкрапленныхъ въ другія этническія массы, образованіе въ частности изъ разсѣяннаго еврейства самоуправляющихся, своезаконныхъ коллективовъ внутри другихъ государствъ, — это для автономистовъ такой же высокій идеалъ и такое же средство противъ всѣхъ золъ, какъ для сіонистовъ еврейское государство, «національный домъ»; для нихъ автономія — основная черта въ картинѣ того «лучшаго міра», который долженъ быть созданъ и надъ созданіемъ котораго, какъ мы видѣли, трудятся и сіонисты, представляя его себѣ нѣсколько иначе. Фантазеры они такіе же, только съ густой печатью захолустнаго, мѣстечковаго, въ противоположность сіонистамъ, если не великосвѣтскимъ, то всесвѣтнымъ.

Смуту они воспринимаютъ, можетъ быть, еще наивнѣе сіонистовъ. Такъ главный теоретикъ автономизма и оффиціальный, такъ сказать, исторіографъ русскаго еврейства, едва успѣвъ вырваться изъ большевицкаго плѣна, поспѣшилъ напечатать свои размышленія, въ которыхъ онъ узости человѣческихъ помысловъ противоставилъ творческій размахъ исторіи: мы то спорили, еврейское государство или самоопредѣленіе въ чужихъ государствахъ, а Исторія, вотъ, до расточительности щедрая, даетъ намъ и то и другое. Иному со стороны покажется, что человѣкъ нѣсколько поторопился внести въ активъ Смуты столько великихъ благъ, но ему это не кажется, и онъ въ автономіи нашелъ утѣшеніе среди бѣствій нашего времени. И сколько евреевъ тѣшилось и тѣшатся этомъ призракомъ!

Вопросъ о томъ, будетъ ли въ Литвѣ еврейскій министръ, каковъ онъ будетъ, или же его вовсе не будетъ, этимъ заполняются въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ столбцы газетъ и наполняютъ головы тысячъ и сотенъ тысячъ евреевъ. И не только евреевъ-сіонистовъ или евреевъ-автономистовъ, но большинства русскихъ евреевъ, особенно за предѣлами нынѣшней Россіи. Ибо физически, матеріально и духовно обезсиленное русское еврейство, разъединенное, лишенное бытовыхъ центровъ, не объединяемое и той великой мыслью, которая въ настоящій часъ могла и должна была бы насъ всѣхъ объединить: мыслью о Россіи, о ея возрожденіи, это еврейство идетъ легче, чѣмъ когда либо за всякимъ блуждающимъ огонькомъ, за всякимъ призракомъ. Хлопочутъ добрые евреи о министрѣ для насъ, спасибо имъ; хлопочутъ другіе евреи о государствѣ для насъ, дай имъ Богъ здоровья. О Россіи же никто изъ говорящихъ къ евреямъ и отъ имени евреевъ не хлопочетъ и не предлагаетъ хлопотать. О Россіи сіонисты говорятъ намъ, немногимъ, напомнившимъ о ней, что съ ней евреи «связаны лишь съ 1772 года», что «въ новыхъ національныхъ государствахъ евреи все же въ борьбѣ и мукахъ завоевываютъ себѣ подлиныя гражданскія и національныя права, и у нихъ нѣтъ ни принципіальныхъ ни гражданственныхъ основаній быть меньшими патріотами своихъ новыхъ «отечествъ», чѣмъ были они когда-то въ отношеніе Россіи», что тутъ, въ новыхъ государствахъ, «они добились боль-

шихъ и значительныхъ завоеваній и умѣютъ цѣнить и беречь ихъ».

V.

Сіонизмомъ и автономизмомъ собственно исчерпывается политически окрашенная еврейская общественность въ наши дни. Такъ называемый Бундъ, разыгрывавшій роль представителя «еврейскихъ рабочихъ массъ», присоединился большей и болѣе активной своей частью къ большевикамъ и приставленъ теперь совѣтской властью въ качествѣ жандарма къ «еврейской буржазіи», т. е. попросту къ наличному еврейству. Тѣ три еврея — теперь, кажется, только два уже — которые воплощаютъ въ Средней и Западной Европѣ Россійскую Соціалъ-демократическую Рабочую партію, къ еврейской общественности во всякомъ случаѣ не относятся. За ея предѣлами стоятъ также тѣ, единицами встрѣчающіеся еще въ еврейской средѣ, кадеты-зубры, которые отрекутся и отъ Моисея и отъ пророковъ, но не отъ Павла: П. Н. Милюковъ погрѣшить не могъ, революція была доброй феей, но спугнулъ ее и занялъ ее мѣсто злой колдунъ-большевикъ, и теперь вся задача въ томъ, чтобы чарами того же Милюкова злого волшебника обратить въ добраго. Эти евреи кадетскаго исповѣданія занимаютъ промежуточное положеніе, служа соединительнымъ звеномъ между революціоннымъ суевѣріемъ внутри еврейства и суевѣріемъ объ обязательной для прогрессивно мыслящего человѣка юдофильской повинности въ русскомъ обществѣ. Тутъ, впрочемъ, къ суевѣрію часто примѣшивается и разсчетъ. Я готовъ былъ бы дорого заплатить за то, чтобы юдофильство перестало считаться надежнымъ прибѣжищемъ для всякаго рода дезертировъ съ отечественнаго фронта.

Но существуетъ еще довольно развитая, хорошо организованная и весьма вліятельная въ еврействѣ, и не только русскомъ еврействѣ, общественность неполитическая, т. е. по прямымъ заданіямъ своимъ съ политикой не связанная, непосредственно къ ней и не причастная. Тѣмъ не менѣе и эта общественность наша служитъ также обильнымъ источникомъ политическаго вліянія, и все того же рода: раз-

ложенія. Это — всякаго рода общества и комитеты помощи. Они существовали и раньше, но умножились въ числѣ и выросли въ значеніи во время великой войны, вмѣстѣ съ умноженіемъ бѣдствій и ростомъ нужды. Теперь, когда бѣдствій не сосчитать и нужды не исчерпать, работы тѣмъ болѣе у организацій помощи достаточно. Гдѣ жъ отъ этой работы путь къ разлагающей политикѣ? Уяснивъ себѣ это, мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнаемъ, въ чемъ само зло, въ чемъ собственно выражается политическое дѣйствіе этихъ общественно-благотворительныхъ учрежденій.

Раньше всего клонитъ этихъ людей къ примиренчеству, къ пріятію великаго зла и возможному скрашиванію его самъ фактъ тѣсного общенія съ совѣтской властью. Въ свободной республикѣ большевиковъ, вѣдь, не накормишь голоднаго и не перевяжешь раны истекающему кровью безъ назойливой, примитивно-грубой опеки благодѣтельной власти. И это еще въ лучшемъ случаѣ. Въ худшемъ же случаѣ она станетъ между вами и жертвой, ея же жертвой, и кусокъ хлѣба дойдетъ до рта голоднаго, только пройдя черезъ нечистыя руки все умѣющихъ и на все готовыхъ слугъ коммунистической власти. Приходится помогающимъ приспособляться, и не только внѣшне, но и внутренне, душевно. «Поцѣлуй да плюнь» — это можно сдѣлать разъ, будучи застигнутъ воровскимъ атаманомъ на перекресткѣ дорогъ. Но когда «цѣловать» приходится ежедневно, начинаешь убѣждать себя, что рука, которой касаешься губами, не такъ ужъ грязна. Не поддаться этому самообману не легко и во всякомъ случаѣ не по силамъ людямъ, которые, пребывая на послѣдней ступени униженности, обращаются трижды въ день къ Господу Богу съ молитвой: избави насъ отъ реакціи. И вотъ, для примѣра, плоды близости и приспособленія.

Пріѣхалъ сюда, въ Берлинъ, прошлымъ лѣтомъ изъ Россіи еврейскій общественный дѣятель, онъ же русскій народникъ, съ цѣлью образовать комитетъ помощи голодающимъ евреямъ, въ чемъ и успѣлъ. Выступивъ съ докладомъ о положеніи еврейского населеія въ голодающей Россіи, онъ счелъ нужнымъ между прочимъ, сказать: «Было бы неосновательнымъ винить политику въ разразившемся голодѣ, ибо въ прошломъ послѣдній являлся закономѣрнымъ

спутникомъ россійской жизни, повторяясь черезъ каждыя 5—7 лѣтъ. Совѣтскую власть можно упрекнуть лишь въ томъ, что она при построеніи революціонныхъ перспективъ Россіи не учла этого голода, почему въ моментъ, когда послѣдній разразился, власть не оказалась въ силахъ справиться съ нимъ. Голодная смерть тогда не являлась такимъ стихійнымъ бѣдствіемъ.» Какая осторожность, сколько заботы о томъ, чтобы не обременить чуткую совѣсть совѣтскихъ властителей излишней тяжестью! Предо мною какъ разъ лежитъ сейчасъ статья С. Н. Прокоповича, отнюдь не «черносотенца», какъ извѣстно, и тутъ я читаю: «Въ черноземныхъ губерніяхъ, напротивъ, засуха и неурожай, осложненные голодомъ — этимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предыдущей продовольственной политики совѣтской власти — привели къ рѣзкому сокращенію посѣвной площади.» Все это и гораздо больше этого знали мы всѣ и до открытія г. Прокоповича, зналъ это, разумѣется, и докладывавшій д-ръ Гранъ. Совсѣмъ нетрудно было ему додуматься и до того, что для еврейскаго именно населенія, какъ городского, совѣтскій голодъ никакимъ образомъ сравнить нельзя съ прежде бывшими. Вопервыхъ, потому, что прежде городской человѣкъ не зависѣлъ въ такой мѣрѣ непосредственно отъ урожая; онъ жилъ отъ городскихъ промысловъ, на которыхъ состояніе урожая отражалось лишь посредственно; теперь же эти промыслы разрушены, не голодающими, разумѣется, а ихъ мучителями. Вовторыхъ, теперь голодъ именно въ городахъ обрушился на населеніе, истощенное и заморенное четырехлѣтнимъ полуголоднымъ существованіемъ на совѣтскомъ пайкѣ, чего раньше, конечно, не было. Какъ врачъ, докладчикъ былъ достаточно подготовленъ, чтобы оцѣнить это обстоятельство, и какъ еврейскій патріотъ, онъ имѣлъ тутъ чѣмъ возмущаться. Вмѣсто возмущенія мы услышали апологію, жалкую, лживую, непристойную.

Тутъ нѣтъ, впрочемъ, ничего специфически-еврейскаго. Когда г-жѣ Кусковой казалось, что она вмѣстѣ съ совѣтской властью будетъ спасать Россію, она поторопилась напечатать въ «Красной газетѣ» произведеніе, въ которомъ царскому правительству, не дававшему обществу помогать голоднымъ, противопоставлялась пролетарская власть, прибѣгающая къ

содѣйствію общественныхъ силъ. Дьяволъ всегда взамѣнъ услугъ требовалъ человѣческой души. То была его программа-минимумъ. Теперь дьяволъ сталъ большевикомъ и развернулъ программу-максимумъ: за честь ему служить — и помогать голодающимъ въ Россіи, вѣдь, услуга совѣтской власти — человѣкъ долженъ заплатить своей душой. И ее отдаютъ съ одинаковой готовностью и Кускова и Гранъ. Различіе между «нами» и «ими» тѣмъ не менѣе остается, и не въ нашу пользу. Что тамъ, въ русскомъ обществѣ, Кускова, то у насъ-общественность; другой общественности у насъ нѣтъ.

Если въ концѣ пути, при раздачѣ помощи, задача нашихъ организацій какъ то сама собой расширяется и онѣ, кормя голодныхъ, одѣваютъ еще кромѣ того нагихъ, т. е. стыдливо прикрываютъ звѣриную наготу большевиковъ и ихъ власти, то въ началѣ пути, при сборѣ средствъ для помощи, онѣ такимъ же образомъ, т. е. также безъ нарочитости, въ порядкѣ быта, разоблачаютъ, принижаютъ, охаиваютъ все и всѣхъ, что было въ Россіи до большевиковъ и до революціи силой, оберегавшей и строившей, какъ и всѣхъ тѣхъ, что боролись и готовы впредь бороться за освобожденіе Россіи отъ тяжкаго и постыднаго ига большевиковъ. Чтобы многочисленныя учрежденія помощи могли хоть кое-какъ осуществлять въ наше бѣдственное время свои задачи, чтобы можно было содержать довольно многочисленные и недурно оплачиваемые штаты, для этого требуются очень большія средства. Ихъ даетъ почти цѣликомъ Америка. У меня нѣтъ свѣдѣній о томъ, сколько даютъ туземные, обамериканившіеся уже евреи и сколько выпадаетъ на долю русскихъ евреевъ, осѣвшихъ за послѣдніи 25 лѣтъ въ большомъ числѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что шума вокругъ дѣла помощи всего больше именно въ средѣ русскихъ выходцевъ. А среда эта такова, что въ ней очень легко распространяются про-большевицкія идеи и лишь съ большимъ трудомъ могли бы проложить себѣ путь противо-большевицкіе взгляды.

Большинство перекочевавшихъ въ Америку русскихъ евреевъ уходило изъ Россіи съ представленіемъ, что еврею тамъ жить невозможно, что тутъ онъ на каждомъ шагу натыкается на ограниченія, что его достояніе и сама жизнь

его здѣсь не охраняются. Попавъ въ среду дѣйствительно свободной и мощной американской жизни, люди эти очень скоро проникались высокомѣрнымъ презрѣніемъ не къ Россіи — компетентные наблюдатели утверждаютъ, что русскіе евреи въ Америкѣ еще послѣ десятилѣтій испытываютъ тоску по родинѣ —, но къ ея строю, къ ея политическому укладу. Самое свободу американскую эти пришельцы воспринимаютъ черезъ свои, выходящіе на разговорно-еврейскомъ языкѣ газеты, среди которыхъ далеко преобладаютъ улично-крикливые, неразборчивые и, разумѣется, соціалистическіе листы и листки. Для людей съ такими воспоминаніями и такими представленіями большевицкая Россія легко превратилась въ обѣтованную землю: тутъ и равенство, и соціализмъ, и еврейская власть. Я и въ Москвѣ и въ Петроградѣ видѣлъ евреевъ, подъ вліяніемъ такихъ представленій вернувшихся изъ Америки въ Россію, слышалъ разсказы объ истинно-совѣтскихъ мытарствахъ, испытывавшихся ими со дня перехода русской границы, наблюдалъ, какъ по истеченіи очень короткаго времени эти жертвы большевицкой пропаганды и собственной темноты готовы были бѣжать куда глаза глядятъ, если бы только была возможность вырваться изъ совѣтскаго плѣна. Но оттуда, какъ съ того свѣта, никто не возвращается, и русско-еврейская Америка и сейчасъ весьма смутно представляетъ себѣ, какъ живутъ въ Россіи подъ властью совѣтовъ, какъ живется, въ частности, евреямъ въ нынѣшней Россіи.

Изъ этой среды черпаются деньги для дѣлъ нашихъ общественныхъ комитетовъ. Просите у человѣка помощи для разоренной семьи, для беззащитныхъ сиротъ, онъ откликнется въ мѣру своей чуткости къ чужимъ страданіямъ. Но скажите ему, что въ бѣдственное состояніе привелъ нуждающихся его и вашъ врагъ, нашъ общій врагъ, черносотенецъ, бѣлый, монархистъ, онъ воспламенится, любовь и ненависть, доброе и злое чувство вступятъ въ кооперацію, и результаты будутъ болѣе значительные. Ищущіе денегъ находятся, такимъ образомъ, по отношенію къ реакціонеру, контръ-революціонеру, погромщику въ томъ положеніи, когда принято говорить: если бы его не было, его нужно было бы выдумать. Но выдумывать нашимъ общественнымъ дѣятелямъ не приходится. За рѣдкими исключеніями, они и сами

живутъ представленіями, весьма немногимъ отличающимися отъ представленій нашихъ собратьевъ въ Америкѣ. Они достаточно просвѣщенны, чтобы знать, что революція за евреевъ, контръ-революція противъ евреевъ, что красные погромовъ не устраиваютъ, а бѣлые — жестокіе погромщики; они въ тоже время не настолько пытливы и не настолько встревожены совершающимся вокругъ насъ, чтобы почувствовать потребность этотъ скудный запасъ своихъ знаній пополнить или, по крайней мѣрѣ, провѣрить. «Попъ» и «приходъ», такимъ образомъ, вполнѣ другъ для друга подходятъ. Еслибы въ еврейскихъ кварталахъ Нью-Іорка и могло возникнуть сомнѣніе, такъ ли тѣсно связано существованіе русскаго еврейства съ властью большевиковъ надъ Россіей, то свѣдѣнія, которыми въ изобиліи снабжаютъ ихъ комитеты помощи, легко такое сомнѣніе устранили бы; наоборотъ, если бы въ комъ либо изъ засѣдающихъ въ комитетахъ пробудилось чувство отвѣтственности и онъ захотѣлъ бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ и такъ ли онъ дѣлаетъ, то онъ скоро почувствовалъ бы неудобство этого въ видѣ сопротивленія американской среды, съ которой онъ связанъ, и тревога въ немъ улеглась бы.*)

Это печальное согласіе между нашими комитетами и заокеанскимъ еврействомъ дополняется третьимъ элементомъ, — тѣмъ именно, которому присвоено было то же наименованіе въ русскомъ земствѣ. Какъ земскія учрежденія, какъ представительныя учрежденія россійской промышленности и торговли облѣплены были, точно шелудивый струпьями, наемными работниками самаго радикальнаго пошиба, расторопными въ своемъ прямомъ дѣлѣ, но раньше всего и больше всего интересовавшимися ввѣреннымъ имъ дѣломъ, какъ матеріаломъ для политической пропаганды, такъ это случилось и съ еврейскими учрежденіями. Здѣсь третій элементъ почти сплошь — націоналъ-соціалисты. Но не баварскаго покроя. Тамъ націоналъ-соціалистъ значитъ: хотя я соціалистъ, но раньше всего я нѣмецъ, а потому я буду бороться противъ всего, что подтачиваетъ и расточаетъ силы націи. Нашъ націоналъ-соціалистъ хочетъ ев-

*) По послѣднимъ извѣстіямъ въ Америкѣ намѣчается поворотъ: тамъ начинаютъ разбираться въ томъ, кто такіе большевики и что значитъ ихъ власть для евреевъ. Это лучше всего замѣтно изъ рѣзко измѣнившемся отношеніи еврейской печати къ большевикамъ.

рейскій народъ преобразить въ политическую націю, а соціалистъ онъ — на общемъ основаніи. Онъ хочетъ, такимъ образомъ, передѣлать міръ въ двухъ направленіяхъ сразу, и въ горизонтальномъ и въ вертикальномъ направленіи. Люди это самые легковѣсные, самые ненужные, какъ ни на есть никчемные. И вѣсъ ихъ, какъ таковыхъ, въ еврейской общественности ничтоженъ. Но въ комитетахъ вліяніе ихъ весьма значительно, а черезъ комитеты вліяютъ они и на еврейское общественное мнѣніе. Въ какомъ направленіи вліяютъ, догадаться нетрудно. Такъ какъ они находятся около дѣла помощи, а помогать приходится, конечно, только обездоленнымъ, зло же въ мірѣ всегда причиняетъ нѣкто злой: бюрократія, реакція, буржуазія, имперіалистъ, антисемитъ, то каждая новая жертва говоритъ имъ о несовершенствахъ міра сего, и ихъ профессіональная дѣятельность смыкается съ ихъ міропреобразовательными потугами.

Что для нихъ большевики лучше «реакціи», это само собой понятно. Орудіемъ же въ борьбѣ противъ реакціи служатъ «погромы», т. е. тѣ ужасающія истребленія и ограбленія евреевъ, коорыя въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ смуты длились на всемъ югѣ Россіи и теперь еще не вполнѣ прекратились. Преимущественно руками нашихъ національ-соціалистовъ собирается, при благосклонномъ содѣйствіи большевиковъ, разумѣется, (ибо въ царствѣ соціалистической свободы безъ власти вообще ничего не дѣлается) матеріалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, черезъ нихъ попадаетъ онъ въ еврейскія газеты, ими обрабатывается онъ и пускается въ широкій оборотъ въ публичныхъ выступленіяхъ, въ брошюрахъ и многотомныхъ изданіяхъ. Я встрѣчалъ въ Москвѣ расторопныхъ молодыхъ людей этой разновидности. умудрявшихся дѣлать сразу три дѣла. Какъ товарищи-соціалисты, они перевозили черезъ польскую границу большевицкую литературу. Находясь въ такомъ качествѣ въ положеніи привилегированномъ, они брали, во вторыхъ, за хорошія деньги подряды по тайному переводу евреевъ-буржуевъ черезъ границу; въ третьихъ, они перевозили матеріалы о погромахъ и при случаѣ выступали въ Европѣ съ докладами на эту тему. На мое неодобреніе такого совмѣстительства я услышалъ отвѣтъ, въ которомъ было и изумленіе, и возмущеніе: это — антисемитизмъ!

Сказаннымъ отнюдь не желаю опорочить достовѣрность самого матеріала о «погромахъ»; это вопросъ особый, который долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отдѣльно и рѣшаться. Но примѣненіе, которое дается этому матерьялу, и свѣтъ, которымъ онъ освѣщается, это вполнѣ зависитъ, очевидно, отъ пониманія и вкусовъ распоряжающихся имъ. Для того же, чтобы дать представленіе объ этихъ вкусахъ, достаточно привести здѣсь одну только фразу изъ книжки, напечатанной въ Берлинѣ въ 1922 году и озаглавленной «Погромы на Украйнѣ», съ подзаголовкомъ: періодъ добровольческой арміи. Авторъ разоблачаетъ командованіе бѣлой арміи, что у него не было искренности въ борьбѣ противъ еврейскихъ погромовъ. «Для того же, чтобы у высшаго командованія могла быть такая искренность, необходимо было, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, смотрѣло на евреевъ, какъ на равноправныхъ гражданъ, какъ на органическую часть всего населенія, которое также, какъ это послѣднее, въ правѣ имѣть въ своей средѣ и большевиковъ (если большевизмъ составляетъ «преступленіе» на взглядъ Добровольческой арміи), нисколько не отвѣчая за нихъ по средневѣковому способу круговой поруки». О претензіяхъ, заключающихся въ этой достопримѣчательной фразѣ, рѣчь еще будетъ. Здѣсь она насъ интересутъ постольку, поскольку въ ней отразилась личность писавшаго. Сразу не поймешь даже, что собственно командованіе могло бы еще сдѣлать по отношенію къ евреямъ, если признать насъ равными съ остальнымъ населеніемъ оно должно было «по крайней мѣрѣ». Не обязанно же оно было признавать насъ высшими существами. Это «по крайней мѣрѣ» становится понятнымъ, когда обращаешь вниманіе на заключенную въ скобки оговорку: если большевизмъ составляетъ «преступленіе» на взглядъ Добровольческой арміи. Для самого автора, хотя онъ отнюдь не большевикъ, а только еврейскій націоналъ-соціалистъ, и безобиднѣйшій, можетъ быть, среди нихъ, большевизмъ настолько не преступленіе, что онъ само это слово бережно заключаетъ въ кавычки, чтобы неосторожнымъ выраженіемъ какъ нибудь, ненарокомъ, не задѣть незапятнанной и маркой чести большевиковъ. Будь командованіе на надлежащей высотѣ, оно бы относилось къ большевизму съ той же широкой терпимостью, что онъ,

авторъ книжки, г. Штифъ. Но если высшее командованіе до такой высоты подняться неспособно было, то оно, по крайней мѣрѣ, должно было признать за нами право имѣть своихъ большевиковъ и т. д.

Вотъ такими глазами разсматривается матеріалъ о «погромахъ», такими руками онъ собирается и разрабатывается. Неудивительно, что большевики съ такой охотой содѣйствуютъ и собиранію этого матеріала и экспорту его; неудивительно, что они только что упомянутую книжку закупили сейчасъ же по ея появленіи въ количествѣ двадцати тысячъ экземпляровъ для широкаго распространенія. Усилія ихъ окупаются въ полной мѣрѣ и даже выше всякой мѣры. Раньше всего въ средѣ самого еврейства, представляющаго собой достаточно подготовленную почву для воспріятія такихъ сѣмянъ.

Для еврея бѣлая армія — банда разбойниковъ, слово бѣлый равно слову жидорѣзъ. Это не доказывается даже, объ этомъ не спорятъ, это говорится походя. Въ еженедѣльникѣ, выходящемъ на русскомъ языкѣ, сообщается, наприм, изъ Праги, что «тамъ имѣются такіе еврейскіе элементы, которые не могутъ быть приняты въ счетъ. Это отбросы еврейской общественности, сроднившіеся съ Врангелемъ и продѣлавшіе съ его арміей весь длинный путь до Праги». Ген. Врангель не мало, вѣроятно, удивился бы, узнавъ, что у него имѣется еврейская родня; но еврейскій корреспондентъ еврейскаго изданія отказывается безъ малѣйшаго раздумья отъ своей дѣйствительной родни, заподозривъ ее въ симпатіи къ Врангелю. Мое выступленіе на собраніи, устроенномъ въ пятую годовщину основанія бѣлой арміи, было поэтому вполнѣ послѣдовательно воспринято еврейскимъ обществомъ, какъ дерзкій вызовъ. И я спрашиваю себя: что же случилось? Я ли оторвался отъ еврейства, или еврейство, заблудившись въ чащѣ словесности, само себя потеряло? Нѣтъ, оставимъ условности. Я такого вопроса не ставлю и не могу ставить. Ибо я знаю, съ достовѣрностью непосредственно даннаго знаю, что недостойное отношеніе евреевъ къ людямъ, подъявшимъ на свои рамена безмѣрно тяжкое бремя борьбы за Россію, за милліоны безотвѣтныхъ и безвольныхъ, свидѣтельствуетъ о глубокомъ моральномъ распадѣ, объ извращеніи сознанія, для болѣю-

щаго этимъ недугомъ еще болѣе опасномъ, чѣмъ для окружающихъ. Пусть убійства, грабежи и насилія, наполнившія еврейскіе города и мѣстечки юга Россіи стономъ и воплемъ, нужно представлять себѣ именно такъ, именно въ той связи и послѣдовательности событій, какъ рисуютъ это наши погромные лѣтописцы. Но было, вѣдь, не только это. Бѣлая армія не только избивала евреевъ. Она, малочисленная, неустроенная и безоружная, вела еще, кромѣ того, сказочно-героическую борьбу противъ огромнаго, чудовищно-наглаго и лютаго врага, борьбу Давида съ Голіафомъ. Противъ врага, не только превозошедшего жестокостью своей все, что до сихъ поръ извѣстно было о звѣрѣ въ человѣкѣ, но по примитивности своей идеологіи, примитивностью всего своего существа обезличивавшаго 150 милліоновъ людей въ такой мѣрѣ, какъ этого никогда еще не сдѣлалъ ни одинъ рабовладѣлецъ со своими рабами-колодниками. Изъ безчисленныхъ преступленій, содѣянныхъ поработителями Россіи, это преступленіе самое тяжкое. И разрушеніе государства, и разореніе народнаго хозяйства, и попраніе всякаго права — все это только части и частности одного Каинова дѣла: угашеніе духа человѣческаго; безъ этого все остальное было бы и невозможно, и не столь страшно. Обезличеніе же человѣка не было случайнымъ явленіемъ, сопутствующимъ соціалистической власти, а прямымъ ея заданіемъ; именно для того, чтобы получить возможность распоряжаться и всѣмъ трудомъ человѣка и всѣми его помыслами, совѣтская власть убивала въ точномъ смыслѣ слова безъ счета, морила голодомъ, разрушала послѣднія основы человѣческой культуры. И среди многихъ милліоновъ, изводимыхъ, изнуряемыхъ и ограбленныхъ до послѣдняго, до образа человѣческаго включительно, были и находятся милліоны и нашихъ братьевъ, милліоны евреевъ. Пусть каждый Гранъ обременяетъ себя пудами лжи, пусть этой лжи накопились горы, не скроютъ онѣ отъ взоровъ человѣчества ни горы труповъ, нашихъ труповъ, нашихъ жертвъ большевицкаго владычества, ни страшнаго опустошенія, матерьяльнаго и моральнаго, произведеннаго этой властью и въ нашей, еврейской средѣ. И тогда, какъ всѣ мы, и евреи, и не-евреи, покорно подставляли выю подъ ярмо и спину подъ палку, отдѣльные русскіе люди, муже-

ственные и гордые, просочившись сквозь всѣ заставы, собравшись съ обрывковъ фронта, разорваннаго въ клочья, сплотились и подняли знамя борьбы. Они имѣли удачи и неудачи, были близки къ торжеству и сорвались въ пропасть. Но ужъ то, что они посмѣли въ этихъ условіяхъ бороться, поднимаетъ этихъ людей и ихъ дѣло на ту высоту, на которой исторія записываетъ только подвиги нетлѣнные. И эти люди стали предметомъ поношенія, ихъ клеймитъ каждый праздно-болтающій языкъ, и степенью проявленнаго въ этомъ дѣлѣ усердія измѣряется любовь еврея къ родному народу!

Тупость къ героическому никогда не краситъ, а при этихъ условіяхъ въ особенности. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, доблесть не покрываетъ преступленія, пусть своя рубаха къ тѣлу ближе, но, вѣдь, и подъ большевиками съ насъ не только рубаху снимали, а снимали ее вмѣстѣ со шкурой; но вѣдь и Россія, за которую боролись бѣлые, намъ не чужая; она тоже намъ «своя рубаха». Итакъ, бѣлые, если даже смотрѣть на происходившее на югѣ Россіи глазами нашихъ націоналъ-соціалистовъ, были для насъ не только истребителями, но въ то же время и избавителями. При такой противорѣчивости явленія могла бы въ душѣ еврея возникнуть трагическая коллизія, которая въ свою очередь могла бы у одного еврея разрѣшиться такъ, у другого иначе. Вмѣсто трагизма мы видимъ повальное легкомысліе, безграничную распущенность слова, торжествующее верхоглядство. Ни въ чемъ, можетъ быть, не сказывается съ такой наглядностью это легкомысліе, какъ въ той ходячей фразѣ, которая должна его прикрыть: красные угнетали насъ, какъ людей, бѣлые — какъ евреевъ. Не бываетъ двухъ человѣческихъ достоинствъ, какъ нѣтъ у человѣка двухъ жизней. Человѣческое достоинство недѣлимо, какъ недѣлима личность человѣка. И только тотъ, кто заранѣе склоненъ однобоко воспринимать вещи, мирится съ бѣдствіями, причиняемыми революціей — ибо это революція — и щетинится противъ тягостей, проистекающихъ изъ борьбы противъ нея, только тотъ можетъ кормить себя и своихъ такой жидкой словесностью и воображать себя при этомъ сытымъ.

А послѣдствія этой словесности таковы: общественное

мнѣніе еврейства всего міра отвернулось отъ Россіи и повернуло въ сторону большевиковъ. Ибо клеймя и проклиная бѣлую армію, еврей и не думаетъ хлопотать о созданіи голубой, фіолетовой или какъ либо иначе окрашенной арміи, которая готова была бы пролить свою кровь за Россію, а евреевъ не обижала бы. Не думаетъ онъ, само собой разумѣется, и о какихъ либо другихъ путяхъ, которые могли бы привести къ освобожденію Россіи изъ подъ тяжкаго гнета, ее придавившаго; въ крайнемъ случаѣ, прижатый къ стѣнѣ, онъ отвѣчаетъ, что какъ-нибудь тамъ, въ Россіи, образуется. Французскій же, англійскій или американскій еврей и не обязанъ думать о томъ, какъ Россія выберется изъ пропасти, куда она ввергнута была безсмысленнымъ бунтомъ, именуемымъ революціей, и у него о Россіи и дѣлахъ русскихъ остается въ сознаніи только одно: существующая теперь власть большевиковъ уже тѣмъ благодѣтельна, что она не допускаетъ еврейскихъ погромовъ; ей угрожаетъ «реакція», готовая евреевъ истребить. Когда хорошо извѣстный намъ, старый, заслуженный еврейскій общественный дѣятель — бѣлый воронъ — предложилъ въ одной изъ европейскихъ столицъ высокому еврейскому сановнику духовнаго званія организовать протестъ противъ казней православныхъ священниковъ въ Россіи, тотъ, подумавъ, отвѣтилъ ему, что это значило бы бороться противъ большевиковъ, чего онъ не считаетъ возможнымъ дѣлать, такъ какъ паденіе большевицкой власти приведетъ къ еврейскимъ погромамъ, и его, сановника, руки окажутся, такимъ образомъ, замаранными еврейской кровью. Чтобы не пачкать своихъ рукъ въ крови, нужно предоставить большевикамъ безпрепятственно совершать казни, — таковъ послѣдовательный, логическій выводъ изъ погромной философіи исторіи, съ такимъ усердіемъ разрабатываемой нашими общественниками съ національ-соціалистами во главѣ. И этотъ выводъ иностранца, которому до Россіи дѣла нѣтъ, лишь очень немногимъ идетъ дальше того, что твердятъ ежедневно русскіе евреи, говорящіе отъ имени русскаго еврейства. Въ итогѣ весь немалый вѣсъ всемірнаго еврейства, который могъ бы, а по моему и долженъ былъ бы давить въ пользу Россіи, падаетъ на противоположную чашку вѣсовъ: давитъ въ пользу ея поработителей.

Мы присмотрѣлись къ самымъ разнообразнымъ проявленіямъ еврейской общественности, и, если не считать нѣкоторыхъ крайнихъ и совершенно не вліятельныхъ группъ, мы нигдѣ не замѣтили принципіальной вражды къ Россіи, желанія ея гибели или распада. Тѣмъ менѣе могли мы открыть комплоты, заговоры противъ нея. Русское еврейство просто живетъ — поскольку живетъ — своей жизнью: хлопочетъ о Сіонѣ, объ автономіи, боится лишиться равноправія, боится подвергнуться насиліямъ. И эта ежедневная жизнь наша, нашъ бытъ оказывается на дѣлѣ вреднымъ для Россіи и большой подмогой для злѣйшихъ ея враговъ и враговъ всего человѣчества. Какъ далеко это отъ того, что говорятъ про насъ глупые и бездарные враги наши. Какъ далеко и насколько хуже!

Для насъ хуже. Насъ изображаютъ расой господъ, народомъ, силящимся захватить господство надъ міромъ и уже на половину успѣвшимъ въ этомъ. На дѣлѣ же мы только скользимъ блудной мыслью по поверхности міра, господствовать и надъ собой не умѣемъ, и если опасны кому теперь, то только потому, что плывемъ по теченію, разрушающему устои европейскаго общества, великими потрясеніями послѣднихъ лѣтъ уже глубоко расшатаннаго.

VI.

Ограничиться сказаннымъ выше о погромахъ было бы непозволительно. Тамъ рѣчь велась предположительно: допустимъ, что дѣло происходило такъ. Но важно знать, что было въ дѣйствительности; допущеніями и предположеніями нельзя жить въ наше шалое и жестокое время. Приходится вложить палецъ глубже въ кровоточащую рану, чтобы разобраться и въ характерѣ болѣзни и въ ея возбудителѣ.

Были ли на югѣ Россіи еврейскіе погромы? Если истребленіе людей и людского добра, убійства, грабежи, насилія и всякаго рода разрушенія составляютъ погромъ, то нѣтъ счета еврейскимъ погромамъ въ годы смуты, ибо лилась въ эти годы еврейская кровь безъ мѣры, до тла разорены и пущены были по міру сотни тысячъ еврейскихъ семей.

Но въ этомъ общемъ смыслѣ погромлена вся Россія, погромлено также полъ-Европы. Слова же «еврейскій погромъ» давно обрѣли значеніе техническаго термина, и означали они не вообще истребленіе людей и имущества, а истребленіе всего этого среди необычныхъ для такого дѣла условій, т. е. въ условіяхъ полнаго покоя, государственнаго порядка и всеобщей, за исключеніемъ громимыхъ, безопасности. Занимается государственными дѣлами правительство, отправляетъ правосудіе судъ, дѣлаетъ безпрепятственно свое дѣло администрація, стоитъ на перекресткѣ улицъ полицейскій стражъ, чувствуетъ себя безопаснымъ и получаетъ законную защиту всякъ живой человѣкъ, и только одна часть населенія данной мѣстности или всей страны, евреи, предаются среди бѣла дня, на глазахъ власти и всего общества, потоку и разграбленію; для нихъ не существуетъ ни закона, ни защиты, у нихъ почва, на которой стоитъ человѣческое общество, ушла изъ подъ ногъ, — таковъ еврейскій погромъ.

Не убійство пятидесяти трехъ человѣкъ въ Кишиневѣ всколыхнуло весной 1903 года весь культурный міръ, а та обстановка, въ которой эти убійства совершены были. То, что государство, измѣняя природѣ своей, отказало части своихъ гражданъ въ защитѣ ихъ жизни и имущества и позволило другимъ своимъ гражданамъ открыто и скопомъ нарушать всѣ уголовные законы и разрушать основы человѣческаго общежитія, это поразило воображеніе людей и потрясло ихъ совѣсть. Измѣна государства самому себѣ и преданіе имъ своихъ гражданъ — вотъ то особо возмущающее, ни съ чѣмъ несравнимое, что было въ еврейскомъ погромѣ. И такъ какъ власть, допускавшая такое извращеніе началъ государственности, дѣлала это по всеобщему мнѣнію въ цѣляхъ самообороны, въ цѣляхъ борьбы съ угрожавшей ей революціей, то весь одіумъ еврейскихъ погромовъ падалъ на «реакцію», на «самодержавіе», на «бюрократію». Эту схему переносятъ наши агитаторы цѣликомъ въ другое время и въ совершенно другую обстановку, повторяя на каждомъ шагу: «реакція», «контръ-революція», «бѣлые» устраивали погромы. Но этимъ утвержденіемъ грубо извращается вся историческая перспектива, обволакивается словеснымъ туманомъ то ужасное, что дѣйстви-

тельно было, и затрудняется тѣмъ самымъ возможность видѣть, что будетъ съ нами завтра. Слишкомъ дорогая цѣна за облегченіе поденщикамъ революціи возможности заниматься своимъ ремесломъ!

Раньше всего не было въ тѣ годы государства, которое могло бы измѣнить себѣ и предать своихъ гражданъ, не было признанной власти, которая могла бы заставить подвластныхъ слушать себя. Былъ хаосъ, была смута въ точномъ значеніи этого слова, было полное безначаліе. И именно потому, что это было такъ, не могло быть и другого существеннаго признака «еврейскаго погрома», — всеобщей безопасности, среди которой насилія надъ евреями составляли бы вопіющее исключеніе. Убивалъ и грабилъ всякій, кто могъ и хотѣлъ и кого хотѣлъ, ибо безоружный былъ въ то же время и беззащитный. Истреблялись человѣкъ и плоды его труда подъ всякими видами и предлогами. Избивались бунтующей чернью сотнями и тысячами офицеры русской арміи. Истреблялись помѣщичьи семьи, коимъ не удалось спастись бѣгствомъ; горѣли, ибо поджигались, помѣщичьи усадьбы; растаскивались и уничтожались культурныя цѣнности, накоплявшіяся въ нихъ въ теченіе поколѣній; избивалось мѣстами въ экономіяхъ все живое, даже безсловесная тварь. На улицахъ городовъ творила судъ и расправу чернь: свирѣпствовали самосуды. Владѣльцы фабрикъ и заводовъ изгонялись изъ своихъ предпріятій и жилищъ. Все это происходило уже въ первые медовые мѣсяцы революціи. Позже было больше планомѣрности, но не больше цѣнилась человѣческая жизнь. Тысячами, десятками тысячъ разстрѣливались во славу пролетарской революціи люди на всемъ протяженіи Россіи, — отъ столицъ до самыхъ заброшенныхъ захолустій; разстрѣливались безъ суда, часто безъ допроса, безъ вины, т. е. попросту убивались; другіе, и въ неменьшемъ числѣ, гноились въ смрадныхъ, зараженныхъ тюрьмахъ заложниками, при чемъ чаще всего никому неизвѣстно было, залогомъ чего держатся обреченные. Не перечесть всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ уничтожалъ человѣкъ человѣка. Но одна черта обща всему этому времени: охотились больше всего не за человѣкомъ, а за человѣческой разновидностью. Не вина, не дѣянія лица опускали топоръ ему на шею, а принад-

лежность его къ опредѣленному слою, сословію, классу. Истреблялись дворяне, буржуи, бюрократы, золотопогонники. Въ заложники попадали даже люди, имѣвшіе несчастіе занимать квартиру съ окнами на улицу: признакъ буржуазности.

При этихъ условіяхъ, когда на смерть обрекались цѣлыя человѣческія группы, было бы подлиннымъ чудомъ, если бы не добрались до группы «евреи», — группы, которая всегда и вездѣ на виду, всюду выдѣляется, съ которой и по поводу которой идетъ тяжба уже тысячелѣтія. И добрались, и истребляли такъ же безсмысленно, такъ же жестоко, какъ истребляли землевладѣльцевъ, царскихъ слугъ, капиталистовъ, такъ безсмысленно и такъ жестоко, какъ это способна дѣлать только разнузданная чернь, все равно именуетъ ли она себя властью или бунтуетъ противъ власти. Если тутъ былъ погромъ, то всеобщій; однихъ истребляли подъ однимъ видомъ, другихъ подъ другимъ. И когда въ отвѣтъ мнѣ говорятъ, вѣрнѣе истерически кричатъ: нѣтъ, не вѣрно, евреевъ истребляли особо, бѣлые захвативъ городъ искали не коммунистовъ, а евреевъ, то я не знаю, дѣтская ли это наивность или заскорузлая тупость чернорабочихъ политики, не способныхъ ни видѣть, ни слышать ничего другого, кромѣ того, что имъ нужно для ихъ несложнаго дѣла. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ насъ интересуетъ, любили ли бѣлые (и не бѣлые) евреевъ или не любили. Убиваютъ не изъ любви, это — ясно. Проклятіемъ времени было то, что каждый могъ давать волю своей ненависти, что можно было объявить вреднымъ классъ, сословіе, племя и, признавая ихъ таковыми, истреблять безвозбранно. Или обречь на истребленіе цѣлый классъ общественный, выгнать изъ города поголовно всѣхъ «буржуевъ» въ чемъ стоятъ, какъ это было, напримѣръ, въ Екатеринодарѣ, предоставить ихъ во власть холода и голода и послѣ многихъ недѣль вернуть уцѣлевшихъ въ ихъ жилища, гдѣ оставлены были имъ буквально только голыя стѣны, это — революція, а убивать и грабить евреевъ — это погромъ? Почему такая честь Марксу и его послѣдователямъ, почему всѣ грабители и разбойники должны быть непремѣнно подъ священнымъ стягомъ экономическаго матеріализма? Почему не могъ петлюровскій вольный казакъ

или деникинскій доброволецъ быть послѣдователемъ ученія, по которому вся исторія сводится къ борьбѣ не классовъ, а расъ, и, исправляя грѣхи исторіи, уничтожать расу, признанную имъ источникомъ всѣхъ золъ? Грабить, убивать, насиловать, безчинствовать одинаково удобно и подъ тѣмъ и подъ этимъ флагомъ.

Словомъ, никакая предвзятость не можетъ ничего измѣнить въ томъ историческомъ фактѣ, что погромъ евреевъ на югѣ Россіи входитъ составной частью въ общероссійскій погромъ, который въ свою очередь составляетъ даже не слѣдствіе смуты, революціи, контръ-революціи, а основное содержаніе ея. Но правильно ли говорить о смутѣ въ цѣломъ, не должны ли мы именно, евреи, различать въ ней доброе и злое начало, Ормузда и Аримана, революцію и контръ-революцію, и не повинна ли въ еврейской крови именно контръ-революція, реакція, какъ настойчиво насъ увѣряетъ и доказательству чего посвящена собственно вся агитація по поводу погромовъ? Для еврея представляетъ первостепенный, кровный интересъ получить правдивый отвѣтъ на этотъ вопросъ, ибо этимъ отвѣтомъ опредѣляются въ значительной мѣрѣ не только оцѣнка прошлаго, но и наши ожиданія въ грядущемъ.

Итакъ, вѣрно ли, что ужасающія насилія надъ евреями чинились руками именно враговъ революціи, что существуетъ прямая, непосредственная связь между контръ-революціонными усиліями нѣкоторой части русскаго общества и жертвами русскаго еврейства. Я это рѣшительно отрицаю; вѣрнѣе, это отрицаетъ исторія. Связывать великое пролитіе еврейской крови съ той или иной идеологіей значитъ такъ же предвзято извращать историческую дѣйствительность, какъ выдѣленіемъ еврейскаго погрома изъ погрома всероссійскаго. Изъ безчисленныхъ, разноокрашенныхъ знаменъ, пестрѣвшихъ въ тѣ годы надъ омраченными русскими равнинами и притязавшихъ каждое быть стягомъ высшей справедливости и истинной человѣчности, нѣтъ ни одного, которое не запятнало бы себя еврейской кровью, насиліями надъ беззащитными евреями, грабежомъ еврейскаго добра. Вопреки предвзятому мнѣнію, что революція должна евреевъ надѣлять благами, а контръ-революція — бѣдствіями, жестокій опытъ, болѣе длительный, чѣмъ это было нужно

для убѣдительности, показалъ, что это различіе и всякія идейныя различія стушевываются предъ другимъ, основнымъ въ жизни человѣческихъ обществъ: государственности и анархіи, дисциплины и распущенности, силы и безсилія власти, наличія и отсутствія таковой.

Въ первые мѣсяцы революціи, до большевиковъ, воздухъ насыщенъ былъ приторно-сладкимъ запахомъ: такъ пышно распустились тогда цвѣты человѣколюбиваго краснорѣчія. Тогда ли не былъ человѣкъ человѣку братъ? Но это нисколько не помѣшало ни изысканно-жестокимъ погромамъ въ Тарнополѣ и Калущѣ, поглотившимъ много еврейскихъ жизней, ни длинному ряду пьяныхъ и непьяныхъ погромовъ въ прилегавшихъ къ юго-западному фронту еврейскихъ мѣстечкахъ. Всякаго рода комитеты и съѣзды революціонные принимали одинъ за другимъ постановленія, что еврейскіе погромы пятнаютъ революцію и позорятъ демократію, но это не просвѣтило ни одного погромщика и не спасло ни одной жертвы. Если погромное движеніе не развернулось тогда шире и жертвъ не было больше, то только потому, что для этого времени, отмѣченнаго параличемъ воли, характерно вообще не разрушеніе, а разложеніе, не уничтоженіе того или другого въ предѣлахъ общества, для чего требуется все таки воля, напряженіе, а распадъ самого общества, разрывъ узъ, связующихъ милліоны человѣческихъ существъ въ единое, но расчлененное цѣлое. Свобода была понята, какъ освобожденіе отъ органиченій, налагаемыхъ на людей самимъ фактомъ ихъ совмѣстной жизни и взаимозависимости между ними. Поэтому уничтожались раньше всего тѣ, въ комъ воплощена была въ каждомъ данномъ мѣстѣ идея государства, общества, строя, порядка. Въ городахъ — полицейскіе, администраторы, судьи; на фабрикахъ — владѣлецъ или управитель, само присутствіе которыхъ напоминало о томъ, что нужно работать, чтобы получать плату, тогда какъ при свободѣ полагается, безпрепятственно митинговать и безъ границъ плату повышать; въ деревняхъ — сосѣдняя, ближайшая усадьба, символъ барства, т. е. власти и богатства одновременно, усадьба, которой подвластна была и лакомая земля и заманчивый племенной скотъ и которой именно поэтому при свободѣ невмѣстно было больше существовать. Но всего яснѣе

это на фронтѣ, гдѣ сосредоточена была въ то время вся тяга русской земли. Фронтъ жилъ одной мыслью, однимъ стремленіемъ: перестать существовать, разбрестись. Поэтому избивали солдаты офицеровъ, самъ видъ, само званіе которыхъ напоминало о подчиненіи; пробивались черепа станціонныхъ начальниковъ, ломались въ щепы вагоны, совершались насилія надъ пассажирами: со всѣмъ этимъ распустившаяся солдатчина, которую тянуло домой, точно рыбу къ мѣсту метанія, встрѣчалась на своемъ пути. Еврей могъ тутъ только случайно подвернуться подъ руку. А по мѣрѣ того, какъ двигающаяся масса удалялась отъ фронта, она разсѣивалась, каждый направлялся восвояси, и дѣйствіе скопомъ становилось тѣмъ самимъ невозможно. Разбредаясь, солдаты уносили въ свои деревни свѣтлые идеалы свободы, равенства и братства людей и народовъ, обрѣтенные на революціонныхъ солдатскихъ собраніяхъ, но также винтовки, которыми черезъ немного недѣль, когда свобода была ужъ завоевана и упрочена, они разстрѣливали женщинъ и дѣтей, и ручныя гранаты, которыми взрывались погреба, гдѣ въ дни смертельнаго страха укрывались въ обреченныхъ мѣстечкахъ евреи.

За временемъ безначалія пришла власть, которой не было еще равной по притязательности. Она присвоила себѣ все народное богатство, всѣ плоды и всѣ орудія труда и этимъ поставила въ полную зависимость отъ себя и человѣка: и дѣлать и не дѣлать человѣкъ долженъ только по приказу. Національизировавъ всѣ промыслы — до зубоврачеванія, эта власть не могла, разумѣется, оставить разбойный промыселъ въ частныхъ рукахъ. Разбой, бывшій основой ея могущества, долженъ былъ стать важнѣйшей монополіей власти, священной регаліей; богатство, хотя бы и награбленное, даетъ силу, а сила могла быть только въ рукахъ захватчиковъ власти. Большевикамъ не удалось осуществить этотъ идеалъ полностью. Ежедневно, ежечасно разворовывается народное добро, но это дѣлается въ потемкахъ, тайкомъ; идетъ въ странѣ и прямой грабежъ, но грабятъ отъ имени власти по легальнымъ титуламъ, хотя награбленное и не попадаетъ въ общій котелъ, а прилипаетъ къ рукамъ грабителей. Грабежа скопомъ и, слѣдовательно, открытаго эта власть не могла допускать больше всякой другой; для

нея это было вопросомъ жизни и смерти, немедленной смерти. И всего меньше можетъ она допускать нападенія скопомъ на евреевъ; она хорошо, вѣдь, знаетъ, что отъ разгрома евреевъ одинъ только шагъ до разгрома власти, глубоко ненавидимой и считаемой еврейской. Еврейскій погромъ объявленъ поэтому дѣломъ контръ-революціоннымъ, т. е. направленнымъ противъ совѣтской власти. И до сихъ поръ большевикамъ въ общемъ, хотя погромныя вспышки очень часты, удавалось справляться со зломъ, грозящимъ почти въ такой же мѣрѣ имъ, какъ евреямъ.

Но было время, когда власть большевиковъ не была еще такъ сильна, когда не успѣли они еще всего захватить и всѣхъ къ рукамъ прибрать. Не было у нихъ еще ни красной арміи, ни янычаровъ чрезвычаекъ, ни красныхъ курсантовъ, ни наемныхъ китайцевъ, а опиралась ихъ власть на уцѣлѣвшіе еще, но уже, разумѣется, революціонные полки прежней арміи, на красногвардейцевъ, т. е. добровольцевъ революціи, и на матросскую вольницу. Вотъ тогда, въ первую зиму большевицкаго владычества, сражавшіяся подъ краснымъ знаменемъ красныя войска учинили рядъ кровавыхъ погромовъ, среди которыхъ выдѣляются глуховскій и новгородъ-сѣверскій, количествомъ жертвъ, нарочитымъ звѣрствомъ и издѣвательствомъ надъ замученными затмившіе и калущское злодѣяніе. Отступая подъ давленіемъ нѣмцевъ, красныя войска громили встрѣчныя еврейскія мѣстечки, какъ это дѣлали много разъ до и послѣ того отступающія части, охваченныя разложеніемъ; убѣгая отъ бѣды, евреи прятались во рвахъ и въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ часто избивались крестьянами, у которыхъ думали спастись. Все это происходило въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, но и внѣ этого района красныя войска не разъ порывались расправиться съ евреями, и во многихъ случаяхъ это имъ удавалось: не рѣдки были тогда и невоенные погромы: громили евреевъ горожане, крестьяне, вернувшіеся съ фронта солдаты. Власть была та же, сверхреволюціонная, и такъ же она считала еврейскій погромъ контръ-революціей; матроссы и красногвардейцы горѣли революціоннымъ пыломъ, по части лѣвизны все обстояло благополучно. Только достаточной силы у власти не было. Поэтому еврейскіе погромы не

только были, но и совершались безнаказанно. Совѣтская власть замолчала и глуховскую, и новгородъ-сѣверскую рѣзню, виновныхъ не нашла, ибо не искала, звѣрствами, учиненными ея войсками, воспользовалась, какъ матеріаломъ для агитаціи противъ своихъ враговъ, — все, какъ дѣлаетъ обыкновенно власть, не доросшая до своего дѣла и вынужденная оглядываться на вольницу, которую возглавляетъ.

Еще нагляднѣе выступаетъ независимость погромнаго дѣла отъ политическихъ представленій и программъ въ слѣдующемъ, 1919 году, самомъ кровавомъ. Кромѣ большевиковъ, о которыхъ была уже рѣчь, боролись тогда на югѣ Россіи двѣ политическія силы: добровольческая армія, шедшая подъ знаменемъ единой недѣлимой Россіи, и украинцы, или петлюровцы, боровшіеся за самостійность Украйны. Добровольческая, или бѣлая армія была, при всей пестротѣ политическихъ теченій, въ ней боровшихся, и при всей нерѣшительности и политической неискренности ея верховъ, по существу контръ-революціонной и монархической. Еще болѣе несомнѣнно, что она относилась яро враждебно къ евреямъ и всему еврейскому. И въ этомъ отношеніи не могло быть, конечно, единства, однородности въ столь сложномъ и пестромъ многообразіи, какъ сравнительно большая, но наспѣхъ сколоченная армія; по разному думали, чувствовали и поступали разныя лица, разныя армейскія части, разныя инстанціи. Но общій уклонъ былъ несомнѣнно противъ евреевъ, и уклонъ крутой, срывающійся. И эта армія учинила по пути своего наступленія и, въ особенности, отступленія длинный рядъ еврейскихъ погромовъ, поглотившихъ неисчислимыя жертвы жизнями, здоровьемъ, достояніемъ; убійства, грабежи и насилія надъ женщинами не были неизмѣнными спутниками арміи, какъ утверждаютъ, переувеличивая ради своихъ цѣлей и безъ того страшное, наши націоналъ-соціалисты, но были настолько часты, что еврейское населеніе района передвиженія арміи могло себя чувствовать охваченнымъ погромной стихіей, — дѣйствіе погрома, передаваясь на разстояніи, производило опустошеніе и въ мѣстахъ, непосредственно пощаженныхъ.

Контръ-революціонная и ярко-погромная тенденціи совмѣстились тутъ, такимъ образомъ, въ одномъ коллективномъ

лицѣ, въ одной военно-политической организаціи. Не ясно ли, что еврей долженъ благословлять революцію и проклинать контръ-революцію? Исторія времени, столь богатаго самообольщеніями, этого призрачнаго утѣшенія не хотѣла намъ оставить. Тутъ же, подъ бокомъ дѣйствовала и боролась власть украинская, которая по части революціонности могла удовлетворить самымъ высокимъ требованіямъ, въ особенности же требованіямъ нашихъ національ-соціалистовъ. Власть эта была самозванная, какъ всякая революціонная власть, прошлаго у нея не было, Россіи она хотѣла не единой, а раздробленной, Украйну свою превозгласила республикой, землю отдавала крестьянамъ. Правящіе круги были тутъ почти сплошь соціалистическіе и, разумѣется, націоналистическіе, — совсѣмъ товарищи нашимъ «товарищамъ»; тутъ были соціалисты-федералисты, украинскіе эсэры, украинскіе эс-дэки; самъ Петлюра, глава движенія, давшій ему имя, — эс-декъ и, разумѣется, самостійникъ. Въ частности по отношенію къ такъ называемымъ меньшинствамъ, въ томъ числѣ къ евреямъ, украинская власть проявила самое широкое революціонное творчество. И сейчасъ помню длиннѣйшую и до краевъ наполненую восторгомъ телеграмму изъ Кіева къ Петроградскому еврейскому обществу, подписанную не то Зильберфарбомъ, не то другомъ Эздрой и извѣщавщую, что вавилонское плѣненіе кончилось, ибо въ благословенной Украинѣ еврейская автономія рѣшена. Она дѣйствительно была рѣшена и осуществлена даже. Былъ изданъ законъ о національно-персональной автономіи, существовалъ еврейскій національный совѣтъ, еврейскій генеральный секретаріатъ съ соотвѣтствующими департаментами, были признанныя властью еврейскія общины съ избраннымъ на широчайшихъ демократическихъ началахъ представительствомъ, и сверхъ всего этого евреи принимали еще очень активное участіе въ общеукраинской политикѣ. И рядомъ со всѣмъ этимъ революціоннымъ благополучіемъ шли безъ перерыва еврейскіе погромы, начавшіеся почти одновременно съ организаціей украинской власти, ставшіе особенно жестокими въ періодъ такъ называемой директоріи и не прекращавшіеся до тѣхъ поръ, пока существовала вооруженная украинская сила. Въ истребленіи евреевъ и еврейскаго добра соревно-

вали сѣчевики, вольные казаки и всякого другого наименованія украинскіе полки съ мѣстнымъ крестьянствомъ и городскимъ людомъ. «Петлюровцы» были для евреевъ правобережной Украины такой же угрозой, такимъ же страшилищемъ, какъ въ другихъ мѣстахъ казаки и черкесы бѣлой арміи. По абсолютному количеству жертвъ погромы добровольческой арміи, вѣроятно, превосходятъ петлюровскіе, такъ какъ и районъ дѣйствія и дѣйствующія силы превосходили въ первомъ случаѣ во много разъ силы украинцевъ и подвластныя имъ пространства. Но относительно, сравнительно съ ареной дѣйствія и подвизавшимися на ней силами, пальма первенства принадлежитъ по всей вѣроятности украинскимъ націоналъ-соціалистамъ. По единогласному мнѣнію людей, имѣвшихъ несчастіе пережить и тѣ и другіе погромы, петлюровцы больше всѣхъ другихъ именно за жизнью еврея гнались, за его душой: они преимущественно убивали.

Тутъ упрямые, жестокіе, кровопролитные погромы сочетались съ несомнѣнной революціонностью. Я не видѣлъ, однако, еще ни одного націоналъ-соціалиста, ни одного еврея, вообще, который на основаніи этого мрачнаго опыта отвернулся бы отъ революціи, проклялъ ее, предупреждалъ противъ нея. Погромы неизмѣнно ставятся въ счетъ контръ-революціи, — совершенно въ духѣ большевиковъ и имъ же на пользу. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ; кто противъ насъ, тотъ противъ революціи, — такъ отдѣляютъ козлищъ отъ овецъ большевики. Они могутъ поэтому съ нѣкоторымъ основаніемъ, хотя и очень непрочнымъ и наполовину уже разрушеннымъ въ Глуховѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ, вѣшать погромы на шею контръ-революціи. Но почему это особое, спеціально большевицкое истолкованіе исторіи обязательно для насъ, евреевъ? Какъ могутъ въ особенности люди, сидѣвшіе вмѣстѣ съ Петлюрой и съ другими героями Украинской революціи за однимъ столомъ и вмѣстѣ съ ними перестраивавшіе міръ, забыть о погромныхъ подвигахъ своихъ идейныхъ собратьевъ и весь пылъ своего горячаго еврейскаго сердца направлять противъ бѣлыхъ, противъ контръ-революціи? Между тѣмъ они то больше всего усердствуютъ. О еврейской крови, пролитой потомками и послѣдователями Хмѣльницкаго, Гонты и Желѣ-

зняка, охотнѣе всего забываютъ; гдѣ не вспомнить невозможно, тамъ торопятся пройти поскорѣе дальше, и даже въ сводныхъ работахъ, гдѣ этого шила никакъ ужъ не утаить, связываютъ погромы съ украинствомъ, т. е. съ расой (какая контръ-революціонная ересь!), съ «повстанческой стихіей», съ чѣмъ угодно, но только не съ революціей, не съ революціонной идеологіей, не съ революціонной властью. Съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ бытописатель этого времени сообщаетъ, что «въ революціи 1917 года и позже стихія бунта... неожиданно дала эффектъ еврейскаго разгрома и рѣзни». Но эта непріятная неожиданность отнюдь не омрачила въ глазахъ автора свѣтлаго лика революціи. Онъ ищетъ объясненій и находитъ ихъ; въ нуждѣ додумывается временами даже до мысли о слабости власти, о развалѣ арміи, чего никакъ не хотятъ ни понимать, ни даже вспомнить, когда рѣчь идетъ о бѣлой арміи.

А въ этой мысли для всякого, не продавшаго души словесному бѣсу, вся суть: погромы — порожденіе безвластья. Украинство висѣло въ воздухѣ. Знамя украинское собирало силы постольку, поскольку оно служило предлогомъ для бѣгства съ фронта, для пышныхъ парадовъ, для самовольства и всякаго рода притязаній; при первомъ испытаніи знамя мѣнялось на большевицкое, еще болѣе притязательное. Будучи по существу разлагающимъ, разрушительнымъ, украинство внутренне тяготѣло къ погрому, а власть украинская, сила которой была въ этой же разлагающей стихіи, ничего не могла ей противоставить. По иному, по инымъ причинамъ, но такъ же висѣла въ воздухѣ, такой же безпочвенной была и бѣлая армія. Она ставила себѣ великія созидательныя задачи, она стремилась освободить страну и народъ отъ совѣтскаго ига, возсоздать государство и ввести снова Россію въ сонмъ европейскихъ державъ. Но сама армія не была государственной, ибо не было за ней государства, упорядоченнаго и дѣеспособнаго общества. Была собственно не армія, а отряды повстанцевъ, опиравшіеся на чужую помощь, непостоянную и предательскую, какъ морская стихія, среди которой выросъ и сталъ могущественъ главный изъ помощниковъ: Англія. Дѣйствительную силу эта не имѣвшая тыла армія могла почерпать только въ нѣдрахъ освобождаемаго ею общества. Но это

общество, бредившее свободой, не хотѣло быть свободнымъ, оно не способно было на подвигъ самоограниченія, безъ котораго изъ смуты выбраться не возможно, не возможна вообще свобода. Празднoболтающій и всегда довольный собой обыватель не знаетъ болѣе вѣскаго аргумента противъ бѣлой арміи, чѣмъ тотъ, что встрѣчало ее населеніе цвѣтами, а провожало камнями. Такъ какъ населеніе, «народъ» не погрѣшимъ, значитъ — виновата армія, значитъ — она возстановляла противъ себя населеніе. Что народъ, сбитый съ толку, одурманенный, развращенный, можетъ не знать, чего онъ хочетъ, можетъ не понимать своихъ обязанностей и не выполнять ихъ, такой ереси не допуститъ, конечно, благочестивый въ своемъ безбожьи революціонный россіянинъ. Но было именно это. Отъ большевиковъ всѣ хотѣли избавиться, всѣ ждали благодѣтелей, которые избавили бы населеніе отъ совѣтской палки и поднесли бы каждому вмѣсто крошки чернаго хлѣба съ пескомъ, соломой или макухой бѣлую булку. Но избавители, кромѣ этого, должны были еще тутъ же, подъ пулеметнымъ огнемъ, выложить всѣ свободы и осуществить полностью равенство, надѣлить, вообще, всѣми благами, перечисленными въ тароватыхъ революціонныхъ программахъ. Что для успѣха въ борьбѣ, которую ведетъ горсть въ сущности безоруженныхъ противъ жестокаго врага, располагающаго всѣми средствами государства и ни передъ какими средствами не останавливающагося, каждый и каждая, отъ десятилѣтняго мальчика до семидесятилѣтней старухи, должны обратиться въ воиновъ, воиновъ по суровости духа, по самоотверженности, по готовности нести жертвы и тяготы, какъ это было въ бѣломъ станѣ въ Финляндіи, какъ это бываетъ при такихъ же условіяхъ всюду, гдѣ люди жаждутъ дѣйствительной свободы, дѣйствительнаго самоопредѣленія, этого никто знать не хотѣлъ и понять не могъ. Не могъ потому, что это распутное время совершенно вытѣснило изъ сознанія людей представленіе объ обязанности, заполнивъ его до краевъ правами, — потому, что и самые высокіе идеалисты не поднимались выше того, что «большевики губятъ революцію», т. е. дары приносящую фею. Не было ни повелительнаго требованія высшей силы и высшей цѣнности, чѣмъ могла и должна была служить въ данномъ случаѣ Родина,

какъ воплощеніе неисчислимыхъ усилій въ прошломъ и безконечныхъ возможностей въ будущемъ, ни того живого, дѣйственнаго чувства человѣческаго достоинства, при которомъ человѣкъ говоритъ: будь потомъ, что будетъ, но оставаться на положеніи безсловеснаго, на положеніи кролика, надъ которымъ продѣлываются опыты, не хочу и не буду.

Между тѣмъ только при такой сосредоточенности сознанія могло не быть погромовъ; мало того, при этомъ условіи погромы, какъ обычное явленіе, были бы невозможны. Суровость духа въ окружающей средѣ поставила бы предѣлы и вооруженному, во время междуусобій всюду склонному къ буйству, но лишь въ средѣ распущенной безпрепятственно своей склонности отдающемуся; въ этой крѣпости и суровости сознанія почерпала бы силу власть и могла бы властствовать, т. е. насилію противопоставлять силу. Тѣ меньшевики, эс-эры, кадеты и всякаго рода наименованія россійскіе преобразователи міровъ и прекраснодушные политики, которые съ перваго же часа занятія бѣлыми какого-либо города начинали предъявлять требованія и запросы къ власти, агитировать противъ нея и всячески ее расшатывать; въ частности тѣ евреи, которые никакъ не могли мириться съ тѣмъ, что командываніе гдѣ-то устранило еврея отъ военной типографіи, или съ подобными нарушеніями равенства, — они сдѣлали еврейскіе погромы неизбѣжными. Среди распущенности, которую они воплощали и поощряли, самовольство могло только расти. А стоящій на виду еврей притягиваетъ къ себѣ самовольствующаго, какъ торчащее наружу металическое остріе — молнію. Не имѣя опоры въ населеніи, власть не могла быть властью, и ей пришлось мириться съ еврейскими погромами, какъ она мирилась съ самоснабженіемъ арміи, т. е. тоже съ погромами, только другого вида. И когда теперь враги арміи, надѣвая личину патріотизма, твердятъ, что погромы и самоснабженіе разрушили добровольческую силу, то они въ простотѣ умственной себя же обличаютъ. Ясно, вѣдь, что эти прописи военнаго искусства были также извѣстны Деникину; не трудно также повѣрить, что Деникину и его штабу дѣло, которое они дѣлали, было не менѣе дорого, чѣмъ штатскимъ стратегамъ, выступающимъ съ обличительными рѣчами на

митингахъ. Но высшее командованіе, независимо отъ его вкусовъ, симпатій, представленій и ошибокъ, которыхъ было не мало, не могло выполнить своего долга, ибо совершенно забыло о долгѣ общество, которое армія шла освободить, и въ первую очередь тѣ, для которыхъ обличеніе контръ-революціи было и осталось профессіей, само собой разумѣющимся занятіемъ.

Рѣки еврейской крови были пролиты еще бандами Григорьева, Зеленаго, Махно, Ангела и многихъ другихъ разбойничьихъ атамановъ. Большевики, вѣрные себѣ, и ихъ сажаютъ въ лагерь контръ-революціи. Но если уже искать связи съ идеологіей, то всѣ эти банды должны по всей справедливости быть возвращены революціи, изъ лона которой они вышли; на долю контръ-революціи останется, кажется, одинъ только Булакъ-Булаховичъ. Григорьевъ и Махно сражались въ рядахъ большевиковъ, оказавъ ихъ дѣлу большія услуги, и въ честь этихъ героевъ революціи большевицкіе Пиндары сочиняли самыя восторженныя оды. Да и разбойное дѣло свое они дѣлали подъ идейно-революціонными знаменами. Самый грязный и самый жестокій изъ нихъ, возвращенный революціей изъ каторги Махно, совершалъ свои подвиги подъ знаменемъ анархизма. И когда подъ высоко-революціоннымъ знаменемъ было совершено уже столько кровавыхъ преступленій, что ихъ не вмѣстили бы и десять каторжныхъ тюремъ, большевики вступили вновь въ союзъ съ Махно и, предъ самымъ концомъ борьбы на югѣ, поручили, ему, какъ оффиціально извѣщалось въ совѣтскихъ газетахъ, важную оперативную задачу. Другія банды вышли изъ нѣдръ украинской революціи и на знаменахъ многихъ изъ нихъ значилось: бей жидовъ и москалей, да здравствуютъ совѣты! Свирѣпая Маруся Никифорова, банда которой истребляла цѣлыя мѣстечки, на которыя налетала, тоже орудовала подъ совѣтскимъ знаменемъ. И всю эту кровь, всю грязь этихъ преступленій сваливаютъ на голову контръ-революціи. Бѣлые устраивали погромы — таковъ кличъ, разносимый вольными и невольными пособниками большевиковъ по всему міру.

Чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ больше мы убѣждаемся, сколько въ агитаціи по поводу погромовъ и недомыслія, и партійнаго пристрастія, и нарочитыхъ извраще-

ній. И вся эта контрабанда провозится подъ флагомъ пламеннаго еврейскаго патріотизма. Но само это усердіе, это усиленное стараніе бросить весь вѣсъ нашихъ жертвъ на чашку революціи — при нынѣшнемъ положеніи вещей это значитъ фактически на чашку большевиковъ — это усердіе отнимаетъ у насъ и логическую, и моральную возможность клеймить на весь міръ тѣхъ бѣлыхъ, которые прошли по еврейскимъ мѣстечкамъ опустошительной грозой. Ибо если для евреевъ единственное спасеніе въ революціи, а для Россіи и русскаго народа революція есть гибель, какъ естественно думаетъ контръ-революціонеръ, то контръ-революція и евреи два враждебныхъ лагеря, и — на войнѣ, какъ на войнѣ. А война междуусобная всегда была и всегда будетъ жестокой и въ средствахъ неразборчивой. И тутъ мы подошли еще къ одному существенному пункту въ выясненіи того кровопролитія, которое именуютъ еврейскими погромами.

Дѣло не такъ обстоитъ, что была смута, гибли евреи и не евреи, а евреевъ истребляли и лѣвые и правые. Этимъ еще не все сказано. Нужно еще прибавить, что евреи были не только объектомъ воздѣйствія во время этой тяжкой смуты. Они также дѣйствовали, даже чрезмѣрно дѣйствовали. Еврей вооружалъ и безпримѣрной жестокостью удерживалъ вмѣстѣ красные полки, огнемъ и мечемъ защищавшіе «завоеванія революціи»; по приказу этого же еврея тысячи русскихъ людей, старики, женщины, бросались въ тюрьмы, чтобы залогомъ ихъ жизни заставить русскихъ офицеровъ стрѣлять въ своихъ братьевъ и отдавать честь и жизнь свою за злѣйшихъ своихъ враговъ. Однимъ росчеркомъ пера другой еврей истребилъ цѣлый родъ, предавъ казни всѣхъ находившихся на мѣстѣ, въ Петроградѣ, представителей дома Романовыхъ, отнюдь не различая правыхъ и виноватыхъ, не различая даже причастныхъ къ политикѣ и къ ней не причастныхъ. Пробираясь тайкомъ съ опасностью для жизни по желѣзной дорогѣ на югъ, къ бѣлой арміи, русскій офицеръ могъ видѣть, какъ на станціяхъ сѣверозападныхъ губерній по командѣ евреевъ-большевиковъ вытаскивались изъ вагоновъ чаще всего русскіе люди: евреи оставлялись, потому что сумѣли приспособиться къ дикимъ правиламъ большевиковъ о передвиженіи; русскій офицеръ

не могъ этого не видѣть, потому что это бросалось въ глаза и евреямъ, которые мнѣ объ этомъ съ горечью и съ ужасомъ разсказывали.

О подвигахъ евреевъ-большевиковъ можно было бы еще долго разсказывать. Что мы, всѣ прочіе въ это время дѣлали? Только что вышла книга, задача которой изобличить нашихъ враговъ; на дѣлѣ она есть жестокое обличеніе евреевъ. Сколько тутъ суеты, сколько крикливости, сколько стремленія всюду быть и все передѣлать! Евреи не только устраивали автономію національныхъ меньшинствъ, творя новое право, «какого не знаетъ ни одна страна въ Европѣ», но и украинскую автономію очень дѣятельно созидали. Такъ какъ исторія дѣлалась тогда скоро, писалась на пишущихъ машинахъ, то отъ автономіи быстро докатились до суверенности Украины, и еврейскія партіи, за исключеніемъ Бунда, щедро согласились (хотя и съ тревогой) и на суверенность Украинскаго Учредительнаго собранія, т. е. фактически на признаніе самостійности Украины. Но, отмѣчаетъ бытописатель, представителями и русскихъ партій, высказавшихся противъ этого, выступили т о ж е е в р е и. Затѣмъ возникъ вопросъ о заключеніи Украйной сепаратнаго міра; тутъ уже и еврейскія и общерусскія партіи высказались противъ, но опять таки «представителями отъ этихъ общерусскихъ партій выступили евреи». И съ Украинцами и противъ Украинцевъ, и за Россію и противъ Россіи — евреи. Я то знаю, сколько стоитъ и Щацъ-Анинъ, и всѣ «Объединенные», и Бундъ, сколько ихъ вмѣстѣ наберется и какой ихъ вѣсъ въ еврействѣ. Но, вопервыхъ, тутъ кромѣ нихъ и вмѣстѣ съ ними дѣйствовали численно очень значительныя и по общественному вѣсу очень вліятельныя группы, какъ сіонисты; вовторыхъ, такова всякая революціонная общественность: говоритъ отъ имени всѣхъ меньшинство, ничтожная часть, выдающая себя за цѣлое и другими за таковое принимаемое; въ данномъ случаѣ отождествлять это меньшинство со всѣмъ еврействомъ было тѣмъ болѣе позволительно, что догму о спасительности революціи для евреевъ еврейское общество яро отстаивало тогда, не менѣе горячо стоитъ за нее и теперь.

Но имѣемъ же мы право имѣть свои партіи, своихъ автономистовъ, своихъ федералистовъ; а если мы такъ доб-

родѣтельны, что, кромѣ евреевъ, бывшихъ за отдѣленіе юга Россіи, были и другіе, желавшіе сохранить видимую, призрачную связь между Югомъ и Сѣверомъ, то ужъ совсѣмъ благополучно, — чего отъ насъ еще хотятъ, чего могутъ отъ насъ хотѣть еще? Имѣемъ, имѣемъ всѣ права, всѣ и еще немного. Но до чего это тошнотворно слышать, до чего нелѣпо и непристойно твердить все о своихъ правахъ и требовать уваженія къ нимъ тамъ и тогда, гдѣ и когда ты же изо всѣхъ силъ раздуваешь огонь, пожирающій безъ остатка всѣ права, даже самыя безспорныя, и подъ пепломъ своимъ хоронящій и правыхъ и виноватыхъ. Помѣщикъ имѣлъ несомнѣнное право владѣть своей землей, имъ пріобрѣтенной на законномъ основаніи или унаслѣдованной отъ предковъ; офицеръ русской арміи не только право имѣлъ быть офицеромъ, но и обязанъ былъ. Пришла революція и не только объявила помѣщичью землю «народной», а власть офицера передала солдатскимъ комитетамъ, но также приговорила къ смерти прежнихъ владѣльцевъ этихъ правъ, помѣщика и офицера. Фактически это было такъ. Я помню обращеніе къ солдатамъ, выпущенное Совдепомъ перваго созыва, въ которомъ и евреи играли не маловажную роль, и имѣвшее цѣлью успокоить возбужденіе противъ командного состава. Солдаты должны были быть ангелами небесными или, по крайней мѣрѣ, сплошь мудрецами, Сократами, чтобы послѣ этого вразумленія не охотиться за офицерами: такъ оно успокаивало. Но если бы этого и подобныхъ воззваній, которымъ счету нѣтъ, и не было вовсе, но осталась бы та же жестокая дѣйствительность, развѣ революція и революціонеры были бы тогда болѣе пріемлемыми для тѣхъ, кто отъ нихъ страдаетъ? Это только человѣкъ съ извращенными мозгами, воспитанный на прокламаціяхъ, ничего, кромѣ прокламацій и программъ, въ мірѣ не видитъ. Нормальный человѣкъ думаетъ и чувствуетъ иначе. Онъ видитъ, что поднявшаяся смута слѣпо, безъ разбора уничтожаетъ все, что ему дорого, отъ Державы Россійской до его родного гнѣзда, отъ царской семьи до самыхъ близкихъ ему по крови людей: отца, сына, родного брата. Среди дѣйствительныхъ добровольцевъ бѣлой арміи врядъ ли было много такихъ, у которыхъ революція не отняла самого цѣннаго, самого до-

рогого. Онъ видитъ дальше, что въ этой смутѣ евреи принимаютъ дѣятельнѣйшее участіе въ качествѣ большевиковъ, въ качествѣ меньшевиковъ, въ качествѣ автономистовъ, во всѣхъ качествахъ, а все еврейство въ цѣломъ, поскольку оно революціи не дѣлаетъ, на нее уповаетъ и настолько себя съ ней отождествляетъ, что еврея-противника революціи всегда готово объявить врагомъ народа. И этотъ нормальный и жестоко отъ революціи страдающій человѣкъ дѣлаетъ свои выводы. Онъ также отождествляетъ насъ съ революціей, но по своему и для своихъ цѣлей; признавъ евреевъ воплощеніемъ революціи, онъ и самъ по революціонному поступаетъ, то есть бьетъ безъ разбору. Та же смута позволяетъ, вѣдь, каждому давать волю рукамъ. Мы же, присваивая себѣ право участвовать въ революціи во всѣхъ ея видахъ и въ высочайшей степени, требуемъ, чтобы окружающіе въ обращеніи съ нами соблюдали всѣ писанные и неписанные законы спокойнаго, нереволюціоннаго времени и съ судейскимъ безпристрастіемъ отличали виновнаго еврея отъ невиновнаго, — иначе мы кричимъ: погромъ! Это примѣненіе двухъ мѣръ, эта несоотвѣтствующая ни обстановкѣ, ни нашему собственному поведенію требовательность создаетъ намъ больше враговъ, чѣмъ само участіе въ революціи, ибо есть въ этомъ что-то противоестественное, вызовъ природѣ вещей.

Кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю. Это сказалъ не французскій остроумецъ, не буддійскій мудрецъ, а еврейскій пророкъ, самый душевный, самый скорбный, самый незлобивый изъ нашихъ пророковъ. Но и это пророчество, какъ многія другія, нами забыто; вмѣстѣ съ многими великими цѣнностями мы и эту потеряли. Мы сѣемъ бури и ураганы и хотимъ, чтобы насъ ласкали нѣжные зефиры. Ничего, кромѣ бѣдствій, такая слѣпая, попросту глупая притязательность принести не можетъ.

Поднимется, я знаю, вопль: оправдываетъ погромы! Но кого судьба поставила врачевателемъ въ дни народнаго мора, того не смутятъ крики: пускаетъ въ народъ холеру! Это — непріятность, связанная съ призваніемъ, съ исполненіемъ профессіональнаго долга. Не смутитъ меня и то, что кричитъ и будетъ кричать о пускаемой въ народъ отравѣ не безграмотная, а полуграмотная чернь. Я знаю

цѣну этимъ людямъ, мнящимъ себя солью земли, вершителями судебъ и во всякомъ случаѣ свѣточами во Израилѣ, свѣтоносцами. Я знаю, что они, съ устъ которыхъ не сходятъ слова: черная сотня и черносотенцы, сами черные, темные люди, подлинные viri obscuri, никогда не разумѣвшіе ни величія творческихъ силъ въ исторіи, ни грозной мощи разрушительной стихіи въ человѣкѣ и человѣкахъ. Ибо отъ живого міра, отъ міра, какъ онъ есть, ихъ отдѣляетъ глухая стѣна словесныхъ формулъ, наговоровъ, заклинаній и истинно шаманскихъ обрядностей. Мимо нихъ — къ выводамъ.

Первый касается нашего поведенія, нашего способа держать себя въ обществѣ народовъ. Уже тотъ фактъ, что наши жертвы составляютъ только часть жертвъ, поглощенныхъ губительной смутой, требуетъ отъ насъ съ повелительной необходимостью, чтобы мы меньше выпячивали свою боль, меньше кричали о своихъ потеряхъ. Пора намъ понять, что плачъ и рыданія не всегда свидѣтельствуютъ о глубокой потрясенности рыдающаго, чаще — о душевной распущенности, о недостаткѣ культуры души. Та самая баба, которая, отдавъ въ городъ ребенка въ больницу, спрашиваетъ врача, когда придти за распиской, т. е. за свидѣтельствомъ о смерти, въ другой обстановкѣ, въ деревнѣ, гдѣ это принято, рветъ на себѣ волосы надъ трупикомъ своего ребенка и оглашаетъ окрестности воплями. Культурные же люди провожаютъ своихъ дорогихъ къ послѣднему мѣсту успокоенія со стиснутыми зубами и тихими, часто незримыми слезами. Культура, углубляя и утончая переживанія человѣка, дѣлаетъ такую сдержанность возможной. Она же требуетъ сдержанности, и смыслъ этого требованія таковъ: ты не одинъ въ мірѣ, и печаль твоя не можетъ заполнить вселенной. Когда же, какъ въ нашемъ случаѣ, горя край непочатый и, по слову поэта, «скорбью народной переполнилась наша земля», то выставленіе напоказъ своего только горя, своей только боли свидѣтельствуетъ не только о недостаткѣ душевной дисциплины, но также о неуваженіи къ чужому горю, къ чужимъ страданіямъ, къ тому же — къ такимъ страданіямъ, которыя не должны бы быть чужими. Три тысячи лѣтъ уже живетъ еврейскій народъ сознательной жизнью на землѣ, и гдѣ у

насъ хоть слѣды, хотя бы только слабые признаки аристократизма, присущаго обыкновенно древнимъ родамъ? Мы — демократы, и все наше поведеніе согласуется съ кодексомъ, составленнымъ Ликургами изъ Психо-неврологическаго института за Невской заставой; этого рода демократизмъ — начало и конецъ нашей мудрости. Но исторія прощаетъ несоотвѣтственное поведеніе еще меньше свѣтскаго общества: здѣсь «не принято», тамъ не пріемлется.

Но насъ били вдвойнѣ, мы страдаемъ, какъ россіяне и какъ евреи; насъ истребляла и революція и контръ-революція, и большевики и бѣлые. И это я слыхалъ уже не разъ, и долженъ по совѣсти сказать, что у меня нѣтъ ни увѣренности, ни даже вѣры въ то, что евреи пострадали отъ смуты больше коренного русскаго населенія. Столькими путями смерть, смутой разнузданная, пробиралась именно къ русскимъ людямъ, какъ къ власть имущимъ, воинамъ, землевладѣльцамъ, столько другихъ путей вели и ведутъ смерть въ безразличную, однородную деревенскую Русь — достаточно вспомнить красную армію, это совершеннѣйшее орудіе самоистребленія, пополняющуюся почти исключительно деревенскимъ людомъ, или безчисленные набѣги большевиковъ на деревню за хлѣбомъ, — что считать тутъ, въ этой области черной печали, наше первенство само собой понятнымъ отнюдь невозможно. Для сравненія же нѣтъ данныхъ. Ибо если мы свои потери можемъ еще опредѣлять гадательными числами, то русскіе и этого дѣлать не могутъ. Кто считалъ русскія слезы, кто русскую кровь собиралъ и мѣрилъ. Да и какъ считать и мѣрить въ этомъ безбрежномъ и бездонномъ морѣ! Что мы могли это дѣлать, этимъ мы обязаны тому, что мы выдѣляемся изъ общаго фона, что насъ мало, что каждый изъ насъ на виду и на счету. Это — «право меньшинствъ», не предусмотрѣнное версальскимъ синклитомъ, но обезпеченное природой вещей.

Но пусть даже такъ, пусть наши бѣдствія болѣе велики, наши страданія болѣе тяжки. Почему это возраженіе противъ меня и почему о сугубыхъ и трегубыхъ страданіяхъ нашихъ говорятъ въ позѣ побѣдителей наши національ-соціалисты и иные патентованные патріоты еврейскіе, чтущіе смуту больше отца и матери и пуще всего охраняющіе ея

престижъ? Если для насъ смута оказалась болѣе гибельной, чѣмъ для всѣхъ другихъ, то отсюда слѣдуетъ только, что евреямъ нечего было принимать такое дѣятельное участіе въ ней и не приходится теперь заботиться о возможномъ ея продленіи, что намъ, наоборотъ, по отношенію ко всякимъ потрясеніямъ нужно проявлять особую осторожность, семь разъ отмѣрить и одинъ разъ отрѣзать, ибо они намъ дороже всего обходятся. Тутъ же люди умудряются и за революцію распинаться и вопить на весь міръ: революція насъ уничтожаетъ! Одно изъ двухъ. Либо для евреевъ такъ важно міръ перестроить, водворить въ немъ равенство, самоопредѣленіе и всякія другія блага, что мы, не считаясь съ жертвами, должны дѣло вести и до конца довести, — тогда гордитесь нашими жертвами, какъ павшими за великое дѣло, чтите ихъ память, а не нарушайте ихъ покой воплями о погромахъ, тогда это жертвы нашего героизма, а не чужого звѣрства. Либо мы себѣ такой роскоши позволить не можемъ и обременить свою совѣсть пролитой еврейской кровью вамъ страшно, тогда принесите повинную за прошлое и воздержитесь отъ грѣха революціоннаго словоблудія въ будущемъ. Вы же, господа, все дѣлаете, что въ вашихъ силахъ, чтобы еврейскія могилы множились, потомъ изъ-за этихъ самыхъ могилъ, какъ изъ-за баррикадъ, стрѣляете въ своихъ политическихъ враговъ, и все это вмѣстѣ смѣете выдавать за еврейскій патріотизмъ!

Итакъ — первый выводъ: евреи должны вести себя болѣе сдержано, болѣе достойно, наконецъ, просто умнѣе. Это — не политика, ни въ какихъ демократическихъ программахъ это не сказано. Но, на мой взглядъ, это важнѣе для нашей судьбы всѣхъ программъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Второй выводъ — строго политическій. мы видѣли, что ни правизна, ни лѣвизна не обезпечиваютъ насъ отъ рѣзни и истребленія. Обезпечиваетъ только устойчивый порядокъ, способная предупреждать и подавлять анархію власть. Слѣдовательно, кто всю исторію нашего времени разсматриваетъ съ точки зрѣнія погромовъ и отсутствія таковыхъ, тотъ тѣмъ болѣе долженъ прилагать всѣ усилія, чтобы Россія возможно скоро стала снова государствомъ, державой, плохой или хорошей, съ демократизмомъ или безъ онаго, но съ устойчивой властью, предупреждающей и карающей, и съ

населеніемъ, не бросающимся отъ дикаго разгула къ животной покорности и обратно, а ставящимъ въ порядкѣ дня впереди всего трудъ и созиданіе, какъ во всемъ мірѣ и какъ было прежде, вообще говоря, и въ Россіи. Тутъ мы подошли вплотную къ большевикамъ и ихъ добродѣтели: они не допускаютъ погромовъ. По той или другой причинѣ, но большевики еврейскихъ погромовъ не хотятъ и могутъ волю свою провести, они — твердая власть. Не правильно ли, если еврей относится къ нимъ по принципу: Quieta non movere, бѣды не трогай? Въ особенности, не разумно ли такое отношеніе со стороны еврея къ большевикамъ въ ихъ сопоставленіи съ бѣлыми, съ которыми у еврея связано воспоминаніе о рѣзнѣ и разрушеніи?

Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, и уяснимъ себѣ, что такой отвѣтъ означаетъ. Каждый лишній день пребыванія большевиковъ у власти обходится Россіи безконечно дорого, увеличиваетъ ея разореніе, углубляетъ ея развалъ и приближаетъ къ ней загребущія руки иноземцевъ. Мы, мирясь съ большевиками ради ихъ специфической, для насъ важной добродѣтели, тѣмъ самымъ противопоставляемъ, прямо и открыто, свой интересъ жизненнымъ интересамъ Россіи. Пусть мы имѣемъ право на это по принципу: своя рубаха ближе къ тѣлу. Но не забудемъ, что тѣмъ самымъ мы и русскому человѣку должны предоставить право заботиться о своей рубахѣ, которая ему ближе: кличъ «бей жидовъ, спасай Россію» получаетъ освященіе. Одно право противостоитъ другому, и остается рѣшить, что разумно, т. е. цѣлесообразно, что нецѣлесообразно. Иначе говоря, остается рѣшить, разумно ли ставить ставку на большевиковъ, на ихъ прочность, на ихъ долговѣчность. Цѣлесообразность такой ставки предоставляю обосновать нашимъ націоналъ-соціалистамъ. Но пусть при этомъ обоснованіи никто не пытается прятаться за спину Милюкова и Милюковыхъ, пусть не ссылаются на то, что есть и русскіе люди, распинающіеся за неприкосновенность большевиковъ и думающіе, что этимъ они служатъ своему отечеству. Ибо эти русскіе люди говорятъ все же объ отечествѣ, его спасаютъ, и сколько бы ни было лжи, лицемѣрія, партійнаго своекорыстія, во всякомъ случаѣ объективно вреднаго въ этомъ ихъ способѣ спасанія Россіи,

я съ ними тутъ спорить не буду, какъ не буду тутъ спорить и съ евреемъ, который съ общерусской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, находитъ, что большевикамъ надо дать зрѣть и хорошѣть: это-другая область, эту борьбу будемъ вести на другой аренѣ и передъ другой публикой. Здѣсь мы должны рѣшить, долженъ ли еврей ради своихъ еврейскихъ интересовъ и именно тотъ еврей, который впереди всего выпячиваетъ вопросъ о погромахъ, ставить ставку на большевиковъ и, слѣдовательно, противъ Россіи. Пусть каждый еврей спроситъ не у сіониста и не у бундиста, а у своей совѣсти и у своего разума, должны ли мы связать свою судьбу съ судьбой большевиковъ, есть ли это надлежащій образъ дѣйствія для предотвращенія погромной бѣды.

Но можно ли ставить ставку на большевиковъ и въ другомъ смыслѣ, можно ли, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ или хотя бы только считать правдоподобнымъ, что при большевикахъ, пока они у власти, мы отъ погромовъ застрахованы? Каждый день, каждый часъ большевицкаго владычества увеличиваетъ и безъ того огромные запасы злобы къ намъ. Россія уже теперь представляетъ для насъ сплошной пороховой погребъ, а взрывчатаго вещества все прибавляется. Хватитъ ли надолго у большевиковъ силы и умѣнія, чтобы справиться съ грозной стихіей? Страшную дѣйствительность, скрывающуюся за этимъ вопросомъ, прикрываютъ наши домашніе политики флеромъ мутной теоріи объ эволюціи большевизма, при чемъ дѣло рисуютъ такъ, что будутъ сидѣть и сидѣть большевики на совдепѣ, пока изъ него тихо и чинно не вылупится «демократическій строй», какъ вылупливается, примѣрно, цыпленокъ изъ яйца. Но это поистинѣ дикія представленія объ эволюціи революціи. Такъ безмятежно и насѣдка цыплятъ не высиживаетъ: курица сходитъ съ яицъ отощалой, пощипанной и взъерошенной. Какъ можетъ въ дѣйствительности протекать эволюція большевизма, если о таковой, вообще, имѣетъ смыслъ говорить, объ этомъ можемъ составить себѣ приблизительное представленіе по пройденному уже пути. Вѣдь, большевики уже эволюціонировали отъ разверстки къ продналогу, отъ пайковъ къ нэпу. И отнюдь не по наитію совершили они этотъ переходъ, а послѣ длиннаго ряда кро-

вавыхъ крестьянскихъ возстаній, завершившихся кронштадскимъ бунтомъ. Сколько мучительныхъ судорогъ, сколько возстаній и усмиреній, жестокости и крови ждутъ еще Россію на вожделѣнномъ пути эволюціи! Россію и русское еврейство. На Волыни, въ Черниговщинѣ или въ Москвѣ разразится бунтъ, онъ одинаково мало хорошаго обѣщаетъ русскимъ евреямъ, окутаннымъ густой пеленой раздраженія и ненависти. А что если эволюція завершится общимъ срывомъ, тоже возможнымъ, и какой-нибудь Буденный, или другой прославленный «вѣрный сынъ революціи», подниметъ знамя возстанія противъ всего строя совѣтскаго! Нужно ли сказать, какія бѣдствія обрушатся тогда на головы евреевъ, теперь уже разсѣянныхъ по всему широкому пространству Россіи! И всѣ эти свѣтлыя перспективы — при предположеніи, что большевики захотятъ защищать насъ. Но захотятъ ли? Можемъ ли мы думать, что люди, предавшіе въ своей борьбѣ за власть все, начиная родиной и кончая коммунизмомъ, намъ останутся вѣрными и тогда, когда это перестанетъ быть имъ выгодно? Не должны ли мы, наоборотъ, думать, что въ нужную имъ минуту большевики, не обремененные никакими предразсудками и никакими тревогами совѣсти, выдадутъ на растерзаніе евреевъ, чтобы цѣной ихъ крови выручить свои головы и купить новую «передышку»? Большевикамъ это такъ легко сдѣлать. Небольшой словесной манипуляціи достаточно для этого: не еврейскій погромъ, а возстаніе трудового народа противъ зарвавшейся буржуазіи. Сообщала же совѣтская печать послѣ ужаснаго глуховскаго погрома, что «доблестный Рославльскій отрядъ занялъ Глуховъ... Улицы... покрыты трупами». Хотя это были трупы отнюдь не павшихъ въ бою, а зарѣзанныхъ мирныхъ жителей, въ томъ числѣ стариковъ и женщинъ.

«Вотъ ты полагался на опору, на эту трость надломленную, на Египетъ, а она, какъ обопрется на нее человѣкъ, вонзится ему въ руку и прободаетъ ее» (Исаія, 36, 6). Теперь не противъ Мицраима, не противъ Ассура, а противъ власти большевиковъ приходится предостерегать евреевъ, — власти, самой недостойной и самой непрочной изъ всѣхъ существовавшихъ когда либо на землѣ. Ни въ чемъ не сказывается съ такой подавляющей ясностью затменіе умовъ

нашего поколѣнія, какъ въ этой необходимости предостерегать отъ союза съ дьяволомъ, настолько жалкимъ и убогимъ, что онъ и мнимыхъ благъ, которыми тѣшитъ обыкновенно бѣсъ своихъ жертвъ, предложить не можетъ, но можетъ тѣмъ не менѣе повести къ гибели, не можетъ не вести къ ней.

VII.

Наше долгое хожденіе по мукамъ, по мукамъ Россіи и мукамъ евреевъ, привело насъ къ несомнѣнному для всякаго непредубѣжденнаго человѣка заключенію, что погромы, бывшіе и возможные, къ несчастью, въ будущемъ, могутъ служить и дѣйствительно служатъ хорошимъ матеріаломъ для политической агитаціи, для прославленія революціи и посрамленія контръ-революціи, но что агитація эта ведетъ прямымъ путемъ къ новымъ погромамъ и вращается, такимъ образомъ, въ заклятомъ кругу, внутри котораго мракъ и печаль; что именно еврей, если его дѣйствительно больше всего гнететъ и волнуетъ «погромъ», какъ мы это часто слышимъ, долженъ неуклоннѣе всякого другого стремиться къ преодолѣнію смуты, и путеводной звѣздой его должны быть власть и порядокъ; что, поэтому, всякій содѣйствующій продленію смуты, питающій ее широковѣщаніями, разгильдяйствомъ, словесной трухой, тотъ, именно съ точки зрѣнія погромной опасности, есть на дѣлѣ злѣйшій врагъ евреевъ и еврейства, хотя бы онъ ежедневно клялся въ любви и преданности еврейскому народу; что, наконецъ, ставить ставку на большевиковъ, прятаться за ихъ спину изъ опасенія все тѣхъ же погромовъ, есть то явное, очевидное безуміе, при видѣ котораго люди говорятъ, сокрушенно или злорадствуя: кого боги хотятъ погубить, того лишаютъ разума.

Тѣмъ не менѣе огромное большинство евреевъ представляетъ себѣ вещи, думаетъ и поступаетъ сообразно безумію, т. е. несообразно съ очевидными и кровными интересами еврейскаго народа. Еврей и сейчасъ охотно идетъ за всякимъ блуждающимъ огонькомъ, поднимающимся надъ революціоннымъ болотомъ; тлетворная, разлагающая словесность о всеобщемъ братствѣ и всеобщемъ благополучіи, та

самая словесность, которая породила смуту и, слѣдовательно, погромы, еврею и теперь мила; слова отечество, порядокъ, власть коробятъ ухо еврея, какъ реакціонныя, черносотенныя; слова демократія, республика, самоопредѣленіе нѣжатъ его слухъ; вопреки всѣмъ жестокимъ урокамъ, еврей продолжаетъ думать, что въ началѣ бѣ слово, не творческое Слово Божье, а праздное слово краснобая; наконецъ, еврей говоритъ: либо большевики, либо погромы, тогда какъ онъ долженъ бы говорить: чѣмъ дольше сидятъ большевики, тѣмъ ближе мы къ гибели.

При такомъ очевидномъ несоотвѣтствіи между поведеніемъ цѣлаго общества и должнымъ, но въ то же время и раціональнымъ, разумнымъ, цѣлесообразнымъ приходится поставить вопросъ, не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ явленіемъ ирраціональнымъ, съ той звѣриной мудростью, которая сказывается въ поведеніи крысъ, бѣгущихъ съ тонущаго корабля. Съ корабля, идущаго ко дну, бѣгутъ, вѣдь, не только крысы, но и люди; на своемъ командномъ мостикѣ остается только водитель судна, да и тотъ для того, чтобы другіе могли спастись. Можетъ быть, тонетъ русскій корабль. Были великія царства ассирійское, персидское, была міровая имперія римлянъ и, просуществовавъ столѣтія, распались. Можетъ быть, насталъ чередъ и для Россійской державы, и евреи, которые, какъ исконные кочевники, спасаться могутъ, спасаются. Можетъ быть, потому и тянетъ еврея ко всему тому, что въ средѣ самого русскаго народа увеличиваетъ разложеніе и гніеніе Россіи, что разложеніе это есть процессъ предопредѣленный, неотвратимый, что связывать себя съ противоположными усиліями значило бы участвовать въ дѣлѣ безнадежномъ; можетъ быть, сказывается здѣсь не политическая, а болѣе глубокая біологическая цѣлесообразность.

Вопросъ этотъ нужно было поставить во всемъ его трагизмѣ. Отвѣтить же на него было бы очень трудно, если бы пришлось доказывать, что Россію ждетъ еще великое будущее: кто не слышитъ біенія жизни, тому ея не докажешь. Къ счастью, въ этомъ нѣтъ и надобности, ибо предположеніе, будто евреи, повинуясь звѣриному инстикту, отворачиваются отъ Россіи, не имѣетъ подъ собой основанія. Я встрѣчалъ лишь очень немногихъ евреевъ, рѣдкіе экземпляры, которые

опустились до принципіальнаго бродяжничества: пожили тутъ немного, дальше будемъ жить подъ другой крышей. Обычно еврей начинаетъ бесѣду о злобѣ нашихъ злобныхъ дней вопросомъ: долго ли еще это будетъ продолжаться? И въ этихъ немногихъ и простыхъ словахъ, въ нихъ сказывается инстинктъ человѣка и еврея: жажда конца смуты. Все, что слѣдуетъ за этимъ, уже отъ блудной мысли, отъ демократизма, соціализма, націоналъ-соціализма, сіонизма, — все вещи незначительныя, незначащія въ сравненіи съ мрачнымъ величіемъ того, что происходитъ вокругъ насъ и съ нами. Не звѣриная мудрость тутъ повинна, а человѣческая глупость. Опытъ исторіи, которую мы теперь уже знаемъ за семь тысячъ лѣтъ, показываетъ, что человѣческое общество Никогда не жило на подобіе пчелинаго роя или муравьиной кучи. Человѣкъ либо выше животнаго, либо ниже его; онъ живетъ либо по инстинкту и разуму, либо вопреки разуму и вопреки инстинкту. Не бросаютъ же животныя своихъ дѣтей въ объятія раскаленнаго идола, а люди эту и подобныя мерзости дѣлали въ теченіе многихъ поколѣній, дѣлали подъ вліяніемъ извращенныхъ представленій, мнимаго, ложнаго знанія. Нужно разъ навсегда разстаться съ усыпляющимъ и совѣсть растлѣвающимъ представленіемъ, будто народы, цѣлыя общества не ошибаются въ своемъ поведеніи. Въ дѣйствительности соотвѣтствіе между поведеніемъ народа и его же интересами есть недосягаемый идеалъ, къ которому народы медленно, медленно приближаются, то и дѣло возвращаясь вспять и расплачиваясь за рецедивы дикости и знахарства жестокими страданіями, иной разъ самимъ существованіемъ своимъ. Такой рецедивъ знахарства привелъ Россію къ крушенію. Но тогда какъ въ русскомъ обществѣ идетъ усиленный процессъ раскрѣпощенія отъ власти магическихъ формулъ, евреи продолжаютъ жестоковыйно за нихъ держаться. Это ведетъ къ очень значительнымъ и очень печальнымъ послѣдствіямъ, но отнюдь не имѣетъ своимъ источникомъ глубину жизни, біологическую силу. Заблужденіе всегда остается поверхностнымъ.

Что евреи именно стихійно, инстиктивно тянутъ къ Россіи, жаждутъ ея, это лучше всего можно наблюдать на евреяхъ отщепившихся отъ Россіи государствъ. Тутъ еврей живетъ

въ условіяхъ, во всякомъ случаѣ близкихъ къ нормальнымъ: не давитъ его тутъ мертвая рука совѣтской власти, и не мечется онъ, какъ мы, бѣженцы, въ пустотѣ между Wohnungs-amt'омъ и заячьей биржей, между биржей и кабарэ. Въ двухъ изъ новообразовавшихся государствъ я имѣлъ возможность лично наблюдать жизнь евреевъ, о третьемъ имѣю свѣдѣнія отъ компетентныхъ наблюдателей. Картина вездѣ та же: евреи являются вѣрными хранителями русскаго языка, русской культуры и ждутъ не дождутся возстановленія великой Россіи. Школы, въ которыхъ ведется еще преподаваніе на русскомъ языкѣ, заполняются еврейскими дѣтьми, и я видѣлъ, какая это трагедія для еврейской семьи, имѣющей дѣтей школьнаго возраста, когда школа начинаетъ питомцамъ своимъ навязывать языкъ благополучно самоопредѣлившагося племени и патріотизмъ нововозникшаго государства. Такъ мало вѣрятъ евреи въ устойчивость этихъ изъ мутныхъ волнъ революціи вышедшихъ готовыми государствъ, такъ непосредственно воспринимаютъ они это, какъ переходное состояніе, какъ историческое недоразумѣніе, что нѣтъ у нихъ охоты заставлять своихъ дѣтей заучивать вокабулы языка, на которомъ на всемъ земномъ шарѣ говорятъ одинъ или два милліона человѣкъ. Въ этихъ государствахъ-клѣтушкахъ русскій еврей, извѣдавшій жизнь на широкомъ просторѣ великой имперіи, чувствуетъ себя стѣсненнымъ, сдавленнымъ и пониженнымъ въ своемъ гражданскомъ уровнѣ, — не смотря на всѣ права и автономіи. И въ этомъ чувствѣ стѣсненности больше, чѣмъ неудобство текущаго дня, въ немъ — глубокій историческій смыслъ, правда нашего бытія. Ибо поистинѣ судьбы нашего народа тѣсно связаны съ судьбой великой Россіи.

Въ Царской Россіи жило больше половины еврейскаго народа; за предѣлами ея пребывали либо незначительные осколки еврейства, какъ въ Италіи, Франціи, Англіи, Германіи, либо отвѣтвленія отъ русскаго еврейства, какъ нынѣ очень значительная уже еврейская община въ Сѣверной Америкѣ; лишь въ старой Австріи имѣлся еще крупный еврейскій массивъ. Естественно поэтому, что еврейская исторія ближайшихъ къ намъ поколѣній была по преимуществу исторіей русскаго еврейства. Событіе, умственное теченіе, моральный запросъ пріобрѣтали историческое зна-

ченіе постольку, поскольку они въ средѣ русскаго еврейства имѣли свое начало или на него обращались. Западные евреи были богаче, вліятельнѣе, стояли впереди насъ по культурному уровню, но жизненная сила еврейства была въ Россіи. И эта сила росла и крѣпла вмѣстѣ съ расцвѣтомъ русской Имперіи. Во время продолжительной, двухвѣковой агоніи Польши, съ распадомъ которой евреи оказались подъ скипетромъ русскаго царя, еврейство обнищало, морально опустилось и, застывъ въ средневѣковомъ обличьѣ, далеко отстало отъ Европы. Только съ присоединеніемъ областей, населенныхъ евреями, къ Россіи началась тутъ новая жизнь, началось возрожденіе. Еврейское населеніе быстро увеличивалось въ числѣ, такъ что могло даже выселить многолюднѣйшую колонію за океанъ; въ рукахъ евреевъ накоплялись капиталы, выросъ значительный средній слой, поднимался все больше матеріальный уровень и широкихъ низовъ; рядомъ усилій русское еврейство преодолѣло или, по крайней мѣрѣ, все больше преодолѣвало вынесенную изъ Польши грязь, физическую и духовную; все больше распространялась въ средѣ еврейства европейская образованность, мы все больше пріобщались и къ общеевропейской и къ русской культурѣ, и такъ далеко мы ушли въ этомъ направленіи, столько духовныхъ силъ накопили, что могли позволить себѣ роскошь имѣть литературу на трехъ языкахъ, общѣе — культуру въ трехъ обличьяхъ. Все это — вопреки чертѣ осѣдлости, процентной нормѣ и всякимъ другимъ ограниченіямъ. Только евнухъ видитъ въ полицейскомъ стражѣ деміурга исторіи, и параграфъ закона замѣняетъ ему судьбу. Живая жизнь не такова. Вопреки многочисленнымъ недостаткамъ строя и въ особенности административнаго механизма Имперія крѣпла, русскій народъ росъ и богатѣлъ, русская культура развивалась вширь и вглубь. Увеличивалось въ то же время въ своемъ значеніи и въ своей мощи и русское еврейство. Въ этомъ параллельномъ ростѣ и процвѣтаніи сказалась тѣсная связь между судьбой русскаго еврейства, посредственно всего еврейскаго народа, и судьбами Россіи.

Теперь мы имѣемъ новое и при томъ гнетущее доказательство этой связи, доказательство отъ противнаго. Можно спорить о томъ, евреямъ или русскимъ обошлась дороже

смута, въ нашей или русской средѣ вырвала она больше жертвъ. Но совершенно несомнѣнно, что историческому бытію нашего народа смута въ цѣломъ, большевицкое владычество въ частности и въ особенности грозитъ еще болѣе тяжкими послѣдствіями, чѣмъ грядущимъ поколѣніямъ русскаго народа. Два обстоятельства обуславливаютъ это печальное преимущество наше: сравнительная малочисленность евреевъ, во первыхъ; во вторыхъ, — наша оторванность отъ земли, болѣе тѣсная зависимость нашего существованія отъ сложнаго городского быта. Русскій народъ, что бы съ нимъ ни случилось и что бы надъ нимъ ни продѣлывалось, останется сидѣть плотной и грузной массой на своей землѣ, такой же необъятной, какъ и самъ народъ-великанъ. Его потери могутъ быть велики, его жертвы неисчислимы, онъ можетъ обѣднѣть и на время потерять свою свободу. Но ничто не угрожаетъ виду въ цѣломъ, ничто не въ состояніи ни исчерпать русскаго моря, ни расплескать его. Земля русская и народъ русскій едины суть, и этого великаго единства и врата адовы не одолѣютъ.

Иначе — мы. Разсѣянные по всему міру, евреи и въ Россіи, гдѣ мы жили наиболѣе компактной массой, составляли лишь незначительное меньшинство, разбросанное по необозримымъ пространствамъ и вкрапленное въ чужую стихію. Сгущаясь до 12—14% въ мѣстахъ старой еврейской осѣдлости, еврейское населеніе опускалось до 3—4% еще внутри черты и разрѣжалось до совершенно незначительныхъ дробей гдѣ нибудь въ Казанской или Вятской губерніи. Тѣмъ не менѣе русское еврейство было и сознавало себя единымъ цѣлымъ. Ибо едина была среда, насъ окружавшая, — единый народъ, не смотря на вкрапленные въ него чужеродные и разнородные элементы, единый языкъ, единая культура. Къ этому однородному окруженію мы приспособлялись, эту единую культуру мы въ себя впитывали на всемъ протяженіи страны. Въ Минскѣ и въ Одессѣ, въ Полтавѣ и въ Иркутскѣ еврейскій ребенокъ заучивалъ въ школѣ тѣ же стихи Пушкина, еврейская дѣвушка брала изъ библіотеки тѣхъ же русскихъ классиковъ, еврей слышалъ ту же русскую рѣчь на рынкѣ, на улицѣ, въ театрѣ, въ казармѣ. На сѣверѣ ли, на югѣ ли еврей носилъ въ себѣ тѣ же два начала: родное, націо-

нальное начало и, ставшее роднымъ, начало русское; онъ всюду въ Россіи оставался тѣмъ же русскимъ евреемъ. А всѣ вмѣстѣ мы составляли единое русское еврейство, бывшее по своей численности и по свѣжести таившихся въ немъ силъ становымъ хребтомъ всего еврейскаго народа. Объединяющая сила русской стихіи была настолько значительна, что она покрывала даже слабыя, правда, этнографическія различія, существующія внутри самого еврейства: когда говорили другъ съ другомъ на русскомъ языкѣ литовскій еврей съ южнымъ, то различіе между литвакомъ и не-литвакомъ исчезало.

Теперь все это измѣнилось. На западѣ Россіи образовался рядъ, частью карликовыхъ, государствъ, отщепившихся отъ Имперіи: восторжествовалъ принципъ самоопредѣленія. Тутъ бы райскому житью быть, — не только для благополучно самоопредѣлившихся племенъ, но и для оказавшихся въ ихъ средѣ чужеродцевъ: по принципу самоопредѣленіе должно, вѣдь, разлагаться въ нисходящій рядъ, распространяясь отъ части на все болѣе дробныя части и обезпечивая права меньшинствъ и меньшинствъ среди меньшинствъ. Но и послѣ самоопредѣленія литовцевъ, латышей и эстонцевъ нѣтъ ни мира на землѣ, ни благоволенія въ людяхъ. Въ частности евреи переживаютъ теперь состояніе похмѣлья послѣ тяжкаго запоя. Если бы не буря въ Ковенскомъ стаканѣ воды, гдѣ еврейская автономія то выплываетъ на поверхность въ образѣ Соловейчика или Розенбаума, то опускается на дно, о самоопредѣленіи и помнить перестали бы: есть у евреевъ въ новообразовавшихся государствахъ заботы о болѣе неотложномъ, болѣе насущномъ. Евреи чувствуютъ себя окруженными враждебной и къ тому же активной, неугомонной стихіей. То выставляется требованіе: евреевъ въ высшей школѣ должно быть пропорціонально не больше, чѣмъ въ арміи, то, въ другомъ мѣстѣ, пректируется доступъ евреямъ въ армію совсѣмъ закрыть, то въ житейскомъ обиходѣ атмосфера сгущается до того, что еврею дышать становится невозможно, и кажется: вотъ, вотъ произойдетъ взрывъ.

Наивные люди негодуютъ, возмущаются поведеніемъ вѣроломныхъ, недавно, молъ, угнетенныхъ, теперь угнетающихъ. Но цѣна этому негодаванію не большая, чѣмъ преж-

нему энтузіазму: то и другое есть кипѣніе въ пустотѣ. Если возникаютъ новыя государства, то будутъ новыя затрудненія, новая борьба, новыя муки и новыя жертвы. И будетъ вестись неизбѣжная борьба сообразно природѣ новыхъ государствъ, т. е. сообразно новому положенію вещей. Положеніе же это опредѣляется тремя признаками: государства эти малы, молоды и слабы. Въ противоположность тому, что было въ великой Россіи, гдѣ преслѣдованія противъ евреевъ зарождались въ вѣдомствахъ и тамъ же преимущественно, въ государственномъ обиходѣ, осуществлялись, въ средѣ самоопредѣлившихся народовъ войну противъ евреевъ ведетъ само общество: студенты, военные, политическія партіи, улица. Это — прямое слѣдствіе тѣсноты, пространственной и количественной бѣдности. Гдѣ каждый ремесленникъ составляетъ замѣтную часть государства, тамъ острыя разногласія неизмѣнно тяготѣютъ къ кулачному бою; такъ было въ древнихъ политіяхъ и средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ-деспотіяхъ, такъ было въ германскомъ средневѣковомъ городѣ и того же рода активность общества, направленная противъ евреевъ въ Литвѣ или Латвіи. Самымъ же острымъ въ этихъ новорожденныхъ государствахъ долженъ, т. е. не можетъ не быть національный вопросъ, національныя различія. Раньше всего по новизнѣ дѣла. Сознаніе только что, и такъ неожиданно, самоопредѣлившагося литвина или латыша преисполнено, конечно, именно этимъ фактомъ самоопредѣленія, т. е. особностью, латышествомъ, литовствомъ. Тѣмъ болѣе, что содержаніемъ національное сознаніе этихъ народцевъ бѣдно. Ни величіе въ прошломъ, ни безбрежныя дали въ будущемъ, ни богатство и разнообразіе культурныхъ цѣнностей, ни даже давящія число и мѣры ихъ не обременяютъ. Остается только сознаніе своей сепаратности, своей несхожести съ другими; тѣмъ болѣе они воинственны, тѣмъ болѣе враждебны ко всему чужеродному въ ихъ средѣ.

Вытекающая изъ малости слабость коллектива довершаетъ зло: тутъ приходится дѣлать то, что въ средѣ великаго народа само собой дѣлается. Россія могла себѣ позволить роскошь даже препятствовать пріобщенію евреевъ къ русской культурѣ. Великій народъ, въ теченіе столѣтій претворявшій

и пчти безъ остатка претворившій множество племенъ, жившихъ на русской равнинѣ, могъ съ увѣренностью ждать, что и трудно поддающійся претворенію еврей подпадетъ все же въ достаточной для государственнаго интереса мѣрѣ подъ притягательную силу русской стихіи. Латышъ и литвинъ, міръ которыхъ оканчивается за деревенской околицей, за городской чертой, за сосѣдней рощей, на это разсчитывать не могутъ. Онъ долженъ навязывать свой языкъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ, чѣмъ меньше у инородца охоты и интереса его изучать; онъ долженъ быть наступателенъ въ мѣру естественной слабости того цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ. Та же малость коллектива дѣлаетъ его особенно чувствительнымъ по отношенію ко всякого рода инородческому «засилію». Россія могла жить спокойно и процвѣтать, когда вопреки ограниченіямъ въ средѣ адвокатуры, скажемъ, оказывался лишній процентъ или три процента евреевъ, ибо въ абсолютныхъ числахъ оставался все же громадный перевѣсъ на сторонѣ кореннаго населенія. Иначе — въ группѣ численно незначительной. Пусть въ группѣ изъ пяти человѣкъ сорокъ процентовъ чужихъ — перевѣсъ нечужихъ надъ чужими будетъ всего на одинъ; при томъ же соотношеніи въ группѣ изъ пятисотъ тысячъ человѣкъ разница въ пользу «своихъ» будетъ ужъ составлять сто тысячъ, а это сила огромная, независимо отъ всякихъ соотношеній. Словомъ въ политической жизни, въ исторіи значеніе имѣютъ не только пропорціи, но и абсолютныя числа, и то соотношеніе между своими и чужими, которое не вызываетъ болѣзненныхъ осложненій въ обширной странѣ съ огромнымъ населеніемъ, можетъ испытываться тягостно маленькимъ народцемъ въ игрушечномъ государствѣ. Все это — явленія, неразрывно связанныя съ самоопредѣленіями, т. е. съ дробленіемъ большихъ, исторически сложившихся государствъ на мелкія, выкраиваемыя по нѣкоей идеологической схемѣ. И никакія причитанія и заклинанія тутъ помочь не могутъ. Еврей, разбивавшій себѣ лобъ за самоопредѣленіе народовъ, готовилъ для себя и своихъ стѣсненія: болѣе тѣсную зависимость отъ чужой жизни.

Но это еще не худшее зло. Хуже то, что распадъ Россіи означаетъ также распадъ русскаго еврейства, т. е. распадъ

самаго крупнаго еврейскаго коллектива. Можно допустить, что современемъ тяготы новаго строя для евреевъ уменьшатся: евреи привыкнутъ къ тѣснотѣ, самоопредѣлившіеся привыкнутъ къ своему совершеннолѣтію и успокоятся. Можно допустить даже, что благодать самоопредѣленія почіетъ и на евреяхъ, такъ что въ каждомъ изъ новыхъ государствъ будетъ полу-суверенный еврейскій сеймикъ и полу-правительство еврейское. Но всѣ эти блага не измѣнятъ того факта, что евреи и въ новыхъ государствахъ составляютъ незначительное меньшинство и что имъ придется, слѣдовательно, такъ или иначе приспособляться къ окружающей средѣ, отъ которой никакими хартіями не оградишь себя. Вопреки автономіи и всяческимъ правамъ чужая стихія будетъ проникать въ нашу, родную стихію, смѣшается съ ней, въ той или иной мѣрѣ претворитъ ее. Но въ отличіе отъ того, что было въ великой и единой Россіи, когда евреи на всемъ пространствѣ страны окружены были одной и той же стихіей, одной и той же культурой, русской стихіей, теперь у насъ одно окруженіе въ Ковенской губерніи, другое — въ Виленской, третье — въ Лифляндской, четвертое — въ Эстляндской, вплоть до республикъ татарской, чувашской, башкирской, не говоря уже объ Украинѣ. Въ каждомъ изъ многочисленныхъ государствъ свои, особые евреи, во многомъ не похожіе на евреевъ сосѣдняго государства, прежде — сосѣдней губерніи. Единое, компактное русское еврейство дробится, распадается. Собравшись послѣ многовѣковыхъ странствій подъ одинъ кровъ, въ одну великую общину, мы теперь снова разбредаемся, расползаемся, переживаемъ новое разсѣяніе, — разсѣяніе въ разсѣяніи. Разбрызгивается то еврейское единство, которое было еврейскимъ по преимуществу, которое питало національными соками всѣ разбросанныя по міру еврейскія общины.

Зло усугубляется еще тѣмъ, что наиболѣе крупный обломокъ русскаго еврейства, именно оставшіеся подъ совѣтской властью евреи обречены на одичаніе и вырожденіе, физическое и моральное. Тѣ сотни или тысячи евреевъ, которые въ погибающей Россіи благоденствуютъ у совѣтскихъ котловъ и колютъ тѣмъ глаза нашимъ врагамъ, насъ не должны обманывать: на еврейство въ цѣломъ совѣт-

скій строй дѣйствуетъ еще болѣе губительно, чѣмъ на коренное населеніе страны. Этотъ примитивный строй разрушаетъ раньше всего сложное, взращенное человѣческими усиліями и потому менѣе прочное, т. е. городъ, городскіе промыслы, городской бытъ, городскую культуру. Надъ круговоротомъ временъ, надъ солнечнымъ тепломъ, надъ землей-кормилицей не властны и совѣтскіе Тамерланы. Они и въ деревнѣ могутъ, конечно, уничтожить и плоды, и орудіе труда, и самое возможность трудиться. До какого неистовства можетъ дойти ихъ разрушеніе и тутъ и до какихъ послѣдствій оно можетъ привести, это съ достаточной наглядностью показалъ поистинѣ страшный голодъ, только что перенесенный Россіей. Все же фундаментъ деревенскаго быта остается нетронутымъ. Крестьянство можетъ похудать, обнищать, но основа его жизни не можетъ быть извращена. Крестьянинъ въ крайнемъ случаѣ тащитъ соху на себѣ, но съ весеннимъ тепломъ выходитъ на пашню, въ лѣтніе мѣсяцы коситъ и жнетъ, въ осеннюю пору молотитъ и собираетъ, что Богъ далъ. Власть природы, поистинѣ благодѣтельная, упорядочивая трудъ крестьянина, поддерживаетъ тѣмъ самимъ его бытъ; подчиняя его своей спасительной необходимости, она до нѣкоторой степени ограждаетъ его отъ человѣческаго произвола; внося устойчивость въ его жизнь, она дѣлаетъ возможной преемственность, связь вчерашняго дня съ завтрашнимъ, а въ этомъ ужъ нѣкоторый залогъ культуры, морали, хотя бы и зачаточной. Ничего этого нѣтъ въ городахъ, подвергшихся большевицкому нашествію. Тутъ все выворочено, разорено, превращено въ развалины, которыя даже травой обрасти не могутъ, ибо покоя нѣтъ и въ самихъ развалинахъ. Нѣтъ тутъ ничего устойчиваго. Сегодня гонятъ всѣхъ на постылую службу, завтра со службы выгоняютъ; сегодня разстрѣливаютъ за торговлю, завтра всѣхъ гонятъ на базары. Нѣтъ тутъ, въ особенности въ среднихъ слояхъ, къ которымъ преимущественно принадлежало прежде русское еврейство, ни устойчиваго труда, ни быта, ни вчерашняго, ни завтрашняго дня. Люди живутъ внѣ времени и умираютъ преждевременно. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о культурѣ, гдѣ тутъ проявиться духовному началу въ человѣкѣ? Спасайся, кто можетъ — такова мораль этого

міра. А могутъ спасаться немногіе и нелучшіе. Ибо спасаться — значитъ тутъ: жить примѣнительно къ совѣтскимъ нравамъ, т. е. примѣнительно къ подлости. И какъ ни быстро подлѣетъ человѣкъ внѣ условій культуры, даръ подлости обрѣсти не всякому легко дается. Поэтому и выдвигаются тутъ самые недостойные, самые низменные: послѣдніе становятся первыми. Нужно побывать въ коренномъ еврейскомъ городѣ, въ какомъ нибудь Минскѣ или Витебскѣ, чтобы увидѣть, какъ все, что было въ еврействѣ достойнаго, уважаемаго и заслуживающаго уваженія, отодвинуто книзу, задавлено нищетой, скорбью, безнадежностью и какъ выдвигаются въ первые ряды и на первыя мѣста люди безпутные, легкомысленные, наглые. И не можетъ у насъ быть даже того утѣшенія, что современемъ и эти звѣроподобные обрѣтутъ ликъ человѣческій. Ибо вѣкъ ихъ — часъ единый. Сегодня онъ щеголяетъ въ совѣтской кожаной курткѣ, завтра валяется разстрѣляннымъ подъ заборомъ. Такъ погибаетъ физически и морально то, что еще осталось въ Россіи отъ русскаго еврейства.

Въ многовѣковой исторіи еврейскаго разсѣянія, богатой потрясеніями, не было еще политической катастрофы, столь глубоко угрожающей нашему національному бытію, какъ крушеніе Русской Державы, ибо никогда еще живыя силы еврейскаго народа не были въ такой мѣрѣ собраны воедино, какъ въ прежней, живой Россіи. Даже распадъ Арабскаго халифата врядъ ли можетъ сравниться съ постигшимъ насъ нынѣ бѣдствіемъ. Должны ли мы подчиниться судьбѣ, безъ сопротивленія идти навстрѣчу новому разброду, обнищанію, одичанію, вырожденію? Мы не только подчиняемся, но забѣгаемъ впередъ. Русскій еврей мыслитъ, говоритъ и ведетъ себя такъ, что въ результатѣ возрожденіе Россіи и, слѣдовательно, наше возрожденіе становится все труднѣе. Наши враги, твердящіе: евреи предаютъ Россію, могутъ, если захотятъ, изъ сказаннаго здѣсь убѣдиться, что предаемъ мы раньше всего себя, — совершенно также, какъ предавало въ тѣ роковые мѣсяцы, когда готовилась революція, русское общество и себя и родную страну.

Но не стоило бы ни говорить, ни писать, чтобы добраться до этого сомнительнаго оправданія и совершенно несомнѣн-

наго обвиненія: тяжкаго самообвиненія въ измѣнѣ не только Россіи, но и своимъ, кровнымъ еврейскимъ интересамъ, своему національному дѣлу. Самообвиненіе плодотворно, если за нимъ слѣдуетъ не самооправданіе и не покаянныя размышленія, а дѣйственное преодолѣніе грѣха. Судьба еще не сказала своего послѣдняго слова о Россіи. Россія хочетъ, можетъ и будетъ еще жить. Больше того: она не можетъ не жить. Какъ не можетъ не жить Германія, не смотря на всѣ усилія ее удушить; какъ не можетъ не жить Европа, не взирая на тяжкую смуту, ею переживаемую, и не смотря на всѣ пророчества объ упадкѣ Запада. Россія будетъ жить, и возрожденіе ея должно стать нашимъ націоналнымъ дѣломъ, дѣломъ всего еврейскаго народа, но раньше всего, разумѣется, русскаго еврейства. Услышатъ ли, поймутъ ли, пробудится ли совѣсть нашего народа, та глубинная совѣсть, которая совпадаетъ съ волей къ жизни? Повторю здѣсь слова, которыми я закончилъ годъ тому назадъ свой призывъ къ русскому обществу: Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!

VIII.

Въ болѣе сжатомъ видѣ высказанныя здѣсь мысли были изложены мною въ докладѣ, прочитанномъ въ январѣ этого года на публичномъ собраніи въ Берлинѣ. За докладомъ послѣдовали пренія, потребовавшія еще одного вечера. Затѣмъ были еще два доклада, также въ настоящемъ сборникѣ печатающіеся, и докладъ, устроенный сіонистами противъ насъ. Всего темѣ «Россія и русское еврейство» посвящено было въ теченіе второй половины зимы восемь собраній, на которыхъ высказались десятки ораторовъ, большей частью — евреи и преимущественно противъ насъ: мы идемъ, вѣдь, противъ преобладающаго теченія. Кое что изъ высказаннаго нашими противниками принято мною во вниманіе въ предыдущемъ изложеніи. Отмѣчу здѣсь еще немногое, представляющееся мнѣ показательнымъ въ имѣвшихъ мѣсто преніяхъ.

Раньше всего поучительно то, что сказано не было, о чемъ наши оппоненты говорить забыли. Никто изъ выступавшихъ съ возраженіями не упомянулъ въ своихъ сужденіяхъ о тѣхъ фактахъ и соображеніяхъ, которыми я въ самомъ на-

чалѣ своего доклада установилъ, что «погубили Россію» не евреи, а правящіе круги русскаго общества. Что это, молчаніе — знакъ согласія? Наши оппоненты не такъ скупы на слова, чтобы подтверждать фигурой умолчанія. Съ другой стороны, при наличіи широко распространеннаго убѣжденія, что именно евреи — виновники постигшихъ Россію бѣдствій, предметъ не можетъ считаться настолько маловажнымъ, чтобы сверхъ-патріоты еврейскіе, каковыми наперечетъ были наши оппоненты, не должны были остановить на немъ своего вниманія. «Умыселъ другой тутъ былъ.» Признать приведенные мною факты и принять данное имъ освѣщеніе значитъ — признать, что гиблой была уже первая, февральская, «великая», «безкровная» революція, ибо только она была подготовлена и осуществлена безъ участія евреевъ. А гдѣ до революціи коснется, тамъ наши противники и о своей пылкой любви къ еврейскому народу забудутъ, и даже молчать научатся, если говорить неудобно: престижъ революціи должно отсоять всѣми средствами. Ибо этотъ престижъ — ихъ престижъ; они съ революціей (въ ихъ представленіи — съ прогрессомъ) себя отождествили, и чтобы иначе думать, иначе говорить, имъ пришлось бы долго учиться и переучиваться. Встрѣтивъ недавно молодого еврея изъ хорошей буржуазной семьи, я замѣтилъ у него въ петлицѣ ярко-красныя, добротныя гвоздики. На мое шутливое замѣчаніе, что при такой любви его къ красному, мы его въ Россію не впустимъ, онъ мнѣ пресерьезно отвѣтилъ, что не смотря на все случившееся его клонитъ къ красному, ибо у красныхъ больше правды, чѣмъ у черныхъ. Сказалъ и поскакалъ вверхъ по лѣстницѣ, ведущей прямо къ доллару. Достаточно издали посмотрѣть на этого искателя наибольшей правды, чтобы увидѣть, что ему дороже и всей правды, и всей неправды мірской не только долларъ, не только центъ и полушка цента, но и первое подвернувшееся веселое похожденіе. Однако онъ говорилъ «по убѣжденію», т. е. говорилъ такъ, какъ считается правильнымъ говорить среди людей его круга. Этотъ неунывающій малый изъ богатой еврейской семьи, породнившійся съ еще болѣе богатой семьей, съ красной гвоздикой на груди гоняющійся за наибольшей правдой и попадающій къ доллару, онъ — живой символъ револю-

ціонности еврейскаго общества. Въ немъ объясненіе и того, почему наши оппоненты молчали какъ разъ тамъ, гдѣ еврейскій патріотизмъ долженъ былъ воодушевить ихъ къ самому высокому краснорѣчію.

Смыслъ молчанія мы легко нашли. Остается искать еще смысла въ томъ, что говорено было. Между прочимъ, настойчиво допытывались нашей политической программы: въ частности и въ особенности хотѣли у насъ узнать, не монархисты ли мы. При этомъ вопрошающіе сами же за насъ отвѣчали, переходя отъ освѣдомленія (себя) къ обличенію (насъ). Предполагалось, что мы завзятые монархисты, но изъ тактическихъ соображеній скрываемъ это и потому выступаемъ безъ политическаго лица; этому хитрому маневру противники, какъ и полагается противникамъ, всячески стремились помѣшать. Такого рода претензіи предъявлялись къ намъ кое-гдѣ и въ печати: гдѣ ваша программа? Но не наша же это вина, что россіяне могутъ спасаться не иначе, какъ по прописи. Мы о политической программѣ не говорили потому, что это къ дѣлу не относится; по той же причинѣ ея нѣтъ у насъ вовсе. Безспорно, сошлись въ Отечественномъ Объединеніи люди не случайно. Въ нашей средѣ врядъ ли найдутся люди, приходящіе въ восторгъ при одномъ словѣ республика, а слово монархія боящіеся къ ночи произнести; безспорно, всѣхъ насъ интересуетъ Россія и судьбы русскаго еврейства больше всѣхъ «завоеваній революціи», но «программы» не имѣемъ, земельнаго вопроса не рѣшаемъ. Однако этого достаточно, чтобы мы сообща могли дѣлать то дѣло, которое дѣлаемъ. Мы, вѣдь, не хотимъ обратить всѣхъ евреевъ въ одну политическую вѣру съ опредѣленнымъ катехизисомъ; мы хотимъ только отвратить евреевъ отъ гибельнаго политическаго суевѣрія, — отъ дикаго представленія, будто евреи на всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ должны оставаться въ крѣпостномъ состояніи подъ властью революціонной фразы. Нашей задачей — по крайней мѣрѣ, ближайшей задачей — является показать, что евреямъ, какъ таковымъ, продленіе смуты грозитъ болѣе страшными послѣдствіями, чѣмъ любой способъ преодолѣнія ея, что большевики, какъ сказано въ нашемъ воззваніи, и для евреевъ наибольшее зло. Говорить при осуществленіи этой

задачи объ общихъ политическихъ программахъ запрещаютъ и тактъ, и тактика, и элементарная логика: культурные люди говорятъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только то, что имѣетъ отношеніе къ данному дѣлу.

Наконецъ, пугали насъ неуспѣхомъ. Торжествуя заранѣе побѣду, намъ предрекали неудачу: евреи не пойдутъ за нами, отвернутся отъ насъ. Отъ этихъ прорицаній становилось бы страшно, если бы дѣйствительность не была еще страшнѣе. Я то знаю, знаю лучше всѣхъ недруговъ и недоброжелателей, какъ трудно добиться успѣха въ предпринятомъ нами дѣлѣ. Знаю я, что пустота устойчива и неизмѣнна. Мѣняется бытіе, сущее, содержаніе жизни, содержаніе міра; небытіе, пустота всегда равна самой себѣ. А я борюсь съ пустотой, съ призраками въ чужихъ умахъ. Что можетъ быть труднѣе? Какъ убѣдить людей, мимо которыхъ прошли, не задѣвъ ихъ сознанія, величайшія потрясенія въ мірѣ! Что скажешь человѣку, которому ничего не говорятъ ни громы небесные, ни вихри пустыни, на нашихъ глазахъ заносящіе пескомъ родныя намъ поля! Что подѣлаешь съ людьми, которые и на развалинахъ міра могутъ сохранить свои убѣжденія, ибо съ міромъ убѣжденія ихъ вовсе не связаны!

И другое еще я знаю. Всякая проповѣдь чѣмъ нибудь прельщаетъ и, главное, тутъ же что-нибудь даетъ. Стать соціалистомъ значитъ — выдѣлиться изъ общей массы смертныхъ и пріобщиться къ сонму міропреобразователей. Такимъ же повышеніемъ въ рангѣ сопровождается пріобщеніе къ сіонизму, ко всякой другой сектѣ: познавшій истинный свѣтъ чувствуетъ себя поставленнымъ надъ утопающими во мракѣ. Мы же зовемъ людей исполнить долгъ передъ родиной, передъ роднымъ народомъ, стать врядъ съ другими гражданами, выполнить дѣло нынѣшняго дня. Что тутъ привлекательнаго, чѣмъ тутъ подкупишь?

Итакъ, не запугаютъ меня больше, чѣмъ я самъ себя пугаю. Но страшнѣе всего не дѣлать, когда дѣлать велятъ и долгъ, и разумъ. И когда нѣтъ у тебя власти, нѣтъ и силы, которую власть даетъ, то можешь дѣлать только одно: говорить, проповѣдывать, будить совѣсть, бить тревогу. И ты бьешь въ барабанъ, когда не можешь колотить по черепамъ.

І. Бикерманъ.

Г. А. ЛАНДАУ

Революцiонныя идеи въ еврейской общественности

I.

Засыпанные грудами обломковъ, задыхаясь въ смрадномъ воздухѣ разрушенія и деградаціи, пропизанномъ запахомъ пролитой крови, мы, участники, свидѣтели и жертвы великаго россійскаго трясенія, въ минуты, когда доступной становится оглядка, не можемъ не озираться и не ставить вопросовъ о роковомъ происшедшемъ, о его причинахъ и дѣятеляхъ. Мы не можемъ, не смѣемъ закрывать глаза на происшедшее, — все равно мы его услышимъ; не можемъ, не смѣемъ затыкать уши, — все равно мы будемъ его обонять; а если мы къ тому еще задержимъ дыханіе, то задохнемся въ тьмѣ и безгласности невѣдѣнія и нежеланія знать. Чтобы жить, мы принуждены вдумываться и отдавать себѣ отчетъ въ прошломъ; не для того, чтобы не повторить его ошибокъ и преступленій — повторить все равно уже ничего и не придется, а для того, чтобы освѣтить и тѣмъ искоренить или ослабить самый ихъ источникъ. Или даже и не для этого, не только для этого.

Безотчетно можно жить счастливымъ людямъ, счастливымъ народамъ, въ счастливыя эпохи. Можно жить безотчетно, пока живется. Но послѣ страданій грозныхъ и неисчислимыхъ — «житься» перестаетъ. Разрушена жизненная непрерывность, уничтожена безмятежность непосредственной санкціи бытія; можно продолжать жить только — либо опустившись, либо поднявшись; опустившись, т. е. цѣпляясь за чередованіе дней и закрывая глаза на черные провалы и тѣни; поднявшись, т. е. осмысливъ и претворивъ въ себѣ происшедшее. По крайней мѣрѣ — въ стремленіи осмыслить и преодолѣть.

Есть и еще чувство, родственное этому, толкающее на опознаніе происшедшаго, безъ оговорокъ и безъ прикрасъ; это уже сознаніе не своихъ, а чужихъ бѣдствій, страданій, гибели. Передъ лицомъ погибавшихъ и погибшихъ, передъ стонами услышанными и неуслышанными, но угадываемыми, громкими и утаенными, — ничтожной и презрѣнной кажется всякая по-

литика, всякая тактика, всякое утаиванiе или преувеличиванiе, всякое разбереженiе своихъ или чужихъ нервовъ и душъ. Есть успокоенiе — и оно кажется единственнымъ дозволительнымъ успокоенiемъ — въ томъ, чтобы уйти въ объективность, чтобы найти или хотя бы искать правды въ ея самозаконности, въ ея незыблемости. Въ ней, незыблемой, опора для расшатанной души, для растерянной совѣсти, для колеблющейся мысли. Въ ней одной почва, на которой не стыдно, и въ нѣкоторомъ, моральномъ, смыслѣ — не страшно, встрѣтиться духомъ съ погибшими и погибающими; не тягостно и въ нѣкоторомъ смыслѣ не зазорно — встрѣтиться съ губителями. Она одна можетъ дать больше, чѣмъ поученiе, больше чѣмъ душевную гигiену, — дать внутреннюю опору и скорбную твердость для грядущаго.

Едва ли не во всѣхъ слояхъ и кругахъ россiйскаго населенiя происходитъ — и гласно сказывается — процессъ самокритики, осмысливанiя происшедшаго, вмѣненiя другимъ и себѣ, вскрытiя въ объективныхъ или субъективныхъ условiяхъ — истоковъ происшедшаго. Правильны или неправильны, справедливы ли или нѣтъ эти обвиненiя и покаянiя, они во всякомъ случаѣ обнаруживаютъ работу и мысли, и совѣсти, боль сердца и устремленiе воли.

Кажется, не будетъ преувеличенiемъ сказать, что всего менѣе замѣтна подобная работа въ еврейской интеллигенцiи — и въ этомъ безспорно сказывается нѣкая ея болѣзненность, нѣкiй параличъ двигательно-волевыхъ и совѣстливо-оцѣнивающихъ механизмовъ. Въ сущности, извнѣ глядя, можно подумать, что съ точки зрѣнiя рядового еврейскаго интеллигента въ немъ, въ его массѣ, въ его коллективѣ — все обстояло вполнѣ благополучно.

Когда нѣкоторые изъ авторовъ этого сборника выступили въ Берлинѣ съ докладами, посвященными еврейской отвѣтственности, еврейскому участiю въ дѣлѣ великаго развала, — эти выступленiя были встрѣчены великимъ возмущенiемъ. Даже признавая, гласно или молчаливо, правильность фактическихъ указанiй и анализовъ, выражали негодованiе или удивленiе по поводу рѣшимости съ ними выйти на гласную арену. Не-

своевременно-де говорить объ евреяхъ, критиковать, устанавливать ихъ революціонные грѣхи и отвѣтственность, когда еврейство пережило и когда ему можетъ быть еще предстоитъ столько бѣдствій.

Я не стану подробно опровергать этой морали, основанной на тактикѣ, и тактикѣ, руководящейся страусовыми привычками. Кругомъ ненависть къ евреямъ — по словамъ нашихъ же оппонентовъ — разъяренная разливается неудержимо, приводя къ погромамъ кровавымъ или «тихимъ». Наши оппоненты подозрѣваютъ или обвиняютъ въ антисемитизмѣ — при томъ въ антисемитизмѣ неизлѣчимомъ — всевозможные круги окружающихъ насъ народовъ. Мнѣ пришлось формулировать это отношеніе такъ, что всякаго кто неодобрительно отзывается объ евреяхъ они признаютъ явнымъ антисемитомъ, а всякаго кто этого не дѣлаетъ — антисемитомъ скрытымъ.

Но и дѣйствительно, едва-ли когда либо получала такое напряженіе активная вражда противъ евреевъ, какъ въ Россіи, такъ и внѣ Россіи; едва-ли когда либо достигала она подобной интенсивности и экстенсивности; едва-ли когда либо довѣряли въ большей степени безсмысленнымъ сказкамъ (глупѣйшая сказка о сіонскихъ мудрецахъ — популярнѣйшая выдумка, перешедшая уже въ другое полушаріе) и огульнымъ, безудержнымъ навѣтамъ. Ясно и то, чѣмъ питается эта стихія вражды: наглядными и неоспоримыми фактами участія евреевъ въ разрушительныхъ процессахъ, происходившихъ въ Европѣ, а также преувеличеніями и сказками объ этомъ участіи. И при такомъ положеніи есть еще наивные, которые думаютъ, что правдивое вскрытіе, признаніе фактовъ и борьба съ ними можетъ намъ повредить. Они утверждаютъ (или притворяются), будто мы играемъ на руку антисемитамъ, или приспособляемся къ нимъ, когда признаемъ правдивую частицу направленныхъ противъ насъ обвинительныхъ вымысловъ. Они не хотятъ (или не могутъ) понять, что правдивое вскрытіе, признаніе того, что есть, уничтожаетъ или по крайней мѣрѣ подрываетъ преувеличенія и выдумки того, чего не было; между тѣмъ какъ ихъ собственное отношеніе — огульнаго опроверженія и вѣчнаго апологетическаго оправдыванія даже и безспорно отрицательнаго — только и дѣлаетъ, что подрываетъ довѣріе даже и къ той долѣ правды, которая въ этихъ опроверженіяхъ и оправданіяхъ заключается, — ибо признаніе подлинно лежащей на еврействѣ

отвѣтственности есть единственная почва для снятія отвѣтственности, облыжно возводимой на насъ.

Можно думать, что они безсознательно руководятся своеобразнымъ механическимъ представленіемъ: такъ какъ враги евреевъ преувеличиваютъ еврейскую отвѣтственность, то для возстановленія надлежащей мѣры надо ее преуменьшать, чтобы въ качествѣ равнодѣйствующей и получилась надлежащая мѣра; и Боже упаси таковую прямо признать, чтобы не допустить необоснованнаго обвинительнаго крена. Но на самомъ дѣлѣ въ вопросахъ исторіи нѣтъ мѣста механикѣ, ибо объясненія и вмѣненія не складываются, а взаимно вытѣсняются. И не — признаніе правды даетъ кренъ въ сторону лжи, а — ея непризнаніе вредитъ еврейству; не — признаніе фактовъ для всѣхъ явныхъ, а самые эти факты; и слѣдовательно не утаиваніе ихъ можетъ принести еврейству пользу, а ихъ устраненіе. Но чтобы устранить ихъ, надо ихъ осознать, повести противъ нихъ борьбу, т. е. дѣлать то, что мы дѣлаемъ.

Вѣрны или невѣрны наши заявленія и указанія — вотъ вопросъ, который закономѣрно ставить критикамъ и противникамъ. Ставить-же вопросъ объ ихъ своевременности или умѣстности — поистинѣ слишкомъ унизительно для сознающихъ свое достоинство людей, малодушно для вѣрящаго въ себя народа, да и просто недальновидно для зрячаго сознанія. И наконецъ, просто безъ дальнихъ словъ и безъ добавочныхъ мотивовъ — противно производить политику и вести политиканство примѣнительно къ потокамъ крови и морю человѣческихъ бѣдствій.

Но можетъ быть невѣрны наши анализы? Можетъ быть нѣтъ основаній для тревоги совѣсти, для установленія отвѣтственности, для поисковъ выходовъ? Можетъ быть все внутри еврейства, русскаго еврейства, обстоитъ благополучно и не о чемъ тревожиться и не надъ чѣмъ работать? Такъ и говорили нѣкоторые наши оппоненты: намъ себя не въ чемъ упрекать, другіе передъ нами виноваты, мы же не при чемъ. Но оставимъ въ сторонѣ этихъ безсознательныхъ глашатаевъ массовой слѣпоты и самомнѣнія. Другіе — болѣе сознательные — что говорили они? Пусть мы въ ихъ глазахъ не правы, но все ли благополучно въ нашей средѣ? Вѣдь вотъ стряслись неимовѣрные бѣдствія надъ Россіей; тяжкія бѣдствія стряслись надъ

русскимъ еврействомъ. Что же, произошло ли это такъ, какъ на голову прохожаго падаетъ тяжелая балка — ни съ того, ни съ сего. Но вѣдь то не былъ случайный прохожій, то былъ участникъ происшедшаго, участникъ не только пассивный, претерпѣвавшій бѣдствія, но и участникъ активный, ихъ причинявшій. Вѣдь дѣтски и глупо было бы это отрицать. Вѣдь факт, что участіе въ смутѣ приняли обширные круги еврейства, и фактъ тотъ, что его силы были по обѣ стороны водораздѣла, и среди жертвъ, пускай наиболѣе безотвѣтныхъ, но и среди разрушителей, нисколько не наименѣе зловредныхъ. Величайшія потрясенія и бѣдствія постигли Россію, да и еврейство. Такъ какъ же не задаться хотя бы вопросомъ: все ли было въ порядкѣ. Или, если все было неизбѣжно — то здоровой ли была та подпочва, изъ которой выросли эти отравныя растенія; устойчивы ли были нѣдра, разверзшіяся и поглотившія бездну цѣнностей. И въ чемъ было зло, въ чемъ была патологія, въ чемъ таилась гибель.

Уже изъ одного самоуглубленія въ свою судьбу естественно задаваться подобными вопросами, но также и изъ практическихъ соображеній.

Пусть мы не кузнецы своей судьбы, пусть мы зависимъ отъ окружающихъ насъ народовъ (въ нѣкоторой степени тоже должно быть сказано и про всякій — хотя бы державный и могущественный — народъ, ибо судьба всякаго сплетается и подчасъ подпадаетъ въ зависимость отъ сосѣдей). Пусть мы несравненно больше отъ другихъ зависимъ, чѣмъ тѣ, кто живетъ компактной и территоріально объединенной массой. Въ нѣкоторой степени мы все же вѣдь зависимъ и отъ самихъ себя, въ нѣкоторой степени мы сами создаемъ свою судьбу, и своими дѣяніями и состояніемъ предопредѣляемъ отношеніе къ намъ окружающихъ. Въ этой мѣрѣ въ нашихъ рукахъ наша судьба, въ этой мѣрѣ отъ насъ зависитъ наше будущее. Въ этой мѣрѣ на насъ лежитъ долгъ, историческій долгъ, неслагаемая съ себя задача — познать себя, свои силы и слабости, свои ошибки и грѣхи, свои бѣды и болѣзни. Въ этомъ не только потребность, не только право — въ этомъ обязанность передъ нашимъ народомъ и передъ его будущимъ. Въ этомъ требованіе, которое онъ можетъ къ намъ предъявить. Вашъ рокъ — скажутъ намъ — былъ жить въ эпоху величайшихъ преступленій и бѣдствій. Постигли ли вы, въ чемъ

ихъ корень, произвели ли усилія, чтобы его вырвать или оздоровить, заботились ли о томъ, чтобы облегчить и улучшить грядущее вашего народа.

Во всѣхъ народахъ, переживших подобныя испытанія, идетъ процессъ самокритики, самопознанія, самопретворенія, — гдѣ онъ въ русскомъ еврействѣ. Я слушалъ нашихъ критиковъ, противниковъ. Ни о чемъ подобномъ не было у нихъ слышно; точно не о чемъ тревожиться, и не съ чѣмъ бороться. Виноваты всѣ посторонніе — правительство, генералы, крестьяне. Мы же не при чемъ, — и почему то здорово живешь пострадали. Мы ни въ малѣйшей степени не были кузнецами своей судьбы и судьбы окружающихъ; мы — случайный прохожій, на котораго обрушилась балка.

Нѣтъ у нашихъ противниковъ ни пониманія, ни желанія всмотрѣться въ происшедшее. У нихъ нѣтъ на него отвѣтовъ, и хуже этого — нѣтъ даже и вопросовъ. У нихъ пустое мѣсто, имъ нечего о своемъ народѣ сказать. Жилъ былъ въ Россіи еврейскій народъ, и вдругъ случилась благодѣтельная революція и немедленно послѣ того ужасные погромы. Таковъ ихъ горизонтъ.

Ясно, что эта пустота не можетъ быть случайностью. Отсутствіе интереса къ своей коллективной отвѣтственности, отсутствіе критики на собственное поведеніе проявляетъ то самое, что было причиной его разрушительности. Живя въ надуманномъ мірѣ, внѣ реальности, они тѣмъ самымъ содѣйствовали ея разрушенію, а по разрушеніи — не замѣтили своего участія въ этомъ дѣлѣ. Поэтому сегодняшняя ихъ неомраченная безтревожность есть лишь продолженіе вчерашней бездумной разрушительности. Проблуждавъ — и поведя свой народъ — по ложнымъ дорогамъ, они лишены карты предстоящихъ путей, и возможности понять ложность продѣланныхъ. У нихъ нѣтъ критики, потому что нѣтъ выходовъ. У нихъ нѣтъ выходовъ, потому что нѣтъ критики. Прежніе пути привели къ пропасти, другихъ нѣтъ. И потому такъ же боязно имъ задаваться провѣркой былого, какъ и мыслью о грядущемъ. Они молчатъ, когда не жалуются, жалобами заглушая свое молчаніе, и возмущеніемъ заглушая голоса дерзающихъ говорить.

II.

Есть въ участіи евреевъ въ русской смутѣ — черта поразительной самоубійственности; я говорю не спеціально объ участіи въ большевизмѣ, а во всей революціи на всемъ ея протяженіи. Дѣло здѣсь не только въ томъ огромномъ количествѣ активныхъ партійныхъ людей, соціалистовъ и революціонеровъ, влившихся въ нее; дѣло въ томъ широкомъ сочувствіи, которымъ она была встрѣчена, а въ нѣкоторой степени сопровождалась и позже. Характерно, что вѣдь и пессимистическія ожиданія — и въ частности ожиданія погромовъ — далеко не были чужды весьма и весьма многимъ, и тѣмъ не менѣе они продолжали у нихъ совмѣщаться съ пріятіемъ развязавшей бѣдствія и погромы смуты. Точно къ огню тянуло бабочекъ роковое притяженіе, къ огню уничтожающему, или въ лучшемъ случаѣ опаляющему. Ясно, что были какіе то сильные мотивы, которые толкали евреевъ въ эту сторону и столь же безпорно ихъ самоубійственное значеніе.

Въ идеяхъ и взглядахъ, носителями которыхъ являются интеллигентскія теченія, частью выражаются массовыя тяготѣнія, частью же интеллигенція ведетъ за своими знаменами, сама направляя массовыя дѣйствія и симпатіи. Какія же тяготѣнія господствовали въ русско-еврейской интеллигенціи въ предреволюціонное время.

Едва ли будетъ большимъ упрощеніемъ указать на три господствовавшія въ немъ идеи — соціализма, сепаратическаго націонализма и перманентнаго революціонизма. Часто они сплетались воедино, иногда размѣщались по разнымъ группамъ. Въ средѣ буржуазнаго сіонизма, стоявшаго на идеѣ національнаго сепаратизма въ обѣихъ разновидностяхъ — территоріальнаго самоопредѣленія въ Сіонѣ и персональнаго въ діаспорѣ, имѣлись частично и соціалистическія группировки; соціалистическія партіи, подобно Бунду, постепенно прониклись и націоналистическими тенденціями; соціалисты безъ націонализма уходили въ общія активно революціонныя партіи, націоналисты безъ соціализма тяготѣли или симпатизировали революціи. Были, конечно, лица и группы не соціалистическія, не націоналистическія и не революціонныя; частью они склонялись или проникались той или иной изъ этихъ тенденцій (въ особенности націонализмомъ); къ тому же лишенные идейной исторической перспек-

тивы, либо же съ перспективой, не сочетавшейся съ господствующими настроеніями, они оставались безъ существеннаго вліянія на широкіе общественные круги, въ особенности безъ вліянія массоваго. Пожалуй, можно сказать, что вліяніе и удѣльный вѣсъ этихъ группъ за послѣднія десятилѣтія относительно понижались, а не возростали.

Правда, этимъ евреи не отличались отъ остальной россійской интеллигенціи, отъ россійскаго общества, которое въ основномъ было проникнуто тѣми же тенденціями, или отличались количественно, а не качественно. Но мы должны были отличаться въ своей идейности, мы старинный народъ горожанъ, купцовъ, ремесленниковъ, интеллигенціи — отъ народа земли и власти, крестьянъ, помѣщиковъ, чиновниковъ. Впрочемъ, нельзя не признать, что подражая окружающимъ, евреи частью подражали самимъ себѣ, ибо въ составѣ соціалистическихъ и революціонныхъ окружающихъ теченій было немало евреевъ же; но вѣдь и тамъ они примыкали и вливались въ теченія, опредѣлявшіяся жизнью окружающихъ народовъ. Такъ, вдвойнѣ подчинялись они окружающимъ — вливаясь въ партіи и направленія, весьма существенно поддержанныя ихъ энергіей, но не въ соотвѣтствіи съ ними возникшими, и затѣмъ въ своей внутренней средѣ заимствуя извнѣ идеи, и по ихъ образу строя свою общественную жизнь.

То обстоятельство, что идеи господствовавшія въ еврейской интеллигенціи одинаково господствовали и внѣ ея, въ интеллигенціи общерусской, нисколько не умаляетъ отрицательнаго значенія, наоборотъ, даже усугубляетъ таковое; ибо господство этихъ идей и въ общерусской жизни было внѣ соотвѣтствія съ дѣйствительностью, а потому разрушительнымъ, а во вторыхъ потому, что въ еврейской средѣ онѣ были дважды не соотвѣтствующими и дважды разрушительными, а въ третьихъ потому, что по интенсивности еврейская среда прониклась ими относительно полнѣе русской. Малопригодныя въ примѣненіи къ современности, особенно непригодныя въ современной Россіи, эти идеи были сугубо не пригодны для еврейства. Общество, ими руководившееся, предавало государственную судьбу Россіи, еврейское, подчинившееся имъ общество, участвуя въ этомъ общемъ дѣлѣ, сверхъ того предавало судьбу еврейскаго народа. Безспорно, потребовалась великая и непосильная война, чтобы дать проявиться заложенной въ этихъ тенденціяхъ разрушаю-

щей силѣ; въ мирномъ общеніи, — скованная инерціей жизненнаго потока, она оставалась бы недопроявленной, — но все же оставалась бы въ своемъ устремленіи разрушительной.

Можно ли представить себѣ что либо болѣе несуразное, нежели проповѣдь соціализма въ народѣ, состоящемъ въ наибольшей своей части изъ мелкой буржуазіи, изъ ремесленниковъ и купцовъ, интеллигентовъ и посредниковъ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о соціализмѣ, самомъ по себѣ; но не ясно ли съ перваго взгляда, что онъ во всякомъ случаѣ рѣшительно непримѣнимъ, неумѣстимъ у народа, спеціально предназначеннаго по своей соціальной структурѣ — къ буржуазности. Даже и тѣ сравнительно не слишкомъ численныя группы пролетаріевъ, которыя въ немъ имѣлись, въ значительной части отклонялись отъ типичнаго пролетарія, фабрично-заводскаго рабочаго — опоры европейскаго соціализма; даже нищая и полунищая еврейская масса по своему хозяйственному и бытовому положенію мѣстечковой голытьбы или мелкаго городского полумѣщанства — не могла служить реальной опорой подлиннаго соціалистическаго движенія, не могла отъ него получить помощи и облегченія. Это было наносное движеніе, перенесшее обратно въ еврейскую среду то, что евреи, угнетенные и преслѣдуемые, помогли соорудить въ окружающихъ государствахъ, какъ движеніе протеста и отрицанія существующаго и притѣсняющаго ихъ строя. Быть можетъ, немного имѣется другихъ подобно яркихъ случаевъ невѣрности представленія о постоянной зависимости идей отъ экономическаго положенія, нежели участіе евреевъ въ соціалистическомъ движеніи, въ корнѣ шедшемъ въ разрѣзъ съ экономической структурой еврейства.

Въ европейскомъ — частью и въ русскомъ — хозяйственномъ мірѣ евреи заняли въ общемъ то положеніе участниковъ, а частью (въ нѣкоторой степени) и руководителей буржуазнаго строительства, которое и соотвѣтствовало ихъ духовному и хозяйственному укладу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ группы населенія неполноправной и притѣсняемой они въ большомъ числѣ примкнули къ движенію униженныхъ и безправныхъ (вѣрнѣе сказать — малоправныхъ) въ буржуазномъ обществѣ, давъ и ему множество участниковъ и руководителей; такимъ образомъ одновременно давъ и строителей и разрушителей буржуазнаго общества. Пожалуй, нѣсколько упрощая положеніе, можно сказать, что реально они его строили, идейно разрушали. Под-

часъ это дѣлали одновременно одни и тѣ же люди. Сколько было дѣятелей сверх-буржуазныхъ предпріятій, зубами и когтями урывавшихъ для своихъ работодателей и кліентовъ, а слѣдовательно и для себя, весьма буржуазныя, а подчасъ и буржуазно не слишкомъ безупречныя выгоды, а вмѣстѣ с тѣмъ состоявшія въ революціонныхъ организаціяхъ или сочувствовавшіе таковымъ. Сколько было капиталистовъ, стяжателей, буржуазныхъ ловкачей, участвовавшихъ въ содержаніи соціалистическихъ партій. Вѣдь на буржуазныя средства — а отнюдь не на пролетарскія или крестьянскія — и существовали эти послѣднія. Иная партія цѣликомъ дѣйствовала за счетъ крупныхъ богачей (разумѣется, отнюдь не одпихъ еврейскихъ), — объ этомъ при искренности могли бы кое что поразсказать партійные исторіографы. Если бы буржуазія закрыла свой кошелокъ, подрыватели буржуазіи были бы подорваны въ корнѣ. Сильнѣе чѣмъ какія либо правительственныя насилія и воздѣйствія, былъ бы ударъ, нанесенный отказомъ буржуазіи въ субсидіяхъ ея врагамъ. Но у буржуазіи, осуществлявшей свое буржуазное дѣло, не было сознанія его законности, правомѣрности, культурности, цѣлесообразности. У нея не было внутренняго, духовнаго пониманія, оправданія и освященія своего жизненнаго пути. Она его проходила, какъ путь зазорный и откупалась отъ этого сознанія, поддерживая и субсидируя организаціи, ее шельмовавшія, воспитывавшія къ ней ненависть и презрѣніе, подрывавшія ее, а съ ней и государство. Много ли было такихъ еврейскихъ буржуазныхъ или мѣщанскихъ семей, гдѣ бы родители мѣщане и буржуи не смотрѣли сочувственно, подчасъ съ гордостью, и въ крайнемъ случаѣ безразлично на то, какъ ихъ дѣти штамповались ходячимъ штампомъ одной изъ ходячихъ революціонно-соціалистическихъ идеологій. Да и что могли они ей противопоставить, эти выходцы изъ стараго, устарѣлаго ортодоксальнаго мѣстечковаго быта, чья культурная традиція, впрочемъ, заскорузлая и отсталая, была разрушена, безъ возможности, безъ времени создать новую. Въ сущности и они были выходцами изъ грандіозной революціи, культурно-бытовой, приведшей ихъ на протяженіи одного двухъ поколѣній изъ литовскаго правовѣрнаго, изъ польскаго хассидскаго мѣстечка — въ петербургскій банкъ или окружный судъ, въ харьковскую мастерскую или зубоврачебный кабинетъ, на биржу или на заводъ — въ глубоко новый и только поверхностно, скопдачка ус-

военный быть. Въ сущности и они — въ массѣ своей — жили среди обломковъ стараго быта и полувѣрованій и какихъ то клочковъ пріобрѣтенныхъ, извнѣ пришедшихъ новыхъ привычекъ, новаго обихода. Лишенные какъ инстинктивной, традиціонной почвы, такъ и продуманно-сознательной, — они не выработали ни силы притяженія, ни устойчивости; и сами принадлежа къ средѣ безправной или угнетенной, — смутно тяготѣли къ идеологіи, возстававшей противъ притѣснителей вообще, не разбирая, въ чемъ заключается протестъ, и въ чемъ притѣсненіе.

Пусть таковы или подобны объясненія происшедшаго, пусть въ этомъ и смягчающія «вину» обстоятельства. Мы, евреи, слишкомъ склонны объясненія принимать за оправданія, и обстоятельства, смягчающія вину, за — снимающія ее. Но объясненіе имѣетъ все сущее. И чтобы аппелировать къ «смягченію», надо признать «вину».

Итакъ, постепенно установилась въ еврейскомъ обществѣ гегемонія соціализма со всѣми привходящими его моментами — отрицаніе гражданскаго общества и современнаго государства, пренебреженіе къ буржуазной культурѣ и къ наслѣдію вѣковъ; отъ этого послѣдняго евреямъ тѣмъ легче было отказаться, что отъ своего наслѣдія они въ значительной части уже раньше отрѣшились въ процессѣ своей европеизаціи, и что дѣйствительно оно въ конкретномъ своемъ оформленіи послѣднихъ поколѣній становилось заскорузлымъ и отжившимъ.

Послѣдствія не замедлили сказаться. Ряды соціалистовъ были переполнены евреями. И когда по линіямъ русскихъ государственныхъ судебъ надъ Россіей — если можно такъ выразиться — стряссяя вмѣстѣ съ революціей соціализмъ, какъ проявленіе, результатъ и факторъ общегосударственнаго развала и народнаго разложенія, — тогда не только эти евреи со всей своей численностью и энергіей оказались на передовой волнѣ разложенія. Тогда остальное еврейство оказалось безъ сцѣпляющей идеи, — съ недоумѣннымъ сочувствіемъ къ происходящему и недоумѣнной безпомощностью примѣнительно къ его результатамъ.

А результаты — въ частности по отношенію къ еврейству заключались въ томъ, что разомъ оказалась разрушенной вся его экономическая структура. Достаточно представить себѣ

годами непрерывную войну большевизма съ буржуазіей, уничтоженіе частной торговли.

Разрушеніе городовъ — таково первое послѣдствіе революціи; но еврейство народъ всецѣло городской. Наибольшая часть русскаго народа частью осталась на землѣ, на своихъ корняхъ, частью туда вернулась. Евреи на землѣ не сидѣли, и на землю вернуться не могли. Они жили въ городахъ, и въ городахъ была уничтожена главная хозяйственная опора ихъ существованія. И отсюда вторая горшая бѣда.

Когда грозный бунтъ въ эпоху непосильныхъ военныхъ напряженій потрясъ страну и сбросилъ всю государственную іерархію — къ власти подошли единственныя организованныя силы, оказавшіяся созвучными тенденціямъ развала, именно идеологіи и партіи революціонныя, соціалистическія. Въ нихъ — какъ выше указано — огромное мѣсто занимали евреи; тѣмъ самымъ евреи приблизились къ власти и заняли различныя государственныя «высоты» — пропорціонально не ихъ значенію въ Россіи, а ихъ участію въ соціалистическихъ организаціяхъ. Но далѣе, занявъ эти мѣста, естественно, что — какъ и всякій общественный слой — они уже чисто бытовымъ образомъ потащили за собой своихъ родныхъ, знакомыхъ, друзей дѣтства, подругъ молодости. Въ связи съ Зиновьевымъ ходили слухи въ Петербургѣ о тѣхъ выгодныхъ мѣстахъ, которыя онъ предоставилъ не то своимъ роднымъ, не то роднымъ своей жены. Но ясно, что и независимо отъ той исключительной корысти и кумовства, которые свойственны людямъ, подобнымъ Зиновьеву, — совершенно естественный процессъ предоставленія должностей людямъ, которыхъ знаешь, которымъ довѣряешь, которымъ покровительствуешь, наконецъ, которые надоѣдаютъ и обступаютъ, пользуясь знакомствомъ, родствомъ и связями, необычайно умножилъ число евреевъ въ совѣтскомъ аппаратѣ. Но этого мало, — большевистскій строй, опрокинувшій соціальную пирамиду, давшій господство соціально — низамъ, морально — отбросамъ, культурно — невѣжественнымъ, неизбѣжно и въ еврействѣ вытянулъ на поверхность соотвѣтствующіе же элементы, открывъ свободный путь наглости, проворству, всяческому отщепенству, всему непомнящему родства; и ясно, что и среди евреевъ легко отыскались таковые для разрушенія учрежденій и цѣнностей, родства съ

которыми у нихъ къ тому-же и вообще не было, или было лишь слабое.

Но мало и этого. Сюда присоединился тотъ губительный процессъ соціализаціи, который дважды губительнымъ оказался для евреевъ. Соціализмъ подорвалъ и привелъ къ деградаціи все русское хозяйство, но еврейскую экономику онъ однимъ махомъ уничтожилъ, уничтоживъ торговлю, частное предпринимательство, городскую жизнь. Когда еврейская органическая хозяйственная работа и органическіе хозяйственные слои были сметены, широкій просторъ вмѣстѣ съ соціалистами получило культурное и хозяйственное отщепенство. Когда — по описанію Пѣшехонова — русскому человѣку некуда было податься, если не въ могилу и тюрьму, иначе какъ на совѣтскую службу, то это относится только къ интеллигенту. Крестьянинъ оставался на землѣ; рабочій оставался на фабрикѣ, если не возвращался на землю; желѣзнодорожникъ оставался на желѣзной дорогѣ. Но массовый еврей — не былъ ни крестьяниномъ, ни фабричнымъ рабочимъ, ни желѣзнодорожникомъ. Онъ лишался своего заработка; его профессія уничтожалась и ему приходилось устремиться къ совѣтскимъ властямъ, — въ поискахъ куска хлѣба, благо среди этихъ совѣтскихъ властей онъ нерѣдко могъ найти родственника или знакомаго, или какой либо связи общаго знакомства. Отсюда между прочимъ тотъ переворотъ, который произошелъ и въ семейномъ быту, когда по большей части зрѣлые люди деградировали, а мальчишки и дѣвченки, лишенные духовнаго и соціальнаго «балласта», дѣлая карьеру, оказывались кормильцами своихъ старшихъ. Посколько-же люди продолжали свои прежнія занятія, они неизбѣжно — вмѣстѣ съ деградаціей таковыхъ — и сами деградировали. Торговля, посколько сохранилась, превращалась въ оголтѣлую спекуляцію; укрывательство и беззаконіе — по отношенію къ разрушенному гражданскому закону, да и по отношенію къ неисполняемому «закону» большевистскому — стали неизбѣжностью эпохи.

И словомъ попытка ввести соціализмъ не только выдвинула на верхи еврейскихъ отщепенцевъ, уничтоживъ органическую хозяйственную жизнь еврейства, она бросила его на милость и на поживу совѣтовластія. Отсюда сугубое количество евреевъ въ совѣтскомъ аппаратѣ, отсюда реакція негодованія и ненависти со стороны окружающихъ.

Личное хозяйственное спасеніе множество евреевъ могли найти только въ совѣтскомъ аппаратѣ. Многіе устроились и процвѣли, но это не мѣняетъ существа, это не заслоняетъ величины уплаты и расплаты. И надо признать не только то, что этотъ разрушительный процессъ не встрѣтилъ надлежащаго сопротивленія въ еврейской средѣ, буржуазной и потому долженствовавшей оказать таковое, но вдобавокъ нашелъ — благодаря гегемоніи соціалистической идеи — и охочихъ исполнителей и сочувственную почву.

Коммунистическій строй, уничтожившій хозяйство городское, подорвалъ еврейское хозяйство больше хозяйства какого угодно другого народа Россіи, и въ наибольшей степени сдѣлалъ еврейство зависимымъ отъ новаго хозяйственнаго строя. И именно коммунистическая разновидность развала, постигшая Россію, въ созиданіи которой столь дѣятельное участіе приняли евреи, съ особой полнотой обрушилась на буржуазный, мѣщанскій, посредничающій еврейскій-же міръ. Въ этомъ смыслѣ — еврейская соціалистически настроенная интеллигенція приняла, хотя и косвенное, но ближайшее участіе въ хозяйственномъ разгромѣ еврейства. Въ этомъ смыслѣ евреи оказались вынуждены принять сравнительно наибольшее участіе въ аппаратѣ коммунистическаго «опыта».

III.

Другая идея, овладѣвшая еврейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, — есть идея самоопредѣленческаго національзма.

Національное движеніе въ еврействѣ есть въ значительной степени отвѣтъ самоохраненія историческаго коллектива противъ нивелирующихъ вліяній современности. Религіозная связь ослабѣла, а частью для нѣкоторыхъ круговъ и вовсе отпала; основная сила сцѣпленія современныхъ народовъ — государственная — для еврейства, какъ такового, не существуетъ; индивидуализмъ современнаго общества и подвижность его частичнаго организовыванія выдѣляетъ еврея — индивида изъ коллектива и связываетъ его произвольно съ другими евреями и неевреями въ новыя частичныя образованія. Коллективъ чувствуетъ себя слабѣющимъ и ищетъ новыхъ связей и сцѣпленія.

Сообразно лозунгамъ и идеямъ вѣка — это исканіе подводится подъ общую форму національнаго движенія, будучи

и дѣйствительно одною изъ разновидностей такового. Бѣда была въ томъ, что это движенiе возстановленiя коллективной жизни было подведено подъ ту разновидность нацiональнаго движенiя, которая господствуетъ въ окружающей жизни среди народовъ территорiальныхъ, и въ основѣ своей стремится къ ихъ сепаратистическому выдѣленiю. А между тѣмъ еврейство глубочайшимъ образомъ отличалось отъ этихъ другихъ нацiональностей, и подражательный переносъ былъ здѣсь менѣе всего осмысленъ. Въ отличiе отъ другихъ еврейство живетъ не сплошной массой, а прерывистой, разсѣянной; оно не составляетъ вертикальнаго разрѣза всѣхъ соцiальныхъ слоевъ, а сосредоточено почти исключительно въ нѣкоторыхъ (почти лишено поземельныхъ классовъ и государственныхъ верховъ), ему не приходится заново создавать свою культуру, какъ большинству малыхъ народовъ, рвущихся къ самоопредѣленiю; оно одновременно имѣетъ и древнiя великiя культурныя цѣнности и въ различныхъ плоскостяхъ нуждается въ современныхъ, и ихъ заимствуетъ у народовъ сосѣднихъ. Словомъ, еврейство нисколько не похоже по своей структурѣ ни на — положимъ — венгерцевъ или латышей, ни на итальянцевъ середины XIX вѣка или хорватовъ. Оно не нуждается и не терпитъ отдѣленiя. Задача сепаратистическаго нацiонализма (въ территорiальномъ или персональномъ смыслѣ — безразлично) не есть его задача, идетъ мимо запросовъ его жизни, если ихъ не искажаетъ. Задача еврейскаго нацiональнаго движенiя другая: не произвести выдѣла (впрочемъ и невозможнаго) изъ окружающаго сплетенiя народовъ, а найти и опредѣлить свой у д ѣ л ъ въ ихъ общей жизни; не сепаратистическое самоопредѣленiе, а проявленiе своей коллективной личности въ совмѣстномъ государственномъ существованiи.

Мнѣ незачѣмъ здѣсь прослѣживать вредъ причиненный перенесенiемъ чуждыхъ нацiональныхъ представленiй въ еврейскую жизнь. Достаточно отмѣтить, что заимствованiя сепаратистическаго нацiонализма привели къ сочувствiю всякому сепаратистическому нацiонализму, къ общему признанiю всякаго — государственно-подобнаго нацiональнаго самоопредѣленiя.

Мнѣ уже неоднократно приходилось разсматривать внутреннюю порочность идеи нацiональнаго самоопредѣленiя (въ различныхъ статьяхъ военнаго и довоеннаго времени, частью собранныхъ въ книжкѣ «Польско-еврейскiй вопросъ», а также не-

давно въ книгѣ «Сумерки Европы»); не буду повторяться, а только напомню неоднократно высказанное; что евреи въ историческомъ своемъ существѣ — народъ имперскій; что они могутъ разсчитывать на возможную свободу и полноту самовыявленія только въ обширномъ государствѣ, гдѣ и разсѣяніе даетъ возможность собрать массу, и гдѣ многоразличіе расъ, націй, вѣръ лишаетъ или ослабляетъ остроту столкновенія одной господствующей съ одной же или немногими подвластными. Евреи расцвѣтали въ міровыхъ центрахъ — Александріи и Римѣ, въ Вавилонѣ, арабскомъ халифатѣ, Священной римской имперіи; могли бы національно развернуться въ Россіи и, можетъ быть, въ Америкѣ. Расщепленіе государственности — роковой для еврейства ударъ. Именно на встрѣчу этому расщепленію слѣпо металась еврейская интеллигенція, привѣтствуя всякое самоопредѣленіе, и едва ли не готовая всякое поддержать. Какъ обезумѣвшее стадо лишенное пастуховъ, металось русское еврейство на встрѣчу своему паденію.

Третьимъ господствовавшимъ въ еврейскомъ обществѣ лозунгомъ — былъ лозунгъ революціонизма. Незачѣмъ сейчасъ выяснить, почему это было такъ; безспорно для этого было достаточно основаній въ тѣхъ притѣсненіяхъ, коимъ подвергались евреи, ограниченіяхъ въ правахъ — черта осѣдлости, норма и пр.; а можетъ быть въ еще большей степени — въ тѣхъ моральныхъ униженіяхъ и бѣдствіяхъ, изъ которыхъ не выходили даже и тѣ привилегированные или ловкіе, которые отъ правовыхъ ограниченій или матеріальныхъ тяготъ были свободны. Если все русское общество было преисполнено революціоннымъ устремленіемъ, то тѣмъ понятнѣе, что имъ было преисполнено еврейство.

Къ этому присоединилось еще и то, что только отъ лѣваго лагеря — и въ особенности, революціоннаго — слышали евреи обѣщанія равноправія, чувствовали себя только тамъ на равной ногѣ. И поэтому туда они и устремлялись въ избыточномъ числѣ, наполняя собой эти ряды и тѣмъ еще больше сближая ихъ съ собой; и даже посколько и не устремлялись — туда взирали съ надеждой и упованіемъ.

Но и признавая естественность этого устремленія, нельзя не признать той опасности, которая здѣсь была заключена. Съ

одной стороны этимъ поддерживалась непрерывная отрицательная реакція на все окружающее (какъ это происходило и въ русскомъ обществѣ) съ недостаточнымъ цѣненіемъ того обильнаго положительнаго, что изъ него десятилѣтіями получалось. Отсюда проистекала замѣчательная двойственность: привычная эмоціальная привязанность у весьма многихъ къ окружающему, врощенность въ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ — раціональное отверженіе, отталкиваніе его по всей линіи. Влюбленность въ ненавидимую среду — таково здѣсь весьма распространенное умонастроеніе. Оно сказалось въ годы развала.

Революція вообще и всегда дѣло страшное, рискованное, опасное. Въ особенности оно страшно и опасно для меньшинства, во многихъ отношеніяхъ чуждаго основной массѣ населенія, сосредоточивающаго на себѣ множество традиціонныхъ предразсудковъ и вкоренившагося недовѣрія. Такое меньшинство сугубо должно опираться для обезпеченія своей жизни — на законъ, на незыблемую непрерывность порядка, на правовую инерцію. Революціонная разлаженность и всепозволенность — съ особой силой должна обрушиться именно на такое меньшинство.

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, чтобы революціи были всецѣло при всѣхъ условіяхъ «недопустимы» — съ точки зрѣнія своего народа или хотя бы подобнаго меньшинства. Государственный и общественный строй можетъ вступить въ такую полосу застоя и искаженія, что опасности революціонныхъ бѣдствій оказываются сравнительно меньшими, чѣмъ опасности захуданія и маразма; и даже меньшими могутъ они оказаться и для національнаго инороднаго меньшинства.

Думаю, въ такомъ именно положеніи была Россія въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Думаю, что революція 1905 года — признаваемая неудачной — была не только неизбѣжной, но и необходимой. Неизбѣжна и необходима не только для русскаго народа, но — въ частности — и для русскаго еврейства. Думаю — о чемъ приходится говорить по другимъ случаямъ и потому здѣсь не къ мѣсту распространяться — что несмотря на ея такъ называемую неудачу, и во всякомъ случаѣ на плохое использованіе ея какъ властью, такъ и обществомъ, — она принесла Россіи благо, сдвинула ее хотя и не на ровный путь развитія, а ближайшимъ образомъ — на мало проѣзжую дорогу, но все же двинуло ее изъ прежде засасывавшаго болота.

вызвала молекулярную энергію производительныхъ напряженій и культурныхъ устремленій, и наконецъ создало нѣкоторыя формы, которыя при энергіи, умѣніи и благопріятныхъ обстоятельствахъ смогли бы стать исходной точкой послѣдующаго политическаго развитія.

И точно также для еврейства революція 1905 г. принесла въ общемъ итогѣ положительные результаты. Съ большой ясностью она выявила всѣ грозныя для меньшинства стороны революціонной борьбы и дезорганизаціи (погромы). Но не слѣдуетъ все же забывать, что революція 1905 года дала евреямъ, не имѣвшимъ еще гражданскаго равноправія — равноправіе политическое; что и въ смыслѣ національнаго строительства было облегчено положеніе, и что наконецъ никогда не стоялъ еврейскій вопросъ такъ благопріятно — въ общественномъ мнѣніи, какъ послѣ «освободительнаго движенія», въ результатѣ совмѣстной работы и содружной борьбы, ощущавшагося обществомъ, какъ нѣчто положительное и производительное.

Несчастіе Россіи — и несчастіе русскаго еврейства — заключалось въ томъ, что результаты первой революціи еще не были переварены, не улеглись въ новый строй, не выросло еще новое поколѣніе, — какъ стряслась великая и непосильная война. И когда наступилъ часъ развала, онъ засталъ поколѣніе, съ самаго его начала бывшее въ нѣкоторомъ смыслѣ отработаннымъ паромъ прежней революціи, засталъ инерцію уже изжитой духовности, безъ органической связи съ моментомъ, а прикованнымъ духовной косностью къ десятилѣтіе назадъ пережитому періоду. И органическая революціонность начала двадцатаго вѣка стала механической «перманентной революціонностью» военнаго времени.

Не революціонность вызвала въ 1917 году смуту, а стрясшаяся смута вызвала въ образовавшуюся идейную пустоту — людей и лозунги прошедшей эпохи. Не связанная съ моментомъ, его задачами и возможностями, она и проявила — къ тому же въ исключительный по напряженной опасности для государства моментъ — всю свою механическую разрушительность безъ органическаго подспуднаго творчества. Еврейское общество приняло дѣятельное участіе въ этомъ разрушеніи; это разрушеніе съ сугубой силой обрушилось на еврейское общество. Можетъ быть, было бы чрезмѣрной притязательностью требовать отъ того же общества, чтобы оно въ 1905 году

было революціоннымъ, а въ 1917 — настроеннымъ противъ революціи. Но нельзя не отмѣтить, что за то, что оно не сумѣло перестроиться, оно и заплатило жесточайшую цѣну.

Въ общемъ итогѣ русское еврейство оказалось безсильно противъ революціонной бури. Господствующія въ немъ идеи соціализма, сепаратистическаго націонализма и перманентной революціонности вовлекли въ процессъ смуты обширныя группы дѣятелей и сочувствіе еще большаго числа; смута деклассировавъ населеніе, выплеснула на поверхность муть, которая изъ еврейской среды тѣмъ легче поднялась на поверхность, что 1) составляла городское населеніе, полуинтеллигентное и 2) что имѣла въ новыхъ верхахъ связи родства и знакомства; и наконецъ, то же деклассированіе, опрокинувъ всѣ органическіе слои еврейства, уничтожило внутреннія силы сопротивленія и даже устойчивости, бросивъ и ихъ подъ колесницу торжествующаго большевизма.

Конечно, отнюдь не однимъ господствомъ отмѣченныхъ идей обусловливается степень и формы участія евреевъ въ русской смутѣ. Здѣсь дѣйствовала и озобленность противъ стараго міра, и отчужденность, искусственно имъ поддержанная отъ общероссійской государственной и бытовой жизни; дѣйствовалъ и своеобразный раціонализмъ, столь часто присущій евреямъ и словесно логической послѣдовательностью оттѣсняющій многосложную переливчатую ткань дѣйствительности; волевой натискъ, въ ничтожныхъ душахъ превращающійся въ пронырливость и дерзость; упорство фанатизма у однихъ, умѣніе приспособляться у другихъ.

Поразило насъ то, чего мы всего менѣе ожидали встрѣтить въ еврейской средѣ — жестокость, садизмъ, насильничаніе, казалось чуждое народу, далекому отъ физической воинственной жизни; вчера еще не умѣвшіе владѣть ружьемъ, сегодня оказались среди палачествующихъ головорѣзовъ. Проявлялось и то своеобразное соотношеніе, что поскольку опрокинутой оказалась соціальная пирамида и низы, а частью именно чернь, оказалась наверху, — то сравнительно больше грамотныхъ и подвижныхъ на городской ладъ оказалось среди еврейскихъ низовъ и черни, нежели среди русской. Крестьянинъ оставался или возвращался въ деревню; и если распоряжался и властвовалъ матросъ, то ему оказалось чрезвычайно удобнымъ имѣть при себѣ какого-нибудь расторопнаго и хотя бы полугра-

мотнаго еврейскаго мѣщанина для чиновничьяго обслуживанія. Русскій пролетарій и еврейскій мѣщанинъ оказались наиболѣе грамотными и культурными среди низовъ, овладѣвшихъ или составлявшихъ опору власти.

Но сколько бы еще основаній и причинъ не отыскивать для объясненія роли евреевъ въ русской смутѣ, все же остаются тѣ сложныя соотношенія, которыя можно характеризовать какъ господство отмѣченныхъ трехъ идеи. Ибо не только то важно, что нашлись и понадобились русской смутѣ такіе то люди, что такихъ то людей произвела еврейская среда; а то существенно, что они не встрѣтили достаточнаго отпора въ своей средѣ, достаточнаго противодѣйствія. Къ слому государственнаго и хозяйственнаго строя гнали русскихъ людей, однихъ — ихъ идеалы и идеи, другихъ — ихъ непосредственныя, узко-личные, шкурные интересы. То же было и въ еврейской средѣ, но, пожалуй, съ той разницей, что узко-личные, шкурные интересы быть можетъ наибольшаго числа евреевъ должны были бы гнать ихъ противъ смуты. Но они не имѣли ни лозунговъ, ни идей, ни руководящихъ для этого центровъ. Не только убѣжденные и фанатики, но всякіе хулиганы и негодяи — могли углублять революцію и эксплоатировать ее въ своихъ корыстныхъ выгодахъ, прикрываясь флагомъ, передъ которымъ пассовало и общество и масса. Ибо — какъ же противодѣйствовать; вѣдь какъ ни какъ, это же соціализмъ, революція, самоопредѣленіе.

Русское общество — хотя и въ маломъ составѣ — все же нашло лозунги для нѣкотораго, хотя бы неумѣлаго и неуспѣшнаго сопротивленія. Еврейское общество оказалось либо совершенно безъ руля и безъ вѣтрилъ, либо въ растерянности и отъ растерянности — духовно отошло, отвернулось отъ происходящаго. Распространеніе сіонизма и было послѣдствіемъ господства идей, потерпѣвшихъ рѣшительное банкротство. Въ соціализмѣ, сепаратистическомъ націонализмѣ и перманентной революціонности пришлось разочароваться; но другихъ идей на смѣну имъ не было. Осталось безидейно топчась въ дѣйствительности, проклиная, злоупотребляя, пренебрегая, прозябая въ ней, духовно устремиться куда-либо внѣ ея, подальше — въ Сіонъ. Но Сіонъ — не разрѣшеніе проблемы русскаго еврейства, и оно остается безпризорнымъ и растеряннымъ.

Если вѣренъ намѣченный анализъ, то отсюда вытекаютъ и пути дѣйствованія, противодѣйствованія, вытекаютъ задачи выставленія творческихъ строительныхъ лозунговъ.

Не поздно ли? Можетъ быть, но и запоздалое для одного остается еще своевременнымъ для другого; жизнь не прекращается и потому нельзя остановиться и передъ запоздалостью. Что остается дѣлать, это вопросъ особый. Во всякомъ случаѣ надо знать. Знать, что гибель русскаго еврейства шла по путямъ паденія Россіи, и что общи у нихъ и пути возстановленія. Въ этомъ нѣтъ случайности или совпаденія, въ этомъ имманентная связь. Въ великомъ государствѣ въ основѣ совпадаютъ интересы господствующаго и малыхъ народовъ; отдѣлимы только интересы среднихъ народовъ, могущихъ мечтать или осуществлять отдѣленіе. Россія нуждается въ ростѣ городской культуры и производительной гражданственности, которыя составляютъ стихію еврейства. Въ безграничномъ крестьянскомъ океанѣ городскіе острова нужны и цѣнны; противъ неподвижности пассивной власти земли — полезна подвижность активнаго комбинирующаго и инціативно-строющаго элемента. И еврейству нужна великая, безграничная, многочисленная, разнонаселенная, многовѣрная страна, богатая объективными и субъективными дарами. Общія задачи рисуются на горизонтѣ. Не соціализмъ, а инціативное строительство гражданственности и хозяйственности. Не сепаратизмъ, а великая объединяющая государственность. Не революціонизмъ, а крѣпкая государственная постройка...

И. О. ЛЕВИНЪ

Евреи въ революціи

Констатированіе отвѣтственности евреевъ за участіе евреевъ въ большевистскомъ движеніи обычно вызываетъ въ еврейскихъ кругахъ раздраженіе и непониманіе. Съ еврейской стороны эта отвѣтственность отвергается на основаніи ряда соображеній. Либо стараются доказать, что число евреевъ-большевикоъ въ дѣйствительности не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ, либо же отрицаютъ основаніе для отвѣтственности всего еврейскаго народа за поступки отдѣльныхъ членовъ этого народа, притомъ часто еще даже формально отъ него отрекшихся, либо же указываютъ на преслѣдованіе евреевъ въ дореволюціонной Россіи, какъ на причину, достаточно объясняющую массовое активное участіе евреевъ въ революціи, и на еврейскіе погромы, устраивавшіеся различными націанальными арміями во время гражданской войны въ Россіи, что также заставляетъ евреевъ предпочитать власть большевиковъ, такихъ погромовъ по крайней мѣрѣ не устраивающихъ.

Отрицаніе отвѣтственности съ еврейской стороны въ значительной мѣрѣ основано на недоразумѣніи. Само собою разумѣется, что рѣчь идетъ объ отвѣтственности не уголовной, а моральной. И если стоять на точкѣ зрѣнія, что большевистская революція въ Россіи явилась только разрушеніемъ, но ничего положительнаго не дала, то евреи, по скольку они образуютъ опредѣленный національный коллективъ, не могутъ очевидно ограничиваться простымъ отводомъ и не сознавать отвѣтственности за роль евреевъ въ революціонномъ движеніи. Этотъ вопросъ, слѣдовательно, требуетъ объективнаго разсмотрѣнія.

Быть объективнымъ въ вопросахъ политической или соціальной борьбы-дѣло всегда очень трудное. Еще труднѣе, конечно, быть объектинымъ еврею тогда, когда столько невинной еврейской крови уже было пролито и когда о будущихъ погромахъ въ самыхъ разнообразыхъ кругахъ принято говорить совершенно хладнокровно, какъ о чемъ

то неизбѣжномъ. Но несмотря на всю эту трудность, — можетъ быть именно въ силу ея — на насъ лежитъ обязанность по возможности добросовѣстно и объективно разобраться въ причинахъ и размѣрахъ участія евреевъ въ революціи. Это важно не только для установленія теоретической истины, но можетъ имѣть и нѣкоторое практическое значеніе, поскольку разъясненіе этой проблемы можетъ имѣть извѣстное вліяніе на дальнѣйшее соотношеніе между русскими и евреями, какъ до паденія большевистскаго режима, такъ и въ тотъ періодъ, который за нимъ послѣдуетъ.

Слѣдуетъ признать, что изъ всѣхъ приводимыхъ съ еврейской стороны аргументовъ, оспариваніе числа евреевъ-большевиковъ совершенно не можетъ считаться серьезнымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что число евреевъ, участвовавшихъ въ партіи большевиковъ, а также во всѣхъ другихъ партіяхъ, столько способствовавшихъ такъ называемому углубленію революціи: меньшивиковъ, эс-эровъ и т. д., какъ по количеству, такъ и по выпавшей на нихъ роли въ качествѣ руководителей, не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ процентнымъ отношеніемъ евреевъ ко всему населенію Россіи. Это фактъ безспорный, который надлежитъ объяснять, но которий безсмысленно и безцѣльно отрицать. Гораздо болѣе убѣдительно и больше приближается къ существу проблемы указаніе на еврейское безправіе въ Россіи до мартовоской революціи 1917 г., хотя и эта причина не исчерпываетъ всего вопроса.

Если среди причинъ революціоннаго разгрома Россіи одной изъ наиболѣе существенныхъ является политика дореволюціоннаго режима, точно сознательно культивировавшаго все анти-государственное и анархическое въ Россіи, и какъ бы нарочно мѣшавшаго упроченію въ народныхъ массахъ сознанія своей солидарности съ государственной властью, то въ отношеніи евреевъ это справедливо въ еще, конечно, безмѣрно большей степени. Всякому, сколько-нибудь интересовавшемуся еврейскимъ вопросомъ въ Россіи, достаточно извѣстна вся тяжесть безправія, подъ которымъ задыхалась еврейская масса въ Россіи. За исключеніемъ краткаго періода царствованія Александра II русская власть поступала по отношенію въ евреямъ такъ, точно она преднамѣренно ставила себѣ цѣлью создать всѣми доступными

ей мѣрами массу, крайне воспріимчивую ко всякого рода революціоннымъ и анти-государственнымъ ученіямъ, которая только въ осуществленіи этихъ ученій могла видѣть возможность избавленія отъ тяжкаго гнета, только въ окончательномъ разрушеніи стараго могла надѣяться на удовлетвореніе своихъ справедливыхъ требованій. Въ подготовленіи евреевъ-революціонеровъ и революціонныхъ настроеній еврейскихъ массъ жестокія противоеврейскія репрессіи въ періодъ царствованій Александра III и Николая II сыграли очевидную и огромную роль.

Однако, было бы неправильно искать только въ этомъ безправіи и въ тяжеломъ экономическомъ положеніи еврейскихъ массъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, которое явилось въ значительной степени слѣдствіемъ этихъ жестокихъ и безсмысленныхъ преслѣдованій, единственную причину участія евреевъ въ революціонномъ движеніи, въ томъ числѣ и въ рядахъ партіи большевиковъ. Существуютъ причины и дргого рода, которыъ слѣдуетъ искать уже не во внѣшнемъ гнетѣ и не въ безправіи, а въ процессахъ, происходящихъ внутри самого еврейства.

Для того, чтобы въ этом убѣдиться, достаточно вс помнить о большевистскихъ періодахъ внѣ предѣловъ Россіи. Какъ извѣстно, кромѣ Россіи, гдѣ большевики сохраняютъ власть еще и понынѣ, въ Европѣ былъ сдѣланъ еще въ трехъ государствахъ опытъ осуществленія такъ-называемой диктатуры пролетаріата: въ Финляндіи, Венгріи и Баваріи. Въ Финляндіи евреевъ никогда почти совсѣмъ не было, и, слѣдовательно, ихъ не было и во время финляндской большевистской революціи, которая была ликвидирована интервенціей германской арміи. Совсѣмъ другую картину мы видимъ въ Баваріи и въ Венгріи. Количество евреевъ — участниковъ большевистскаго режима въ обѣихъ этихъ странахъ огромно. Въ Баваріи, гдѣ большевистская диктатура просуществовала нѣсколько недѣль (отъ 7 апрѣля до 2 мая 1919 г.), мы находимъ среди комиссаровъ евреевъ Левине, Левина, Аксельрода, идеолога-анархиста Ландауэра, Эрнста Толлера. Можно было бы, пожалуй, пытаться объяснять это выдающееся участіе евреевъ въ баварской революціи тѣмъ, что весь большевистскій періодъ въ Баваріи былъ въ сущности совершенно случайнымъ эпизодомъ, который оказался

возможнымъ только въ моментъ демобилизаціи и полнаго развала, въ которомъ находилась тогда Германія. Столь же случайной могла быть, поэтому, и группа, игравшая роль выразителей воли революціоннаго народа, и ея національный составъ.

Но этого уже совершенно нельзя сказать про Венгрію, гдѣ совѣтскій режимъ имѣлъ въ значительной мѣрѣ тѣ же предпесылки, которыя питаютъ его еще и понынѣ въ Россіи: преобладаніе крупнаго землевладѣнія, безправіе народа, антигосударственная эгоистическая политика привилегированныхъ и правящихъ классовъ, угнетеніе «инородцевъ» и т. д., и гдѣ онъ продержался около 4 мѣсяцевъ (отъ 21 марта до начала августа 1919 г.) и былъ ликвидированъ посредствомъ иностранной интервенціи, именно вступленіемъ румынъ въ Будапештъ.

По даннымъ извѣстнаго венгерскаго соціолога Оскара Ясси, самого еврея по происхожденію (если не ошибаюсь, формально не ушедшаго отъ еврейства), занимавшаго постъ министра національныхъ меньшинствъ въ первомъ революціонномъ, до-большевистскомъ, правительствѣ такъ называемаго періода Карольи, соотвѣтствующаго у насъ періоду Временнаго Правительства число евреевъ — руководителей большевистскаго движения въ Венгріи доходило до 95%. Во избѣжаніе недоразмѣній слѣдуетъ еще прибавить, что Ясси отнюдь не «черносотенец». Онъ принадлежитъ къ группѣ весьма радикальной, всю жизнь боролся за всеобщее избирательное право, аграрную реформу, требуетъ уничтоженія крупнаго землевладѣнія, равноправія національностей и установленія демократическаго строя и вынужденъ теперь при реакціонномъ режимѣ Хорти жить въ эмиграціи. А между тѣмъ правовое положеніе евреевъ въ Венгріи было прекраснымъ, никакихъ ограниченій въ правахъ евреевъ тамъ уже давно не существовало и, наоборотъ, евреи въ Венгріи въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ занимали положеніе, при которомъ антисемиты уже могли говорить о еврейскомъ засиліи. Любопытно, что въ Венгріи до войны и революціи даже не было сколько-нибудь широкой и вліятельной открыто антисемитской партіи и только въ весьма незначительной группѣ, называвшейся католической народной партіей, насчитывавшей всего едва 20 слишкомъ

членовъ въ венгерскомъ парламентѣ, проявлялись опредѣленныя антисемитскія тенденціи. Всѣ же остальныя партіи совершенно игнорировали анти-семитизмъ, какъ политическій лозунгъ, что было особенно интересно въ виду сосѣдства съ Австріей, гдѣ христіанская соціалистическая, т. е. антисемитская, партія, начиная съ 80-хъ г. г. прошлаго вѣка не переставала расти.

Такимъ образомъ въ Венгріи уже не можетъ быть того объясненія участія евреевъ въ большевизмѣ, въ которомъ въ Россіи для многихъ евреевъ исчерпывается весь вопросъ. Мы видимъ тамъ наоборотъ еврейскую массу, вполнѣ полноправную, которая тѣмъ не менѣе взяла на себя въ такихъ огромныхъ размѣрахъ отвѣтственность за большевистскую революцію. Правда, что и тамъ многіе выдвигаютъ въ объясненіе этого явленія то соображеніе, что большевистское движеніе, какъ движеніе по преимуществу городского промышленнаго пролетаріата, не могло не захватить евреевъ, составлявшихъ такую значительную часть бѣдныхъ слоевъ населенія венгерской столицы (евреевъ въ Будапештѣ нѣсколько больше 20%). Это соображеніе до извѣстной степени правильно, но всетаки очевидно, что имъ однимъ вопросъ не исчерпывается.

На нашъ взглядъ объясненіе такого явленія массоваго участія въ революціонномъ движеніи двухъ частей еврейства, въ правовомъ отношеніи находившихся передъ революціей на діаметрально противоположныхъ уровняхъ, какъ въ Венгріи и въ Россіи, слѣдуетъ искать какъ въ характерѣ большевистскаго движенія, такъ и въ специфическихъ особенностяхъ культурнаго уровня еврейскаго народа.

О евреяхъ часто говорятъ, какъ о народѣ древней культуры и именно это еще усиливаетъ недоумѣніе по поводу того, что вѣковыя традиціи этой древней культуры оказались безсильными противъ увлеченія варварскими революціонными лозунгами большевизма. Въ дѣйствительности, однако, власть этой древней культуры надъ евреями уже давно ослабѣла. Въ извѣстномъ смыслѣ о евреяхъ слѣдуетъ уже говорить, какъ о народѣ въ культурномъ отношеніи не только не древнемъ, но, наоборотъ, чрезвычайно молодомъ.

Дѣло въ томъ, что несмотря на его измѣряющуюся тыс-

ячелѣтіями исторію еврейство участвуетъ въ качествѣ активнаго фактора въ различныхъ національныхъ европейскихъ культурахъ лишь весьма недавно, всего едва полтораста лѣтъ. До тѣхъ поръ, т. е. приблизительно до второй половины XVIII вѣка, еврейство дѣйствительно жило своей особой культурой, культурой гетто, ничего общего не имѣвшей съ окружающей жизнью чужихъ имъ народовъ, среди которыхъ евреямъ приходилось существовать. Эта культура крѣпкимъ кольцомъ охватывала всю жизнь еврейскаго населенія, совершенно игнорировала культуру христіанскихъ народовъ, и, какъ всякая самобытная культура, имѣла свои положительныя и отрицательныя свойства. Начиная же со второй половины XVIII вѣка, эта культура очень быстро уступаетъ напору европейскихъ національныхъ культуръ. Это происходитъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, вслѣдствіе уравненія евреевъ Западной Европы въ гражданскихъ правахъ, начавшагося во Франціи во время революціи и выразившагося въ аналогичныхъ актахъ о гражданской эмансипаціи евреевъ во второй половинѣ XVIII в. и первой половинѣ XIX в. и въ другихъ государствахъ Европы. Гражданское равноправіе сдѣлало возможнымъ тѣсное соприкосновеніе еврейскаго и не-еврейскаго міровъ, до тѣхъ поръ бывшихъ совершенно чуждыми и одинаково враждебными другъ другу, и сохраненіе старой еврейской культуры, искусственно консервировавшейся въ атмосферѣ гетто, стало невозможнымъ. Во-вторыхъ — а эта причина находится въ непосредственной связи съ первой — наряду съ этой внѣшней эмансипаціей происходитъ интенсивный процессъ внутренней эмансипаціи еврейства отъ власти традицій устарѣлаго еврейскаго быта и пріобщенія евреевъ къ европейской культурѣ въ ея національныхъ формахъ, который ведетъ свое начало отъ дѣятельности Моисея Мендельсона въ Пруссіи.

Всего, слѣдовательно, какихъ-нибудь полтораста лѣтъ назадъ въ Западной Европѣ, а въ Россіи, гдѣ были сосредоточены гдавныя массы еврейскаго народа, всего какихъ-нибудь 80—90 лѣтъ тому назадъ, въ еврейской средѣ начинается замѣна старой еврейской культуры другими, выработанными европейско-христіанскимъ міромъ, имѣвшими лишь немного общаго съ религіозно-правственными

представленіями, господствовавшими въ стѣнахъ гетто. Какъ всякій историческій процессъ, и такая замѣна одного культурнаго содержанія другимъ, органически съ нимъ едва связаннымъ, задача очень трудная и требуетъ прежде всего много времени. Эта задача въ данномъ случаѣ осложняется еще тѣмъ, что въ лицѣ еврейскаго народа мы имѣемъ очень рѣзко выраженную психологическую индивидуальность, выработавшуюся подъ вліяніемъ историческихъ условій, дѣйствовавшихъ безпрерывно почти два тысячелѣтія. Въ то же время, если живучъ особый психологическій типъ еврея, унаслѣдовавшаго отъ своихъ предковъ, безпрестанно подвергавшихся преслѣдованіямъ, психологію травленнаго волка, то не менѣе живучи и тѣ отрицательныя чувства, которыя вѣками впитали въ себя по отношенію къ евреямъ народы, среди которыхъ они жили.

Такимъ образомъ, процессъ пріобщенія евреевъ къ жизни европейскихъ народовъ, съ которыми ихъ связала судьба, продолжавшійся пока лишь сравнительно очень короткій періодъ, встрѣчаетъ въ то же время безпрестанно упорное сопротивленіе съ обѣихъ сторонъ: со стороны не-евреевъ и самихъ евреевъ. Это сопротивленіе выражается иногда въ видѣ правовыхъ ограниченій. Отъ нихъ «народы-хозяева» въ Россіи и Румыніи отказались уже лишь въ послѣдніе революціонные годы, но и въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ они еще сохранились въ нѣкоторыхъ областяхъ общественной жизни до самаго послѣдняго времени, иногда принимая разныя формы культурной и общественной вражды къ евреямъ. Съ еврейской стороны сближенію противодѣйствуютъ часто еще крѣпкія консервативныя силы стараго еврейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнее сопротивленіе и въ еврействѣ, въ свою очередь, вызываетъ реакцію въ видѣ различныхъ видовъ національнаго еврейскаго движенія. Слѣдствіемъ этихъ осложненій процесса пріобщенія евреевъ къ европейскимъ національнымъ культурамъ, проникновенія ихъ государственно-національными традиціями окружающихъ ихъ народовъ, является то, что лишь весьма незначительныя части еврейскаго народа, находившіяся въ благопріятныхъ для этого условіяхъ, — уже вполнѣ прониклись традиціями того культурнаго міра, съ которымъ ихъ сроднила исторія. Въ громадномъ же

большинствѣ случаевъ еврей, растерявшій свою еврейскую культуру, но не приставшій и къ другой, въ культурномъ отношеніи оказался «Иваномъ, не помнящимъ родства», какимъ то пустымъ мѣстомъ, которое можетъ быть заполнено любымъ культурнымъ содержаніемъ: марксизмомъ, нитцшеанствомъ, ученіемъ Фрейда и т. д., — вообще всякой новинкой интеллектуальной моды.

И по ряду причинъ, уже ясныхъ на основаніи вышесказаннаго, это мѣсто заполняется содержаніемъ преимущественно болѣе или менѣе революціоннаго характера. Разстояніе между евреями и консервативными частями европейскихъ народовъ, твердо отстаивающими традиціонныя начала національно-государственной жизни, остается весьма большимъ даже въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ еврейское равноправіе уже давно въ болѣе или менѣе полной степени осуществлено, ибо какъ разъ эти круги, вѣрные традиціямъ вообще, остаются вѣрными и традиціямъ вражды къ евреямъ. Еще меньше могла быть рѣчь о связи евреевъ съ кругами, бывшими до революціи историческими носителями идеи государства и государственной власти въ Россіи, такъ какъ именно эти круги менѣе всего готовы были допустить евреевъ въ число полноправныхъ гражданъ Россіи. Слѣдовательно, власти революціонной стихіи поддались не только низшіе въ соціальномъ отношеніи слои еврейскаго населенія въ Россіи, которые до революціи испытывали на себѣ тройкій гнетъ: гнетъ государственной власти въ видѣ безправія, гнетъ національный въ видѣ антисемитизма и, наконецъ, гнетъ эксплуатировавшаго ихъ капитала (часто особенно жестокаго потому, что этотъ капиталъ былъ въ свою очередь по преимуществу мелкимъ, и въ силу этого гораздо болѣе безпощаднымъ эксплуататоромъ, чѣмъ капиталъ крупный). Это массы естественно должны были повѣрить проповѣди необходимости полнаго разрушенія стараго и созданія новаго строя на совершенно новыхъ началахъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ трудящихся, и чѣмъ радикальнѣе было революціонное ученіе, чѣмъ рѣшительнѣе оно порывало съ прошлымъ, тѣмъ сильнѣе должно было оно привлекать къ себѣ эти массы пролетаріата еврейской черты осѣдлости. И по всей вѣроятности именно среди выходцевъ изъ этой среды, которая въ

прошломъ могла видѣть одно только зло, слѣдуетъ искать толпы еврейскихъ революціонеровъ, наиболѣе горячихъ и преданныхъ адептовъ революціонной вѣры.

Но не только эти массы, не способныя относиться критически къ содержанію революціоннаго евангелія, должны были поддаться его вліянію. Оно не могло не охватить и значительныхъ кадровъ полуинтеллигенціи и интеллигенціи въ еврейскомъ народѣ. Эта полуинтеллигенція сыграла большую роль въ революціонномъ движеніи и принадлежитъ несомнѣнно къ наиболѣе активнымъ агентамъ совѣтскаго режима. Она опять таки обязана своимъ происхожденіемъ въ Россіи въ значительной степени стѣснительнымъ мѣрамъ, которыя принимались противъ доступа евреевъ въ среднюю и высшую русскую школу. Въ Венгріи эта еврейская полуинтеллигенція также была широко представлена потому, что и общій культурный уровень венгерской интеллигенціи весьма не высокъ. Въ своей классической характеристикѣ якобинца, которая такъ вѣрна и для современнаго революціонера-большевика, Тэнъ говоритъ, что несчастье, когда великія идеи попадаютъ въ маленькую и пустую голову; въ маленькую потому, что она вмѣщаетъ лишь небольшую часть этой идеи, слѣдовательно ее искажаетъ, а въ пустую потому, что эта идея не находитъ въ содержаніи головы никакой критической оцѣнки. Такихъ небольшихъ и пустыхъ головъ и среди обще-русской интеллигенціи и полуинтеллигенціи оказалось не мало. Еще больше было ихъ среди тѣхъ «экстерновъ» всѣхъ ранговъ, изъ которыхъ вербовались круги еврейской интеллигенціи и полуинтеллигенціи, при помощи разныхъ дипломовъ, отъ зубоврачебныхъ до университетскихъ, добывавшихъ себѣ такія привилегіи, какъ безусловное или условное право жительства внѣ черты осѣдлости. Эти элементы еврейскаго народа, утратившіе культурное содержаніе стараго еврейства, въ то же время оставались чуждыми не только русской культурѣ, но и вообще какой бы то ни было культурѣ. Эта духовная пустота, скрывавшаяся подъ лишь поверхностно усвоенной европейской культурой, дѣлала евреевъ, уже въ силу своего преимущественнаго занятія торговлей и промышленностью склонныхъ къ матеріализму, крайне воспріимчивыми къ матеріалистическимъ политическимъ

ученіямъ, наиболѣе выпукло выразившимся въ марксистскомъ соціализмѣ. Эта среда изобиловала не только карьеристами, ухватившимися за небывалыя возможности изображать власть и этой властью злоупотреблять, созданныя революціей, не только жуликами, превратившимися въ комиссаровъ. Такихъ въ совѣтской бюрократіи, конечно, не мало. Но на ряду съ этимъ было и не мало такихъ, которые воспріяли и искренне должны были воспринять революціонную проповѣдь «научнаго» соціализма въ его марксистской формѣ и толкованіи Ленина, такъ приноровленнаго къ настроенію озлобленныхъ массъ, за непреложную истину, въ которой сомнѣваться могутъ только погрязшіе въ своихъ корыстныхъ интересахъ буржуи и ихъ интеллигентные наймиты.

Къ этому присоединяется столь свойственное евреямъ раціоналистическое мышленіе, которое такъ располагаетъ ихъ къ усвоенію доктринъ въ родѣ революціоннаго марксизма. Если первородный грѣхъ всякой революціи заключается въ игнорированіи исторіи, непониманіи безпрерывности и органичности историческаго процесса, то въ большевизмѣ это игнорированіе исторіи достигло размѣровъ столь же огромныхъ, сколь и преступныхъ. Въ попыткѣ насадить коммунистическій строй тамъ, гдѣ, какъ въ Россіи и Венгріи, именно въ силу основныхъ догматовъ современныхъ революцінныхъ ученій для этого строя нельзя было найти никакихъ историческихъ, экономическихъ или культурныхъ предпосылокъ, раціоналистическій элементъ того сложнаго процесса, который называется большевистской революціей, проявился можно сказать съ ясностью маніакальнаго мышленія. И, конечно, не случайно то, что евреи, такъ склонные къ раціоналистическому мышленію, не связанные въ своемъ большинствѣ никакими традиціями съ окружающимъ ихъ міромъ, часто въ этихъ традиціяхъ видѣвшіе не только безполезный, но и вредный для развитія человѣчества хламъ, оказались въ такой духовной близости къ этимъ революціоннымъ идеямъ. Къ парадоксамъ судебъ еврейства несомнѣнно принадлежитъ то, что именно это раціоналистическое направленіе ума, которое явилось одной изъ причинъ выдающагося участія евреевъ въ развитіи капитализма, вмѣстѣ съ тѣмъ предопредѣлило и не менѣе

выдающееся участіе ихъ въ движеніяхъ, направленныхъ какъ разъ къ борьбѣ съ капитализмомъ и капиталистическимъ строемъ. Если правильно, что ограниченія въ правахъ или общественный анти-семитизмъ часто толкаютъ въ ряды лѣвыхъ партій даже такіе слои еврейства, которые по своему соціальному положенію отнюдь не заинтересованы въ ниспроверженіи буржуазнаго строя, а, напротивъ, должны желать его сохраненія, то наряду съ этимъ значительную роль въ этой «лѣвизнѣ» евреевъ слѣдуетъ приписать именно этому раціоналистическому характеру ихъ мышленія и отсутствію у нихъ связи съ традиціями органически развивавшихся культурныхъ народовъ.

* * *

Роковымъ узломъ вопросъ объ участіи евреевъ въ большевизмѣ сплелся съ еврейскими прогромами. Во время гражданской войны избіеніе евреевъ отрядами украинской Директоріи (Петлюры) производилось въ огромныхъ размѣрахъ, затѣмъ хотя, быть-можетъ, въ нѣсколько меньшемъ количествѣ, и частями добровольческой арміи. Поводомъ къ этимъ избіеніямъ, — и ихъ для нѣкоторыхъ слоевъ русскаго населенія оправданіемъ, — было массовое участіе евреевъ въ большевизмѣ въ видѣ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ агентовъ совѣтскаго правительства. Ужасъ, навѣянный на евреевъ этими погромами, по своимъ размѣрамъ значительно превышавшими размѣры погромовъ дореволюціоннаго періода, такъ великъ, что значительная часть евреевъ сознательно или безсознательно либо считаетъ борьбу бѣлыхъ съ красными войной двухъ силъ, для евреевъ одинаково роковыхъ, либо же разсматриваютъ власть большевистскую, несмотря на то, что она разрушила торговлю и промышленность, т. е. основу существованія огромнаго большинства евреевъ, все же меньшимъ зломъ, чѣмъ торжество бѣлаго движенія, совпадающаго въ глазахъ терроризованныхъ еврейскихъ массъ съ режимомъ погрома. Этотъ страхъ еще культивируется правыми элементами русскаго общества, въ особенности въ эмиграціи, неперестающими угрожать евреямъ повтореніемъ этихъ погромовъ въ еще большихъ размѣрахъ, если евреи не перестанутъ поддерживать большевиковъ.

Получается какой то роковой кругъ. Большевики извлекли огромную пользу для себя изъ этихъ погромовъ, эксплуатировали ихъ чрезвычайно умѣло для воздѣйствія на общественное мнѣніе не только въ Россіи, но и заграницей, и подъ вліяніемъ весьма искусной пропаганды, имъ дѣйствительно удалось во многихъ кругахъ не только еврейства, но и странъ европейско-американскаго міра, вызвать представленіе о тождествѣ русскаго монархиста или консерватора съ погромщикомъ. Поставленная передъ дилеммой экономическаго раззоренія большевиками или болѣе или менѣе побальнаго истребленія правыми монархистами, еврейская масса не находитъ выхода и пугливо озирается по сторонамъ. А такъ какъ большевизмъ въ своей новѣйшей стадіи, въ видѣ Нэпа, нѣсколько разжалъ свои коммунистическіе тиски, то при извѣстномъ умѣніи приспосабливаться, въ которомъ евреи достаточно тренировались и при старомъ режимѣ, установленіе болѣе или менѣе сноснаго modus videndi съ совѣтской властью представляется теперь многимъ евреямъ дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ компромиссъ съ правыми, отъ которыхъ можно ждать только безпощадной мести и массоваго истребленія.

Такой выводъ однако очевидно неправиленъ. Какъ ни сбиты теперь многіе съ толку тѣмъ, что большевики держатся у власти вотъ уже болѣе 6 лѣтъ и что ихъ власти конца не предвидится, тѣмъ не менѣе, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что эта власть обреченная, хотя еще никто не въ состояніи сказать, какъ и когда она будетъ ниспровергнута. Коммунистическій опытъ, т. е. идейное содержаніе и въ то же время въ извѣстномъ смыслѣ историческое оправданіе большевистской власти, потерпѣлъ жестокое крушеніе, и Россія переживаетъ въ настоящее время очень явственно періодъ происходящаго разложенія этой власти. Этотъ періодъ можетъ длиться болѣе или менѣе продолжительное время, но удержаться у большевиковъ нѣтъ никакой возможности. Уже въ виду этого, слѣдовательно, ошибочна всякая политическая комбинація, которая считаетъ возможнымъ связывать судьбы еврейскаго населенія въ Россіи съ поддержкой, даже болѣе или менѣе пассивной, совѣтской власти. За такую связь евреи неминуемо должны были бы въ будущемъ жестоко поплатиться, какъ

за попытку въ ложно понятыхъ собственныхъ интересахъ содѣйствовать сохраненію строя, оказавшагося такимъ гибельнымъ для Россіи.

Но важно не только это практическое соображеніе. Можетъ быть, еще большее значеніе имѣетъ то, что въ вопросѣ о погромахъ евреями совершается обобщеніе, можетъ быть вполнѣ понятное, но тѣмъ не менѣе глубоко ошибочное. Въ извѣстномъ смыслѣ часть правыхъ элементовъ въ отношеніи еврейскихъ погромовъ дѣлаетъ ту же ошибку, въ которую впадаютъ нѣкоторыя лѣвыя группы при оцѣнкѣ аграрныхъ безпорядковъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что аграрные безпорядки являются не менѣе жестокими и безнравственными актами, чѣмъ еврейскіе погромы. И тутъ и тамъ жертвами разгула страстей взбудораженной черни сплошь и рядомъ становятся цѣлыя группы населенія, ничѣмъ противъ такъ называемаго народа не согрѣшившія. Тѣмъ не менѣе среди лѣвыхъ группъ существуетъ тенденція разсматривать аграрные безпорядки, какъ въ извѣстномдъ смыслѣ неизбѣжное явленіе, сопровождающее желательную само по себѣ ломку прежняго соціальнаго и политическаго строя, склонность, слѣдовательно, относиться къ творимымъ надъ землевладѣльцами насиліямъ, какъ къ явленію, нравственно, конечно, заслуживающему порицанія, но политически при извѣстныхъ условіяхъ неотвратимому. Точно также разсматриваютъ и нѣкоторые правые элементы погромы еврейскіе, видя въ нихъ средство, какъ для того, чтобы запугать одинъ изъ наиболѣе активныхъ революціонныхъ элементовъ Россіи, такъ и для того, чтобы цементировать еврейской кровью патріотическое движеніе, направить по такому протоpенному пути, какъ вражда къ евреямъ, силы національнаго лагеря въ Россіи. По всей видимости сторонники этого взгляда находились и въ кругахъ, стоящихъ за арміями Деникина и Врангеля.

Но нѣтъ нужды говорить, что далеко не всѣ правые сходятся въ такой оцѣнкѣ еврейскихъ погромовъ. И при старомъ режимѣ было немало представителей весьма консервативныхъ теченій въ Россіи, которые рѣзко возставали противъ погромной политики, ибо они понимали, что погромы не могутъ являться средствомъ созиданія, а могутъ только содѣйствовать разложенію тѣхъ нравственныхъ пред-

ставленій, на которыхъ въ концѣ концовъ держится общество и государство. Такихъ примѣровъ можно привести весьма много и не мало такихъ противниковъ погромовъ въ бѣломъ лагерѣ и теперь. Если, поэтому, въ немъ существуетъ теченіе, вполнѣ сочувствующее погромамъ и даже ихъ привѣтствующее, какъ годное средство борьбы, это отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ элементамъ, поддерживающимъ добровольческія арміи. Бѣлое движеніе было весьма сложнымъ, объединяло въ себѣ теченія, не только не сходныя, но часто совершенно противоположныя, сходившіяся только во враждѣ къ большевикамъ. Скажемъ мимоходомъ, что повидимому эта розношерстность состава бѣлаго движенія въ противоположность гораздо менѣе сложному составу группъ, собравшихся подъ знаменемъ революціонной власти, и была одной изъ причинъ постигшей этой движеніе катастрофы. Но во всякомъ случаѣ можно видѣть только недопустимое искаженіе всего активнаго противобольшевистскаго движенія, — единственнаго не на словахъ, а на дѣлѣ боровшагося съ красной властью —, въ томъ, что всему движенію приписываются взгляды одной изъ его составныхъ частей, — активныхъ погромщиковъ. Это такое же искаженіе какъ то, которое передъ революціей допускалось правыми, когда они все оппозиціонное движеніе отожествляли съ террористическими организаціями, которое ими дѣлается и теперь, когда они весь большевизмъ сводятъ къ евреямъ, склоняя на всѣ лады фамиліи Бронштейна-Троцкаго, Апфельбаума-Зиновьева, Нахамкеса-Стеклова и т. д., и т. д.

Формулируя выводы изъ предыдущаго, мы должны были бы сказать, что для борьбы съ еврейскимъ большевизмомъ требуется пересмотръ образа дѣйствій съ обѣихъ сторонъ. Съ русской стороны евреямъ часто говорятъ: евреи должны перестать быть большевиками или поддерживать большевиковъ, иначе они погибнутъ при погромахъ. Такой упрощенный рецептъ очевидно лишенъ всякаго смысла. Евреи, противники большевиковъ, такъ же мало въ состояніи оказать воздѣйствіе на своихъ большевистскихъ соплеменниковъ, какъ русскіе противники большевиковъ на своихъ. Подобныя наставленія граничатъ съ издѣвательствомъ, и уже слишкомъ напоминаютъ по своей прямолинейности со-

отвѣтствующіе совѣты министровъ и губернаторовъ стараго режима евреямъ передъ революціей воздѣйствовать на своихъ единовѣрцевъ, причемъ эти сановники не давали себѣ труда объяснить, какъ же это всетаки сдѣлать. Такіе рецепты могутъ преподносить лишь тѣ, которые принимаютъ въ серьезъ галиматью о существованіи таинственныхъ сіонскихъ мудрецовъ, распредѣляющихъ между евреями роли, которыя они должны исполнять среди окружающихъ народовъ.

Вмѣсто такихъ рецептовъ русскіе должны сознать лежащую на нихъ долю вины, понять роковое значеніе еврейскаго безправія и еврейскихъ погромовъ въ прошломъ и твердо усвоить невозможность созданія правоваго строя средствами, заимствованными изъ того же погромнаго арсенала. Требованіе отъ евреевъ, чтобы они себя отмежевали отъ большевиковъ, можетъ быть справедливымъ и имѣть смыслъ лишь постольку, поскольку русскіе правые элементы себя въ такой же мѣрѣ отмежевываютъ отъ погромщиковъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ и евреи должны перестать сваливать въ одну кучу «погромщиковъ» всѣ политическія теченія, которыя принято относить къ правому лагерю. Пора понять, что евреи, какъ опредѣленный коллективъ, не заинтересованы въ томъ или иномъ политическомъ строѣ, и что антисемитизмъ можетъ процвѣтать въ республикахъ, какъ мы это видим теперь, напр., въ Польшѣ, какъ и въ монархіяхъ. Евреи вовсе не должны стать монархистами, если желаютъ быть республиканцами, нѣтъ народа, который цѣликомъ умѣстился бы въ предѣлахъ одной партіи, но имъ пора научиться различать отдѣльныя теченія въ правомъ лагерѣ и усвоить азбучную истину, что при извѣстныхъ условіяхъ еврейское равноправіе и отсутствіе погромовъ могутъ быть и при монархическомъ строѣ гарантированы такъ же, если не больше, нежели въ республиканскомъ. Евреи и при старомъ режимѣ и въ псевдо-конституціонный періодъ 1906—1917 г. г. причинли себѣ огромный вредъ тѣмъ, что связали свою судьбу съ судьбой опредѣленныхъ лѣвыхъ партій. Отъ этой тактики необходимо отказаться, какъ это ни трудно сдѣлать въ крайне тяжелыхъ условіяхъ переживаемаго нами мо-

мента. Евреямъ должно стать ясно, что погромы были лишь однимъ изъ роковыхъ привходящихъ элементовъ бѣлаго движенія, но что совершенно нелѣпо сводить все это движеніе къ погромамъ, и евреями изъ этого должны быть сдѣланы надлежащіе выводы.

Этимъ, однако, не исчерпывается проблема, передъ которой оказались евреи. Если правильно то, что мы раньше говорили о безпочвенности еврейства, повисшаго въ воздухѣ между старой еврейской культурой, отъ которой оно отошло, и европейско-христіанской въ ея національныхъ формахъ, къ которой оно не пристало, то очевидно евреи стоятъ передъ задачей обрѣсть культурную почву подъ ногами. Массы еврейскихъ большевиковъ, съ одной стороны, и еврейскихъ нэпмановъ, съ другой, являются достаточно грознымъ указаніемъ на глубину культурнаго разложенія еврейства. И если и въ русскомъ народѣ радикальное исцѣленіе отъ большевизма ожидается отъ возстановленія религіозно-нравственныхъ началъ національной и государственной жизни, то и еврейская мысль должна работать въ томъ же направленіи. При этомъ, несомнѣнно, задача еврейства значительно труднѣе. Можно вообще сомнѣваться, въ состояніи ли тѣ историческія формы, въ которыя теперъ облечена религіозная жизнь народовъ цивилизованнаго міра, настолько приноровиться къ содержанію современной культуры, чтобы съ успѣхомъ бороться съ нигилистическо-матеріалистическимъ духомъ. Можетъ быть, еще менѣе способна къ этому еврейская религія въ томъ видѣ, который ей придала исторія. Едва ли можно сомнѣваться также и въ несостоятельности попытки еврейскаго національнаго возрожденія въ видѣ сіонизма, несмотря на огромный успѣхъ этого движенія въ настоящее время въ различныхъ кругахъ еврейскаго народа. Процессъ религіозно-національнаго оздоровленія еврейства, слѣдовательно, сопряженъ съ еще неизмѣримс большими трудностями, чѣмъ у народа русскаго. Но сложность проблемы еще не равносильна ея неразрѣшимости.

И. О. Левинъ.

Д. О. ЛИНСКІЙ

О національномъ самосознаніи русскаго еврея

Нѣтъ объективнаго мѣрила человѣческихъ страданій, отсутствуютъ масштабы человѣческаго горя и потому, конечно, нельзя съ претензіей на точность утверждать, что та или другая національная группа, имѣющая счастье быть частью народонаселенія Россіи, испытала въ эти крестные годы больше или меньше мукъ. Имѣются, однако, въ составѣ общерусскихъ страдальцевъ отдѣльные элементы, переживанія которыхъ могутъ по совѣсти почитаться, какъ стандартъ безмѣрнаго горя людского. Это тѣ слои еврейскаго населенія, которые, сознавая свою принадлежность къ еврейскому народу, одновременно съ той же интенсивностью сознаютъ себя русскими людьми. Въ нихъ пересѣкаются трагическія судьбы двухъ трагедіей насыщенныхъ народовъ, и положеніе ихъ усугубляется тѣмъ, что они не благословлены слѣпотой, которая помогла бы имъ не видѣть оскорбляющія ихъ сознаніе черты того, что имъ безконечно дорого, того, частью котораго они сами являются, органической частью, кровью спаянной долей. «Русскій еврей» можетъ быть механическимъ объединеніемъ двухъ понятій съ удареніемъ на томъ или другомъ изъ обоихъ; тогда мы имѣемъ передъ собой потокъ сознанія, въ фокусѣ котораго расположено самосознаніе еврея или самосознаніе русскаго и характеристика «русскій» въ первомъ случаѣ или «еврей» во второмъ имѣетъ въ полномъ смыслѣ значеніе акцидента, почти не затрагивающаго основного фокуса. Въ этой двоякой формѣ проявленія сознанія механичность объединенія создаетъ значительныя облегченія носителю этого сознанія: одно изъ руслъ, по которому движется потокъ сознанія, изсыхаетъ, почему человѣкъ чувствуетъ себя только евреемъ или только русскимъ, сообразно съ чѣмъ и упрощается его позиція на полѣ трагическаго опыта Россіи и единообразно построяются схемы его реакцій на происходящее. Но это упрощеніе и единообразіе являются логически-психологическимъ слѣдствіемъ механизаціи того, гдѣ на самомъ дѣлѣ господствуютъ сложныя связи органически

сросшагося въ единство цѣлаго. Если душевные процессы разварачиваются въ такой душевной средѣ, гдѣ нѣтъ отношеній іерархическаго подчиненія въ составѣ понятія «русскій еврей», гдѣ мѣсто главной субстанціи и подчиненнаго акцидента заступаэтъ субстанціонное равенство обоихъ вростающихъ другъ въ друга элементовъ единаго понятія, преобразующагося не формально лишь, а и спеціально въ «русскій-еврей», то получается болѣе соотвѣтствующая объективной дѣйствительности компликація состояній, переживаніе которыхъ не легко дается носителю таковыхъ. На данныхъ строкахъ мы бы хотѣли остановиться на содержаніи сознанія психологическаго субъекта русскій-еврей, не претендуя на систематическое и исчерпывающее обсужденіе этого сложнаго явленія, а лишь въ стремленіи правдиво вникнуть въ него на основѣ личаго душевнаго опыта.

Самая кристаллизація сознанія въ формѣ самосознанія «русскій-еврей» совершается путемъ преодолѣнія трудностей двухъ категорій, каждая изъ которыхъ въ случаѣ непреодолѣнія ихъ создаетъ основанія для возникновенія механическаго содержанія сознанія по формулѣ «русскій-еврей». Огромное, почти госуподствующее число еврейскаго населенія въ Россіи, искусственно наталкивалось на культивированіе своей національной особенности. Лишеніе ряда правъ, въ особенности въ той области, гдѣ только и можетъ происходить усвоеніе русской культуры: невозможность полученія свободнаго образованія, наряду съ искусственной скученностью еврейскаго населенія въ районахъ, пріобрѣтавшихъ гомогенную окраску еврейскихъ районовъ черты осѣдлости — основная группа факторовъ, формулирующихъ въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ сознаніе того, что принаддежность къ еврейскому племени придаетъ человѣку какую-то специфическую позицію въ общероссійской средѣ. Это сознаніе можетъ принимать одновременно и дополнительные оттѣнки, можетъ ощущаться и какъ гордое сознаніе того, что «мы — народъ избранный и значитъ лучше насъ окружающей среды» и какъ ущемленное сознаніе того, что «мы народъ отверженный и значитъ хуже другихъ насъ окружающихъ», но въ томъ, либо иномъ дополнительномъ оттѣнкѣ не блекнетъ общій тонъ специфичности

состоянія еврея въ общерусской средѣ. Въ подобныхъ условіяхъ еще за долго до того, какъ человѣкъ начинаетъ сознательно разбираться въ сущности происходящихъ вокругъ него явленій, въ душѣ еврейскаго ребенка создается искусственное предрасположеніе въ пользу того, что основное въ его личной жизни предопредѣляется въ его состояніи, какъ еврея, что опредѣлительное слово русскій примѣнительно къ этому его основному имѣетъ второстепенное значеніе, чуть ли не просто географической характеристики.

Съ другой стороны, усвоеніе русской культуры тѣми немногими, которые, преодолѣвъ всѣ преграды, попадали въ русскій университетъ, часто приводило и къ тому, что связь между этими культурными русскими евреями и общей массой русскаго еврейства почти угасала. Какъ это ни можетъ показаться стренымъ, уходъ евреевъ изъ еврейства, даже евреевъ такого психологическаго типа, которые растеряли уже всѣ элементы связи съ собственнымъ народомъ и оставались евреями только номинально и по паспорту, задерживался въ значительной степени этическими соображеніями невозможности покинуть своихъ бѣдствующихъ соплеменниковъ. «Русскіе Моисеева закона», для которыхъ уже законы Моисея перестали представлять цѣнность положительнаго содержанія, оставались евреями потому, что уходъ имѣлъ бы неблагородный привкусъ отодвиганія себя отъ голодающей массы несчастной бѣдноты, скученной въ чертѣ осѣдлости, означалъ бы недостойное уклоненіе отъ суровой эпидеміи, уносившей жертвы лишь изъ еврейскихъ кварталовъ, эпидеміи еврейскихъ погромовъ.

Въ составѣ русскаго еврейства создавались смѣшанные плоды: здѣсь были и элементы, придерживавшіеся крѣпко за еврейство вслѣдствіе невозможности уйти изъ него, благодаря принудительному отторженію отъ русской культуры, были и элементы, слившіеся съ русскимъ народомъ въ единствѣ русской культуры, не отходящіе отъ еврейства, вслѣдствіе невозможности уйти отъ бѣдствующихъ своихъ, поддерживающихъ свою національную связь на основѣ «погромнаго единства». Если для первой категоріи русскихъ евреевъ центръ тяжести лежалъ въ ихъ еврействѣ и случайнымъ являлось то, что они были русскими, то для второй категоріи уже элементъ несущественнаго коренился

въ ихъ еврействѣ. Совокупность правовыхъ и бытовыхъ условій создавала своеобразную протекціонную систему еврейскому населенію въ дѣлѣ сохраненія формальнаго національнаго единства еврейства въ Россіи, препятствуя тому, чтобы въ составѣ послѣдняго происходили естественные процессы динамической дифференціаціи, въ результатѣ которой внутри еврейскаго населенія оставались бы дѣйствительные евреи, т. е. евреи, чувствующіе свою національную связь съ еврействомъ на основѣ положительнаго содержанія національнаго самосознанія, а не на основѣ посторонниxъ соображеній, и отходили бы тѣ отмиравшіе элементы, которые становились по существу неевреями. Измѣненіе правовой и бытовой коньюнктуры было единственнымъ условіемъ того, чтобы въ еврейскомъ населеніи происходило формированіе по формулѣ русскій-еврей, гдѣ создавалась бы равноцѣнность содержанія обоихъ членовъ этой двуединной формулы, гдѣ свободно и сознательно крѣпло бы ощущеніе неразрывности культурно-исторической связи съ роднымъ по крови и совершившейся исторіи народомъ и съ роднымъ по совмѣстной жизни и совершающейся исторіи народомъ. Сліянность русско-еврейскаго самосознанія представляетъ объективно существенныя выгоды и для еврейскаго народа, и для русской культуры. Раціоналистическое по существу своему міровоззреніе евреевъ, пропитанное эмоціонально-ирраціональными ключами русской культуры, приводило бы къ оригинальному культурному образованію, творческія силы котораго направлены были бы на обѣ равно цѣнимыя культуры: энергія русскаго-еврея необходимо направлялась бы на развитіе и общенаціональной-русской и частнонаціональной-еврейской культуры.

Смягченіе національнаго гнета, испытывавшееся въ послѣдніе годы, незадолго до того, какъ Россія вступила въ трагическую полосу своей исторіи, создавало въ душахъ всѣхъ русскихъ-евреевъ надежду на то, что постепенно самосознаніе русскаго еврейства пойдетъ по пути заполненія этого сознанія творческимъ содержаніемъ примиренія еврейскаго и русскаго аспектовъ въ синтезѣ высшаго единства. Уже тяжелые годы войны и въ особенности подлые годы революціи погасили эти ростки надеждъ, пробившіеся на исключительно-благопріятной почвѣ того послѣдняго

культурно-національнаго подъема, который характеризуетъ послѣднюю эпоху предвоенной Россіи. Сейчасъ объ этомъ примиреніи труднѣе мечтать, чѣмъ когда бы то ни было, и потому умъ и сердце людей, которымъ дороги и культура родной Россіи и муки и страданія русскаго и еврейскаго народовъ, неумолчно бьются надъ выясненіемъ того, какъ умалить активно проявляющееся сейчасъ русско-еврейское отталкиваніе. Мы хотѣли бы въ послѣдующемъ объективно прослѣдить въ чемъ основанія того, что для огромнаго большинства русскаго населенія идея о преданности русскаго еврея Россіи, какъ своеобразнаго образованія русской національно-культурной стихіи, вызываетъ лишь скептическую (а можетъ быть и презрительную) улыбку, въ большихъ же массахъ еврейскаго народа расцѣнивается, какъ ренегатство, какъ преданіе интересовъ русскаго еврейства на потокъ и разграбленіе русской черни. Революція оказалась губительной силой для русскаго еврейства, гражданская война, можетъ быть, невозстановимо расшатала самые корни жизни и быта русскаго еврейства.

Что революція подорвала матеріальныя основы существованія русскаго еврейскаго населенія Россіи, объ этомъ едва ли можетъ сомнѣваться тотъ, кто сознаетъ, что осуществленіе соціализма въ Россіи, убивъ индустрію и торговлю и заморивъ городскую жизнь, прежде всего выбило почву подъ ногами того слоя русскаго населенія, кто, какъ евреи, живутъ исключительно городомъ. Если значительные слои еврейства съ восторгомъ, непростительнымъ для народа тысячелѣтней исторіи разочарованій, приняли революцію, видя въ ней яркое пламя, равно освѣщающее всѣ народы Россіи, то они обнаружили поразительную слабость воображенія, не усмотрѣвъ, что объ это яркое пламя обожжется много гражданъ Россіи, но подожжены будутъ самые корни городского населенія, т. е. еврейскаго народа цѣликомъ. Силу своего восторга еврейское населеніе помѣстило въ jus nudum, въ пустое мѣсто: еврейское равноправіе оказалось исторически совпадающимъ съ уравненіемъ въ безправіи всего населенія Россіи, въ безправіи, сравнительно съ которымъ неполноправіе еврейскаго населенія до революціоннаго періода представляется недостижимымъ идеаломъ summumjus. Революція подкупила еврейство сло-

вомъ, пустымъ человѣческимъ словомъ, степень безсодержательности котораго можетъ быть понята лишь людьми-современниками лжи и пустоты словъ революціи. Какъ много разъ въ теченіе революціи эмпирическій фактъ принесенъ былъ съ ребяческимъ легкомысліемъ въ жертву идеологическому предразсудку: трезвый еврейскій народъ опьянѣлъ отъ революціонной фразеологіи и еще то того, какъ опредѣлилось содержаніе тѣхъ правъ, въ которыхъ онъ уравнивался съ остальнымъ населеніемъ Россіи, онъ въ кредитъ вѣрилъ русской революціи. Это имѣло для него въ дальнѣйшемъ непоправимыя бѣдственныя послѣдствія. И прежде всего то идеологическое послѣдствіе, что широкіе слои и русскаго населенія тоже безъ всякихъ эмпирическихъ основаній признали, что ради словеснаго равноправія еврейство — «за революцію», что реальное уничтоженіе основъ жизни и существованія еврейство считаетъ не слишкомъ высокой цѣной за равенство въ безправіи.

Какія практическія послѣдствія должна была имѣть эта побѣда безсодержательнаго слова надъ содержательнымъ фактомъ? Прежде всего ею предопредѣлилось до извѣстной степени отношеніе революціонныхъ и противореволюціонныхъ силъ къ еврейству въ цѣломъ. При томъ замѣчательномъ свойствѣ революціи отравлять всѣ истоки человѣческаго сознанія, нужно ли удивляться, что и интеллектуальные центры поражаются и что вмѣсто логическаго анализа люди пользуются готовыми штампами, мѣсто продуманныхъ понятій заступаютъ выдуманныя схемы. Революціонный штампъ въ отношеніи къ оцѣнкѣ еврейства и революціи принялъ очертанія апріорнаго исключенія еврейства изъ контръ-революціонныхъ силъ. Когда революція достигла кульминаціонныхъ вершинъ своей аморальности и человѣкъ дѣлался отвѣтственнымъ не за личное поведеніе, а за принадлежность къ опредѣленной соціальной группировкѣ, еврейское населеніе гибло въ революціонныхъ застѣнкахъ по обвиненію въ буржуазности, спекуляціи, саботажѣ и прочихъ смертныхъ (увы! буквально) грѣхахъ чекистской инквизиціи, но обвиненіе въ контръ-революціи въ меньшей степени предъявлялось евреямъ, апріори признаннымъ не страдающими въ массѣ этимъ порокомъ. Здѣсь сужденіе по внѣшнимъ критеріямъ облегчалось и тѣмъ внѣшнимъ же фак-

томъ, что революція стремилась физически уничтожить всѣхъ потенціальныхъ противниковъ и съ момента возникновенія очаговъ противодѣйствія революція обрекаетъ на гибель офицерство, какъ таковое. Такъ какъ еврейство по условіямъ своего правового положенія не могло имѣть офицерскихъ элементовъ, то уже это объективное отсутствіе евреевъ-офицеровъ должно было уменьшать количество лицъ еврейскаго происхожденія, преслѣдуемыхъ за контръ-революцію. Такимъ образомъ, преслѣдованіе еврейства за контръ-революцію должно было быть незначительнымъ вслѣдствіе шаблона, прилагаемаго революціей къ еврейству: не контръ-революціонная часть населенія Россіи, какъ подкупленная равноправіемъ, и какъ лишенная офицерскаго состава. И такова тупость мысли революціоннаго періода, что она не склоняется даже передъ фактическими опроверженіями схематическихъ шаблоновъ: убійство петербургскаго палача Урицкаго юношей-евреемъ, Л. А. Каннегиссеромъ, пули, всаженныя въ Ленина женщиной-еврейкой, Д. Капланъ, могли бы обратить вниманіе на эмпирическое опроверженіе революціоннаго предразсудка.

Этотъ же революціонный штампъ накладываютъ на еврейство въ цѣломъ и силы противо революціи направленныя: тѣ же исходныя посылки, тѣ же конечные выводы. Революція дала еврейству равноправіе, ergo еврейство за революцію. Вотъ общность революціонной и контръ-революціонной предпосылки въ отношеніи къ еврейству, какъ цѣлому, и если революція въ общемъ поставила еврейство внѣ подозрѣнія въ контръ-революціи, то контръ-революція заподозрила все еврейство въ цѣломъ въ революціонности. При этомъ шаблонъ революціи укрѣплялъ шаблонъ контръ-революціи: тотъ фактъ, что еврейство въ малой мѣрѣ преслѣдуется большевизмомъ по обвиненію въ контръ-революціонности, использованъ борющимися съ революціей элементами, какъ доказательство революціонности еврейства въ цѣломъ. И какъ фактъ отсутствія евреевъ, состоящихъ въ офицерскомъ званіи, спасъ множество еврейскихъ юношей отъ смертельной опасности революціонныхъ расправъ, такъ фактъ пребыванія еврея въ красной арміи приводитъ къ разстрѣлу взятыхъ въ плѣнъ евреевъ-красноармейцевъ. Тамъ, гдѣ взятаго въ плѣнъ красноармейца — не-еврея

можетъ спасти доказательство состоянія въ красной арміи по принудительной мобилизаціи, для еврея-красноармейца существуетъ суровая власть схемы. Фактъ офицерства губителенъ, какъ тождество съ контръ-революціей; фактъ красноармейства губителенъ, какъ тождество съ революціей. — Отсутствіе евреевъ-офицеровъ отводитъ смерть отъ головъ множества юношей со стороны революціи, а присутствіе евреевъ-красноармейцевъ обрекаетъ на смерть множество юношей со стороны контръ-революціи. Ни революція, ни контръ-революція не хочетъ примѣнить къ евреямъ такой простой, такой понятной человѣческой милости: судить по личной винѣ, признавая личную отвѣтственность.

Въ этомъ отношеніи гражданская война оказалась для еврейства нестерпимой мукой, укрѣпившей еврейство на неправильныхъ революціонныхъ позиціяхъ. Идеологическій предразсудокъ о революціонномъ дарѣ равноправія скоро началъ вывѣтриваться, когда жизнь вскрыла внутреннее содержаніе этого лживаго, манящаго внѣшнимъ обозначеніемъ слова. Еврейскій народъ неизбѣжно долженъ былъ вложиться въ борьбу съ революціей, такъ какъ подобная была уже для него тождественна съ борьбой за самое существованіе. Но тутъ выступаетъ роковая позиція шаблона: то, что идетъ подъ знакомъ борьбы съ революціей, одновременно есть сила, апріори обрекающая еврейство, если не прямо на физическое уничтоженіе, то на наказаніе за революціонность. Большевизмъ, какъ сила, подрывающая самые источники жизни еврейскаго народа, но внѣшне выступающій равноправно уничтожающимъ всякую національность, и противобольшевистское движеніе, какъ сила, возрождающая истоки жизни еврейскаго народа, но внѣшне выступающее съ вотумомъ недовѣрія къ еврейскому народу въ цѣломъ. Конечно, по существу здѣсь не могло и не можетъ быть выбора: побѣда большевизма черезъ страданія ведетъ къ окончательной гибели, побѣда противныхъ большевизму силъ черезъ страданія ведетъ къ возрожденію всей страны и въ томъ числѣ еврейскаго народа. Черезъ временное страданіе къ исцѣленію или черезъ постоянное страданіе къ постоянству страданія, казалась бы нѣтъ мѣста колебаніямъ. Тѣмъ болѣе, что временность страданія сокращается по мѣрѣ того, какъ возстанавливается государствен-

ность, а кто стремится къ спасенію еврейскаго народа, тотъ долженъ всѣ свои силы и помыслы направить на укрѣпленіе русской государственности.

Если бы въ предсествуюшемъ самосознаніе русскаго еврейства приняло очертаніе слитности русскаго и еврейскаго элементовъ въ еврейской душѣ, выборъ былъ бы произведенъ въ пользу бѣлыхъ армій и еврейство должно было вложиться цѣликомъ въ русское дѣло, отдатъ ему свои жизни и средства, свой трудъ, способности и упорство. Этого оно не сдѣлало и то, что оно не распознало за внѣшней или скажемъ иначе нарочитой враждебностью бѣлаго движенія настоящаго спасительнаго существа бѣлыхъ армій — тяжелая ошибка и грѣхъ, за которые уже многимъ платится русское еврейство, за которые, къ несчастью, можетъ быть, придется еще платиться.

Правда, надо было имѣть большія внутреннія силы, чтобъ преодолѣть сопротивленіе бѣлыхъ армій противъ всего несущаго на себѣ слѣды еврейства. Надо было имѣть крѣпкую вѣру въ Россію, понимать и чувствовать, что возрожденіе Россіи не можетъ возводиться на насиліи и человѣконенавистничествѣ, надо было сквозь темные пятна бѣлыхъ ризъ узрѣть чистую душу бѣлаго движенія. Лишь безучастные и невѣрующіе могли успокаиваться на томъ, что грязныя пятна замѣнили бѣлый покровъ и потому спокойно отойти отъ бѣлаго движенія, умывъ руки. Въ эти дни, кто отходилъ, тотъ шелъ противъ, здѣсь не было мѣста раззратно-революціонному «поскольку постольку», пошлость условнаго признанія преобразовалась въ преступленіе передъ лицомъ собственной крови, щедро и безусловно отдаваемой во имя великаго идеала отчизны. Еврейство должно было биться за бѣлое дѣло, какъ за дѣло спасенія самого еврейскаго народа, ибо и въ самомъ дѣлѣ только въ возстановленіи и въ срочномъ спасеніи русской государственности найдетъ спасеніе еврейство отъ той гибели, которая никогда такъ близко къ нему не подходила, какъ въ наши годы. А передъ этой великой цѣлью даже подлинная національная обида, даже тяжелыя національныя оскорбленія при всей ихъ безотносительной тяжести, не могли выдерживать сравненія съ абсолютнымъ достоинствомъ великой цѣли. Каждый мыслящій дѣятель долженъ

въ трагическіе часы восчувствовать ликъ судьбы, долженъ, преодолѣвая всѣ личныя тягости, думать о томъ, что въ такіе часы строится на долго жизнь народовъ. Кто не улавливаетъ этого лика, тотъ предаетъ свой народъ, и никакія оправданія не спасутъ его отъ суровой оцѣнки высшей правды, которая броситъ страшный упрекъ въ позорной слѣпотѣ: ты могъ спасти родной народъ, ты предпочелъ обидѣться, что тебя не уважали и оскорбляли тѣ, рядомъ съ которыми ты долженъ былъ въ смертномъ бою завоевать счастье своего народа.

Тѣ, которые предпочитаютъ сейчасъ кукситься на добровольцевъ за то, что они погромщики и антисемиты, играютъ плохую игру. Они не понимаютъ или не желаютъ понять, что погромы и антисемитизмъ не могли бы проявиться, еслибы еврейство было достаточно сильно представлено въ арміи и достаточно связано съ ней. Въ рядахъ той арміи, гдѣ было бы много еврейскихъ юношей, въ составѣ той арміи, которая бы опиралась на широкую матеріальную поддержку еврейства, антисемитизмъ задохнулся бы, и погромное движеніе встрѣтило бы внутреннія силы противодѣйствія. Еврейство должно было поддержать русскую армію, которая шла на безсмертный подвигъ борьбы за русскую землю на русской землѣ съ предавшими русскую землю русскими людьми. Еврейству открывался можетъ быть неповторяемый случай биться такъ за русскую землю, чтобы разъ на всегда исчезло изъ устъ клеветниковъ утвержденіе, что Россія — для евреевъ географія, а не отчизна. Это вѣдь поняли своимъ менѣе развитымъ сознаніемъ болѣе примитивные калмыки Донской области и Ставропольской губерніи. Понять это помѣшало болѣе развитому еврейству роковое обостреніе еврейскаго національнаго самосознанія, результатъ той несліянности съ русской національной идеей, усвоить которую мѣшали и политика русской власти и поведеніе руководящихъ органовъ въ противобольшевистской арміи. Еврейство отстраняли отъ подвига участія въ русскомъ дѣлѣ, но еврейство обязано было отстранить отстраняющихъ и добиться своего права проливать кровь за отечество, несмотря на противодѣйствіе монополистовъ спасенія общей и русскимъ и евреямъ родины.

Если намъ съ возмушеніемъ бросятъ изъ еврейскаго лагеря упрекъ, понимаемъ ли мы, каковы трудности, взваливаемыя на плечи евреямъ, мы имъ отвѣтимъ, что знаемъ не только на основѣ теоретическихъ и умозрительныхъ разсужденій, знаемъ на основѣ мучительнаго опыта соучастія въ бѣломъ движеніи. При всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ и мрачныхъ сторонахъ, которыя обнаружились въ бѣломъ движеніи, мы съ благоговѣніемъ и восторгомъ преклоняемъ непокрытыя головы передъ этимъ единственнымъ достойнымъ уваженія фактомъ борьбы съ позоромъ русской исторіи, условно называемымъ внѣшне благочиннымъ словомъ русская революція. Тѣ величайшія вершины человѣческаго духа, которыя обнаружила бѣлая Россія, останутся вѣчнымъ памятникомъ несокрушимой силы подлинной свободы человѣческаго духа. Тѣ наивные глупцы, хотя бы они и были признанными политиками и великими историками, никогда не поймутъ, что бѣлое движеніе не побѣждено, потому что оно не побѣдило. Они подходятъ со скользящимъ по поверхности зондомъ и не могутъ потому затронуть той сокровенной глубины, которая является душой этого великаго движенія за немеркнущія цѣнности человѣческаго духа. Fr. v. Wiesen гдѣ то говорилъ, что стремленіе къ барышу не можетъ быть признано достаточнымъ мотивомъ дѣятельности людей, отправляющихся въ тяжелую экспедицію для изслѣдованія новыхъ земель. И, конечно, не преходящія матеріальныя выгоды являются ключемъ той великой энергіи духа, которая направляла русскую молодежь въ ряды великихъ бѣлыхъ воиновъ, обреченныхъ на мучительную смерть, обреченныхъ на еще болѣе мучительную жизнь — борьбу, жизнь — уничтоженіе родныхъ по крови, вѣрѣ, культурѣ и землѣ. Навѣки незабвенный лѣсъ деревянныхъ крестовъ и безкрестныхъ могилъ покрылъ останки физическихъ носителей высшаго проявленія человѣческаго духа. И мы съ гордостью несемъ великое званіе бѣлаго, ибо это дѣйствительно единственно чистая и бѣлая сила въ грязномъ потокѣ, залившемъ страну, въ смерчѣ человѣческаго упадка, завертѣвшемся надъ нашей родиной. Эта внѣшне побѣжденная бѣлая армія еще не сказала своего послѣдняго слова, еще не выполнила своего окончательнаго высокаго дѣла. Поэтому мы и пишемъ эти строки, что мы

считаемъ необходимымъ внѣдрить въ сознаніе единоплеменниковъ, что бѣлое движеніе еще возродится, ибо гдѣ возобновится борьба за Россію, за торжество русской правды и русской культуры, тамъ душа движенія будетъ бѣлой, чистой, какъ чиста священная задача возрожденія родины. Необходимо, чтобы еврейство вновь не сдѣлало роковой ошибки, чтобы не отдано было предпочтеніе внѣшне меньшему злу, по существу же злу абсолютному и извѣчному, чтобы выбрано было то, что въ ядрѣ своемъ органически добро, хотя бы оно и обрастало не добрыми силами.

Еврейство должно пойти правымъ путемъ, соотвѣтствующимъ великой мудрости его религіозныхъ завѣтовъ, ведущимъ къ братскому примиренію съ русскимъ народомъ, внѣ счастья и благополучія котораго нѣтъ жизни еврейскому множеству, русскому еврейству. Это не только путь мудрости, ведущій къ конечному торжеству еврейства, но и путь жертвеннаго подвига. Трагизмъ еврейской позиціи въ дѣлѣ возрожденія Россіи въ томъ, что подвигъ евреевъ вѣроятно не будетъ приниматься господствующими слоями русскаго населенія, что еврейская жертва будетъ отвергаться отравленнымъ міазмами революціи русскимъ сознаніемъ. Но евреи должны идти этимъ мудрымъ, правымъ, жертвеннымъ путемъ, ибо они будутъ строить вѣковое зданіе русскаго дома и еврейскаго жилища и враждебность современниковъ, исторически преходящая, временная обида, не можетъ, не должна заслонять вѣковой правды. Мы зовемъ на этотъ путь съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности за бремена, взваливаемыя на еврейство, исходя изъ непоколебимаго убѣжденія, что это приведетъ къ наименьшей совокупности жертвъ и страданій для народа, исторія котораго — неутихающее страданіе. Ничто не создаетъ такого внутренняго права евреевъ на званіе русскихъ, ничто не приведетъ къ такой духовной интимной скрѣпѣ еврейства съ Россіей, какъ то, что въ фундаментѣ возстановленной Россіи будутъ лежать и еврейскіе трупы, что и собственной кровью окропитъ еврейство вновь построенное священное зданіе отечества. Революція поставила передъ творческими элементами Россіи чудовищно тяжкую задачу новаго построенія Россіи, новаго завоеванія Россіи. Еврейство должно пропитать каждаго еврея насыщеннымъ растворомъ

сознанія, что онъ русскій еврей, что въ пирамидѣ россійской, складываемой на-ново русскимъ народомъ, имѣются еврейскіе пласты, что на томъ великомъ кладбищѣ, которое потребуетъ возведеніе россійской громады, лежатъ еврейскія кости. Тогда въ собственномъ сознаніи еврейства укрѣпится значеніе еврейства, какъ русской культурной силы, тогда въ русскомъ сознаніи ослабнетъ представленіе о еврействѣ, какъ о нейтральной и даже враждебной русской культурѣ силѣ, и очистится отравленный міазмами воинствующаго антисемитизма воздухъ Россіи.

Это единственный путь русскаго еврейства, путь тернистый; горя и обидъ на этомъ пути мы наберемся вдосталь, но онъ же путь чести и правды и ведетъ къ конечному торжеству. Нѣтъ другой дороги для русскаго еврея, т. е. для еврея, кто вѣритъ и высшимъ знаніемъ просвѣщенъ о томъ, что Россія будетъ, Россія — Петра I и Достоевскаго, не безликая соціалистической сѣростью, безбрежная плоскость, не обезличенное атеистической пошлостью величайшее людское стадо, а Россія, несущая во всѣхъ порахъ своего бытія, проявляющая во всякомъ своемъ жизненномъ обнаруженіи, свое національно-культурно-религіозное существо. Только въ этой Россіи можетъ быть и существовать еврейство, къ ней то должно готовиться, ее оно должно готовить. Чѣмъ больше оно будетъ пропитываться этимъ сознаніемъ и дѣйствовать въ этомъ сознаніи, тѣмъ больше мѣста ему будетъ въ Россіи, тѣмъ интимнѣй и органичнѣй произойдетъ русско-еврейская смычка, тѣмъ ничтожнѣй будетъ сила взаимнаго отталкиванія и наоборотъ, если не укрѣпится это сознаніе, если не имъ будетъ направляться воля еврейскаго народа, то не создадутся условія человѣческихъ взаимоотношеній, не будетъ внутренне мѣста для евреевъ въ Россіи, въ великихъ русскихъ просторахъ будетъ тѣсно и душно евреямъ, вновь будетъ надъ сознаніемъ еврейства витать роковая мысль отчаянія, объ исходѣ будетъ въ тоскѣ онъ биться, но исхода нѣтъ, уходить вѣдь некуда: если въ просторѣ русскихъ земель, въ безбрежности русской души не мѣста евреямъ, то и нигдѣ на землѣ не отыщется ему простора.

На башнѣ міровой колокольни русская революція бьетъ для еврейскаго народа двѣнадцатый часъ, чуткіе слои ев-

рейства не могутъ не услышать зова исторіи. Близится полночь, подходятъ послѣдніе сроки: кто чуетъ невнятный голосъ міровой исторіи, тотъ такъ направитъ свое поведеніе, что сдѣлаетъ изъ полуночи предвозвѣстницу яркаго утра возрожденія, но горе намъ, если не уразумѣемъ. Еврейство стоитъ на роковомъ перепутьѣ: за или противъ, tertium non datur. Ночь средневѣковья и свѣтъ возрожденія. Помоги, Господи, выбрать еврейству путь, Тобой освѣщенный.

II.

Силы людей не безграничны, никто поэтому не можетъ требовать отъ другого героизма, какъ повседневнаго содержанія жизни. Та атмосфера недовѣрія, которой проникнуто отношеніе русскаго общества къ еврейству въ цѣломъ, можетъ быть преодолѣна лишь героическимъ поведеніемъ еврейства въ цѣломъ же. Вянетъ воля, безсильно сворачивается вѣра въ обстановкѣ пропитанной заподозрѣваніемъ. Еврей, для котораго Россія — родина, долженъ постоянно доказывать русскому обществу, что для него родина — величайшая культурная цѣнность. Постоянно доказывать то, что внутренне является субъективной цѣнностью, не нуждающейся въ доказательствѣ, — мучительно утомляетъ душу еврея. Русское общество могло бы уже на основаніи еврейскаго вклада въ русскую культуру сдѣлать такое простое допущеніе, что богатство и цѣнность Россіи, какъ таковой, способны вызвать созвучіе въ еврейской душѣ, освободить любящаго отечество еврея, всей своей жизнью и дѣятельностью подтверждающаго, что у него та же родина-мать, отъ дополнительнаго процесса отвратительнаго onus probandi, любви къ отечеству. Еврейство должно просить, какъ величайшую милость, какъ показатель щедрости и великодушія, то, чѣмъ пользуется, какъ естественнымъ благомъ, наиболѣе тяжкій преступникъ въ наименѣе культурныхъ странахъ. Судите человѣка по дѣламъ его, освободитесь отъ идеологическихъ предразсудковъ, хотя бы поскольку они воочію опровергаются эмпирическими фактами; кажется, это скромное пожеланіе можетъ адресовать еврейство русскому обществу. Мы говоримъ объ этомъ потому, что отсутствіе этого общечеловѣческаго критерія взаимной оцѣн-

ки людей порождаетъ тягчайшія затрудненія въ построеніи взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Бѣлое движеніе нерѣдко бросало упрекъ еврейству за то, что нѣтъ евреевъ среди бѣлыхъ, но вѣдь русскіе люди не отдаютъ себѣ отчетливаго представленія, насколько трудно, иногда почти невозможно, было оставаться еврею среди русскихъ противобольшевистскихъ элементовъ. Въ этой области мы хотѣли бы ограничиться только нѣсколькими фактами непосредственно испытаннаго опыта, которыми можно иллюстрировать, сколько ранъ и ссадинъ воспринимаетъ еврейская душа, — обидъ, обычно незримыхъ для русскаго ока.

Будучи близко связаннымъ съ бѣлымъ движеніемъ на юго-востокѣ Россіи съ начальныхъ стадій зарожденія такового, я по служебнымъ дѣламъ задержался въ одномъ изъ городовъ юга, который неожиданно былъ захваченъ красными. Измученное населеніе города держалось одной надеждой о возвращеніи бѣлой власти, и въ этомъ отношеніи разницы не было между культурными слоями русскаго и еврейскаго общества. Занимаясь вербовкой молодежи въ бѣлые ряды, мы имѣли возможность войти въ близкое соприкосновеніе съ рядомъ лицъ и къ моменту приближенія нашихъ войсковыхъ частей въ городѣ существовала надежная группа, готовая поддержать внутреннимъ возстаніемъ приближающіяся войска. Но большевики настолько быстро сдали городъ, что прибѣгнуть къ намѣченному плану не представилось необходимымъ. Черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи нашихъ частей, намъ сдѣлалось извѣстно, что трое братьевъ изъ состава организованной группы арестованы по чьему-то доносу. Учитывая угрожающую имъ опасность (въ районѣ города еще шла перестрѣлка, а красная артиллерія, невдалекѣ отъ города закрѣпившаяся, осыпала городъ снарядами), мы добились свиданія съ начальникомъ штаба оперировавшей здѣсь группы войскъ, которому предъявили свои документы и настойчиво убѣждали не придавать вѣры доносамъ, гарантируя любыми способами доказать вздорность обвиненія, тяготѣющаго надъ арестованными молодыми людьми, отецъ которыхъ, кстати сказать, скрывался отъ большевиковъ, собиравшихся учинитъ надъ нимъ расправу, какъ извѣстнымъ въ городѣ кадетомъ, энергично работавшимъ въ дѣлѣ помощи добровольческой арміи.

Успокоенные начальникомъ штаба, мы отправились къ роднымъ арестованныхъ и завѣрили ихъ, что вопросъ освобожденія арестованныхъ — вопросъ дней, если не часовъ. А на утро, отправившись на назначенное свиданіе съ начальникомъ штаба, мы увидѣли лежащіе на улицѣ растерзанные трупы трехъ несчастныхъ юношей. Нѣсколько смущенный начальнихъ штаба объяснилъ происшедшее тѣмъ, что предъявленныя обвииненія очень основательны, «а кромѣ того, добавилъ онъ, арестованные вѣдь изъ евреевъ». Участь несчастныхъ рѣшило именно «кромѣ того», рѣшило то, что они въ довершеніе къ прочимъ несуществующимъ преступленіямъ оказались сопричастны къ преступному обществу, именуемому еврействомъ. Такъ это и понято было всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, и тамъ, гдѣ вчера еврейское населеніе цѣловало морды казачьихъ коней, сегодня добровольцы **сдѣлались** синонимомъ **погромщиковъ** и **убійцъ.**

Мы не **говоримъ** о моральной **сторонѣ** убійства **властью** неповинныхъ людей: она самоочевидна и даже начальникъ штаба группы войскъ ген. Слащева понималъ это, когда взволнованный старикъ-еврей кричалъ ему, что этимъ актомъ бѣлые уничтожили всякую вѣру въ сердцѣ еврейскаго населенія. Но и практически тотъ фактъ, что въ вопросахъ жизни и смерти могло оказывать рѣшающее значеніе обстоятельство принадлежности къ національной группѣ, что компетентное свидѣтельство объ индивидуальныхъ качествахъ обвиняемыхъ оказалось менѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ апріорное осужденіе по шаблону цѣлой національности, — этотъ фактъ не могъ не оказаться рѣшающимъ въ оцѣнкѣ еврейскимъ населеніемъ существа добровольческаго движенія. Видѣть въ добровольцахъ носителей добра, несмотря на пролитую кровь людей, повинныхъ въ томъ лишь, что они — евреи, значило бы подняться на такую высоту глубокомыслія и героизма, которая не можетъ характеризовать отношеніе массы къ жизненно затрагивающимъ ее фактамъ текущей политики. И попыткѣ направить вниманіе еврейства на конечныя цѣли противобольшевистскаго движенія встрѣчали рѣзкія возраженія со стороны еврейскаго населенія о преданіи живыхъ и кровныхъ интересовъ абстрактнымъ цѣлямъ русской культуры, о равенствѣ моральнаго или вѣрнѣе аморальнаго уровня

большевизма и противобольшевизма, о сервильности позиціи еврея, защищающаго уничтожающихъ евреевъ добровольцевъ... Уже въ этомъ городѣ отмерла вѣра въ добровольцевъ и количество молодыхъ евреевъ-добровольцевъ, пошедшихъ подъ русскій національный стягъ, упало до ничтожныхъ размѣровъ: мудрымъ и героическимъ можетъ быть поведеніе лишь единицъ.

Съ нелегкимъ сердцемъ выѣхали мы въ Ростовъ, храня остатки надежды на то, что губящее великое дѣло мертвое отношеніе къ еврейству не питается центромъ, мозгомъ движенія, что это, какъ всегда у насъ бывало, есть выраженіе того, что культурный уровень мѣстныхъ органовъ власти отстаетъ отъ центра, что вожди не повинны въ культурной и политической невоспитанности рядовыхъ исполнителей. Вскорѣ намъ на личномъ же опытѣ удалось убѣдиться въ неосновательности этихъ предположеній, въ томъ, что происходящее очень далеко отъ минимума того, что должно было бы происходить, если бы сознавалась необходимость влить еврейство въ фарватеръ противобольшевистскаго движенія, если бы считалось цѣлесообразнымъ не оставлять еврейство инертнымъ въ происходвшей борьбѣ.

Мы не будемъ останавливаться на рядѣ болѣе мелкихъ фактовъ, достаточныхъ, однако, для созданія крупныхъ страданій еврейскому населенію, повседневно бившихъ пребольно по израненнымъ душамъ евреевъ, израненнымъ и общими бѣдствіями Россіи и тѣмъ, что еврейство почти оффиціально признано было причиной всей совокупности происходящихъ бѣдствій. Пріемъ евреевъ на государственную службу признавался невозможнымъ, и это проводилось даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ оно явно невыгодно отражалось на самомъ существѣ дѣла, какъ, напр. въ области пропаганды, гдѣ стремленіе не пользоваться услугами враждебныхъ большевизму журналистовъ-евреевъ не мало способствовало слабости Освага. Приведемъ лишь два факта, лично нами пережитыхъ, которые даютъ возможность ярко освѣтить отношеніе къ евреямъ, участвующимъ въ общей борьбѣ съ большевизмомъ, со стороны верховъ и низовъ добровольческой арміи, мозга и исполнительныхъ органовъ ея.

Осенью 1919 г., въ періодъ успѣховъ противобольшевист-

скаго движенія, главное командованіе вооруженными силами юга Россіи признало необходимымъ отправить въ Соединенные Штаты Америки делегацію. Цѣль этой делегаціи состояла въ освѣщеніи передъ правительствомъ и обществомъ Соединенных Штатовъ тѣхъ задачъ, за которыя бьется русская арміи, въ пропагандѣ тѣхъ высокихъ лозунговъ, которыми одушевлена была армія. Отправленіе подобной делегціи представлялось совершенно необходимымъ, учитывая ту недобросовѣстную пропаганду, которая развивалась всѣми лѣвыми кругами, изображавшими Добровольческую армію, какъ средоточіе всяческаго зла. До нѣкоторой степени клеветническія нападки враговъ арміи опирались на погромныя проявленія антисемитизма арміи, какъ на видимое эмпирическое доказательство правоты выдвигаемыхъ противъ арміи обвиненій. Мы отъ всей души привѣтствовали это отправленіе делегаціи, какъ эффективнаго средства создать благопріятную международную обстановку, необходимую для успѣха русскаго дѣла. Однако неожиданно для насъ, я получилъ предложеніе отъ извѣстнаго общественно-политическаго дѣятеля и знаменитаго русскаго ученаго принять участіе въ составѣ этой делегаціи. На мое указаніе, что подобное личное участіе просто неосуществимо по общимъ условіямъ отношенія Главнаго Командованія ко всему носящему слѣды еврейства, выдвигающее мою кандидатуру лицо представило возраженіе, что это обстоятельство имъ учтено и оцѣнивается, какъ лишній доводъ въ пользу моего участія персонально именно въ этой делегаціи. Тогда я далъ свое согласіе на поѣздку, высказавъ въ самыхъ общихъ чертахъ, что, не скрывая несомнѣнно пропитывающій армію антисемитизмъ, я приложу всѣ усилія къ освѣщенію передъ американцами той великой цѣнности, которую представляетъ для еврейскаго народа, какъ части всего народонаселенія Россіи, побѣда началъ, несомыхъ добровольческимъ движеніемъ, единственнымъ орудіемъ спасенія Россіи. Я опять настойчиво совѣтовалъ отказаться отъ намѣренія выдвинуть мою кандидатуру, предвидя невозможность преодолѣть противоеврейскія настроенія арміи въ цѣломъ и центра ея въ частности. Конечно, случилось такъ, какъ только и могло случиться въ той духовной обстановкѣ, гдѣ всѣ мы жили

и работали. Несмотря на личное вліяніе упомянутаго лица, несмотря на присущую ему настойчивость въ осуществленіи того, что признается имъ объективно-правильнымъ и необходимымъ, попытки его встрѣтили непреодолимое сопротивленіе, питающееся сознаніемъ невозможности поручить осуществленіе этихъ функцій лицамъ еврейской національности. Больше того, отвергнутъ былъ и второй кандидатъ того же лица, человѣкъ не еврейской національности, лишь еврейскаго происхожденія, предки котораго были евреями, хотя самъ онъ уже настолько признавался русскимъ въ періодъ, предшествовавшій революціи, что велъ во время войны отвѣтственную работу въ одномъ изъ секретныхъ дипломатически-торговыхъ учрежденій. И онъ былъ признанъ непріемлимымъ по тѣмъ же «еврейскимъ» соображеніямъ. Насъ эта обида не обидѣла, мы знали на что мы шли, отправляясь въ Добровольческую армію, и служеніе Россіи ставили на высоту, несравнимую съ обидами, наносимыми намъ при выполненіи этой работы нашими сослуживцами и даже воплощающими всю эту работу высшими органами власти. Мы были гораздо болѣе спокойны, чѣмъ лицо, проводившее нашу кандидатуру, для котораго эта неудача являлась очень рельефнымъ показаніемъ неспособности органовъ противобольшевистской организаціи привлечь къ этой задачѣ всѣ антибольшевистскіе слои населенія.

Немного времени спустя по гораздо болѣе лично-трагическому поводу пришлось мнѣ вновь измѣрить на себѣ глубину антисемитизма, питающаго армію въ отношеніи къ евреямъ, даже идущимъ бокъ о бокъ съ арміей въ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ. Случайно получилъ извѣстіе о гибели брата, состоявшаго въ рядахъ добровольцевъ, въ бою съ большевиками. Мы считали необходимымъ немедленно поѣхать къ родителямъ, чтобы своимъ кратковременнымъ присутствіемъ облегчить страданія, вызванныя гибелью брата. Получивъ одновременно и нѣкоторыя служебныя порученія въ районѣ предстоящей поѣздки, снабженный всѣми надлежащими офиціальными документами, я все же не могъ осуществить своего намѣренія, такъ какъ высшіе желѣзнодорожные органы меня завѣрили, приведя неопровержимыя доказательства, въ томъ, что по усло-

віямъ времени эта поѣздка смертельно опасна для еврея, хотя бы и оффиціальнаго лица. Районъ былъ захваченъ незадолго до того махновскими бандами, которыя успѣшно выбивались нашими частями, и проѣздъ по путямъ слѣдованія нашихъ частей еврея-работающаго въ центральныхъ органахъ управленія арміи сопряженъ былъ съ величайшимъ рискомъ. «Брата Вы не воскреснете, горе же родныхъ Вы усилите, если они получатъ трупъ второго сына. Я — солдатъ и привыкъ говорить правду: Вы, еврей, не доѣдете живымъ при тѣхъ условіяхъ, которыя имѣются на линіи», такъ характеризовалъ положеніе вещей генералъ, близко стоящій къ военнымъ перевозкамъ.

Въ связи въ этими фактами, число, которыхъ можетъ быть сколь угодно увеличено, возникаетъ общій вопросъ объ отношеніи Главнаго Командованія къ погромнымъ настроеніямъ и погромнымъ проявленіямъ арміи. Въ еврейской средѣ простое рѣшеніе этого вопроса: вожди отыгрывались на еврейскомъ населеніи и бросали черни еврейство, какъ приманку за участіе въ борьбѣ съ большевизмомъ. Это утвержденіе подкрѣпляютъ ссылками на факты попустительства со стороны командпаго состава по отношенію къ погромнымъ безчинствамъ воинскихъ частей, ссылками на то, что громилы не подверглись суровымъ взысканіямъ, что питаемыя Освагомъ періодическія изданія вели антисемитскую пропагадну, что даже въ Ростовѣ воинскія части распѣвали въ строю пѣсенку съ припѣвомъ «бей жидовъ, спасай Россію» и т. д.

Это утвержденіе въ приведенной формѣ должно быть признано не соотвѣтствущимъ дѣйствительности, несмотря на наличность нѣкоторыхъ элементовъ, придающихъ ему видимость правдоподобности. Противобольшевистское движеніе уже потому одному, что оно приняло внѣшнія организаціонныя формы арміи, должно было быть внутренне враждебнымъ погромамъ. Потрясеніе организма арміи, утеря ею той великой спайки, которая черезъ упадокъ дисциплины превращаетъ организмъ арміи въ механическое скопленіе вооруженныхъ людей, своевольно примѣняющихъ свое оружіе, таковы неизбѣжныя слѣдствія погромовъ, которыя лучше другихъ учитывались командованіемъ, т. е. спеціалистами-техниками военной организаціи. Характерно,

что бросающіе командованію это обвиненіе элементы не рѣшаются a toute letre обвинять командованіе въ самой организаціи погромовъ, именно въ силу абсолютной невозможности примирить подобное обвиненіе съ несомнѣннымъ стремленіемъ командованія создать боеспособную армію. Командованіе не хотѣло еврейскихъ погромовъ, но командованіе не могло противодѣйствовать погромнымъ настроеніямъ армейской массы, какъ потому, что армія представляла тяжело-контуженный революціей организмъ, такъ и потому, что, относясь съ недовѣремъ къ еврейству въ цѣломъ, командованіе психологически не могло обнаруживать суровости по отношенію къ тѣмъ, кто, питаемый тѣмъ же недовѣріемъ къ еврейству, проявлялъ его въ абсолютно непріемлимыхъ для командованія формахъ разбоя и погрома. Армія была не та, къ ней нельзя было примѣнять обычные уставы русской арміи нормальнаго или военнаго періодовъ. Самый фактъ гражданской войны — факторъ разложенія арміи: вѣдь всѣ воины прошли сквозь смрадъ революціонной демагогіи, и если въ цѣломъ отвергли большевизмъ, то все же вышли съ поврежденной большевизмомъ психикой. Лучшіе, чистые, честные, любящіе родину элементы трупами своими застилали необъятныя русскія равнины; идейное по преимуществу офицерство, основной кадръ героическаго періода добровольцевъ, въ непрестанныхъ бояхъ, безъ отдыха и смѣны, клало свои головы на поляхъ казачьихъ земель, создавая этимъ возможность войны на болѣе широкомъ просторѣ. Когда, оплативъ кровью лучшихъ расширеніе территоріи, разорвавъ желѣзные тиски, армія вышла за границы казачьихъ земель, въ составъ ея потекли элементы уже не по однимъ лишь чистымъ русламъ. Наряду съ тѣми, кто, пробивая всѣ препоны, майнъ-ридовскими путями достигали добровольческой арміи, мыслившейся центромъ патріотизма и правды, армія пополнялась мобилизаціями, дававшими въ массѣ развращенныхъ въ революціи воиновъ, а также тѣми кадрами добровольцевъ, кто служилъ послѣдовательно всѣмъ, бывшимъ въ данный моментъ побѣдителемъ въ данномъ районѣ, кто шелъ въ армію мстить за пережитое, кого привлекала армія, какъ способъ любыми путями «сдѣлать деньги». Качественный составъ арміи уменьшился съ

ростомъ ея количества, ибо лучшіе дѣйствительно воевали и гибли въ неравной борьбѣ, а масса худшихъ стремилась къ инымъ цѣлямъ и больше всего берегла свои драгоцѣнныя жизни. По мѣрѣ продвиженія впередъ общій моральный уровень арміи понижался: сѣрая масса тѣхъ, кто дѣлалъ свою личную политику, заливала тѣхъ яркихъ, кто шелъ, движимый великими импульсами, и толкала послѣднихъ на позиціи смерти, либо просто остаиваясь за ихъ спинами, либо предавая ихъ святой подвигъ своими недобрыми дѣлами. Армія разлагалась, это сознавали всѣ, и лучше другихъ командованіе, которое вело азартную игру на то, что армія противниковъ разлагается еще быстрѣе. Всѣ помыслы направлены были на то, чтобы овладѣть сердцемъ Россіи: срочное овладѣніе Москвой разрѣшитъ сейчасъ неразрѣшимыя трудности, тогда можно будетъ выдѣлить основной цѣнный центръ арміи, произвести отборъ чистыхъ и идейныхъ людей, и разогнать ту нечисть, которая облѣпила армію, можно будетъ даже разстрѣлять немало изъ тѣхъ, кто сейчасъ грѣетъ руки на святомъ дѣлѣ. При такомъ положеніи вещей приходилось смотрѣть сквозь пальцы на многое, что заставляло вскипать гнѣвъ и судорожно сжимать руки въ кулаки. Подтягивать разнузданныя страсти въ этотъ моментъ, когда на карту брошено было все, было психологически невозможно: никто не могъ бы поручиться, что начни въ этотъ моментъ командованіе разстрѣливать за грабежи и безчинства (а только это могло быть дѣйствительной мѣрой воздѣйствія), внутри самой арміи не вспыхнули бы мятежи, внутри самой бѣлой арміи не начались бы гражданскія войны. Въ подобной обстановкѣ, когда нельзя было останавливаться, когда приходилось признать разложеніе арміи однимъ изъ факторовъ быстраго ея продвиженія, въ подобной обстановкѣ насилія надъ еврейскимъ населеніемъ не могли быть сдержаны желѣзной рукой командованія. Сознаніе тяжести положенія, господствовавшая надъ всѣмъ мысль: надо добѣжать до Москвы, иначе все пропало, было основнымъ опредѣляющимъ факторомъ рѣшеній и дѣйствій власти. Результаты показали, что въ подобномъ планѣ были разрушившія дѣло ошибки, но со всей категоричностью слѣдуетъ отвергнуть представленіе о

томъ, что командованіе хотѣло этихъ ошибокъ, что оно включало ихъ въ планъ своихъ дѣйствій; грязная волна, заливавшая армію и истекавшая изъ загаженнаго большевизмомъ россійскаго моря, не могла быть въ это время отведена. Трагизмъ положенія Главнаго Командованія состоялъ въ томъ, что ядъ большевизма проникъ и въ бѣлую армію, что мозгъ управлялъ проявлявшими своеволіе руками: командованіе не опиралось на подлинный организмъ арміи.

Но, съ другой стороны, — тутъ мы высказываемъ мысль, которую намъ тяжело высказать, но которая представляется намъ правильно освѣщающей состояніе вещей, — идеологическій предразсудокъ о природной сопричастности еврейства къ революціи, раздѣлявшійся и Главнымъ Командованіемъ, повиненъ во многомъ изъ того, что лежитъ тяжелымъ обвиненіемъ на арміи. Чернь инстинктомъ улавливала, что проявленныя ею въ разбоѣ погромныя настроенія въ какой то основѣ сродни и міровоззрѣнію власти; это окрыляло чернь въ предвидѣніи безнаказанности. Раздѣляющая дѣйствительно съ чернью исходную вѣру въ повинность еврейства, какъ такового, власть не могла не снизиться до этой черни въ разсматриваемый періодъ начавшагося моральнаго угасанія арміи. Борьба съ еврействомъ невольно становилась демагогическимъ козыремъ въ борьбѣ съ большевизмомъ. Это должно было произойти съ психологической необходимостью изъ связи объективнаго факта невозможности преодолѣть внутреннее моральное осужденіе арміи и изъ субъективнаго факта апріорнаго осужденія еврейства въ цѣломъ. Все равно, привести армію въ настоящій порядокъ невозможно, а разъ безпорядокъ неизбѣженъ, то не меньшее ли зло, если остріе этого безпорядка испытывается тѣми, кто, какъ таковые, преимущественно повинны въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Россію? Дьявольскій мифъ о все-еврейской конспираціи выступаетъ въ трагической для еврейства формѣ поголовной отвѣтственности евреевъ за бѣдствія, переживаемыя всѣмъ населеніемъ Россіи, въ томъ числѣ и евреями, и вызванныя всемогуществомъ мифическаго начала. Примитивное культурное сознаніе требуетъ вещнаго воплощенія абстрактныхъ идей, что тѣмъ болѣе ощущается съ необходимостью, когда эти абстракт-

ныя идеи становятся тѣмъ объектомъ, за который приносятся жертвы, проливается кровь. Большевики, философы черни и пророки низкихъ инстинктовъ, отлично усвоили необходимость выраженія своихъ идей въ конкретныхъ образахъ. Въ борьбѣ со своими врагами они говорятъ массамъ не о добродѣтеляхъ соціализма, за которыя они борются, а о «буржуяхъ, попахъ, генералахъ, офицерахъ», которые стремятся вновъ закабалить русскій народъ. Бѣлое движеніе говорило объ идеалахъ, приводившихъ въ неизъяснимый трепетъ сердца культурныхъ слоевъ, но только этих слоевъ; отечество, нація, культура, порядокъ не могли имѣть значенія эффективнаго импульса для множества тѣхъ простолюдиновъ, которые сведены были въ ряды, надъ которыми развивался трехцвѣтный флагъ. Вѣдь эти же массы безучастно видѣли крушеніе отечества и участвовали въ немъ, уходя съ фронта внѣшней войны; участіе въ гражданской войнѣ не способствуетъ популяризаціи идеи національнаго единства въ простонародномъ представленіи, болѣе захваченномъ видимымъ фактомъ того, что югъ дерется съ сѣверомъ; культура — слишкомъ субтильное понятіе, чтобы имъ могли воодушевляться малокультурные люди; а привлекательность безпорядка могла перевѣшивать прелесть порядка. Отвлеченная идея должна была замѣститься въ головахъ рядовыхъ бойцовъ представленіемъ, облеченнымъ въ плоть и кровь. Питаемое искони недовѣріе къ еврейству, поддерживаемое исторически властью, приводящей къ особности еврейскаго населенія въ общерусской средѣ, бросающееся въ глаза участіе евреевъ въ революціи, построенная на этомъ противоеврейская агитація, подкрѣпляемая недовѣріемъ къ еврейству въ цѣломъ со стороны командованія, давали возможность олицетворять борьбу съ большевизмомъ въ борьбу съ еврействомъ. Та демагогія, съ которой начинался любой большевистскій актъ, подмѣнявшій абстрактную идею измышленнымъ, но понятнымъ народу образомъ и представленіемъ, въ концѣ концовъ использована была и въ противобольшевистскихъ рядахъ, гдѣ сквозь пальцы смотрѣли на то, какъ армія начиняется представленіями о томъ, что борьба съ большевизмомъ есть борьба съ жидами, устроившими революцію и поддерживающими большевиковъ. Въ глазахъ рядового красной арміи врагомъ являлся «золото-

погонникъ» или «кадетъ», въ глазахъ рядового бѣлой арміи врагомъ являлся «жидъ».

Бланкетное недовѣріе къ еврейству завершило полный кругъ и молчаливая санкція представленій культурнаго русскаго общества и власти о еврейской революціи дала кровавые всходы въ поведеніи темныхъ массъ. Конечно, наивно преувеличеніе объяснять крушеніе бѣлаго движенія еврейскими погромами; неудача бѣлаго движенія опредѣлилась сложной совокупностью причинъ и вѣроятно имѣетъ свою основную причину въ томъ, что бѣлое движеніе началось преждевременно, началось ранѣе того, какъ на собственной шкурѣ все русское населеніе познало, что значитъ осуществленный соціализмъ. Поскольку, однако, въ ряду общихъ основныхъ причинъ дѣйствовали и частныя, ускорявшія процессъ нашего крушенія, все, что разлагало организмъ арміи, быстрѣе вело насъ къ гибели, а въ этомъ ряду еврейскіе погромы были могущественнымъ факторомъ распада. Такъ, порочная идея о бланкетной поголовной отвѣтственности еврейства за русскую революцію совершаетъ своеобразную діалектику въ смыслѣ своего приложенія: изъ idée-force, питающей національную идеологію низовъ арміи и направляющей свое жало противъ еврейства, она превращается въ idée-force, питающую большевизмъ въ составѣ самой же русской арміи и ускоряющую процессъ ея распада. Нельзя проходить безразлично мимо этой діалектики осуществленнаго въ погромахъ антисемитизма: безполезно пролитая кровь невинныхъ людей не по случайности не принесла пользы тому, что пошло со спокойнымъ сердцемъ на неоправдываемую никакимъ моральнымъ сознаніемъ спекуляцію кровью невинныхъ. Извлечемъ изъ этого урока, за который дорого заплатило еврейство, который не дешево обошелся и добровольческой арміи, надлежащій урокъ: чистое и святое дѣло возрожденія Россіи можетъ быть осуществлено лишь равно-чистыми пріемами. Господь не приметъ нашихъ жертвъ, какъ бы безмѣрно тяжки ни были они, если онѣ утеряютъ то единственное, что дѣлаетъ жертву жертвой: жертвенность, муку добровольно пріемлемую по чистѣйшимъ побужденіямъ души. Капля дегтя губитъ бочку ароматнаго меда, въ области моральныхъ цѣнностей еще острѣе воспроизводится эта анти-

подность, и величайшій душевный порывъ блекнетъ и безсильно сворачивается, если гдѣ то въ глубинахъ замутила его искра недостойнаго помысла.

Къ чему мы шевелимъ этотъ ворохъ тяжелыхъ воспоминаній, которыя жестокая память не желаетъ предать забвенію и повидимому не можетъ предать забвенію, если бы и захотѣла? Почему сознаніе русскаго-еврея вновь и вновь возвращается къ тому, гдѣ столько потенцированнаго горя отъ убіенія невинныхъ людей руками, долженствующими воплотить великія для избиваемыхъ цѣнности? Потому лишь, что мы вѣримъ въ близкое наступленіе сроковъ, когда вновь побѣдоносно двинется бѣлая, чистая русская рать. И величайшій восторгъ испытываемъ мы отъ вѣры, что среди чистыхъ воиновъ русскаго возрожденія будутъ и русскіе евреи, признавшіе своимъ священнымъ лозунгомъ возрожденіе державы Россійской, признанные въ чистотѣ своего жертвеннаго порыва бѣлымъ россійскимъ воинствомъ.

Еврейство вольется широкимъ потокомъ въ единое русское русло и будетъ строить общій русскій домъ, какъ собственный домъ, ибо и дѣйствительно нѣтъ и не можетъ быть у русскихъ евреевъ иного крова, кромѣ синевы русскихъ небесъ. Этотъ процессъ совершится тѣмъ скорѣе и напряженіе его будетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ прочнѣе укоренится въ сознаніи русскаго еврейства идея о томъ, что русскій еврей означаетъ воплощеніе въ еврейской душѣ цѣнности русской культуры, гармонически совмѣщающейся со своеобразіемъ еврейской души и не погашающей цѣнности еврейской культуры. Но этотъ процессъ окажется неосуществимымъ для широкаго множества еврейскаго народа, если возрожденіе русской культуры будетъ мыслиться русскимъ и еврейскимъ общественнымъ сознаніемъ идентичнымъ уничтоженію еврейства. Множество евреевъ творитъ молитвы о возрожденіи Россіи, они обращаются съ этой молитвой къ Господу, зная, что не допуститъ онъ гибели неповинныхъ, на какомъ бы языкѣ ни творилась молитва. Множество русскихъ молится о спасеніи родины; кто истинно молится, тотъ взыскуетъ святую Русь, несовмѣстимую съ молитвой о гибели неповинныхъ людей. Господь услышитъ наши чистыя молитвы, вернетъ намъ отечество, Россію — родину и русскихъ, и русскихъ-евреевъ. Но мы всѣ, и евреи и

русскіе, должны основательно очиститься передъ тѣмъ, какъ вернуться въ отчій домъ, ибо тамъ не будетъ мѣста непокаявшимся и окаяннымъ, кто бы они ни были.

Д. О. Линскій.

В. С. МАНДЕЛЬ

Консервативные и разрушительные элементы въ еврействѣ

Видная роль, сыгранная нѣкоторыми евреями въ революціонномъ движеніи, охватившемъ восточную и среднюю Европу въ 1917 и 1918 годахъ, и, въ особенности, значительное участіе евреевъ въ большевистскомъ правительствѣ Россіи, поставили вновь на очередь не мало и ранѣе трактовавшуюся тему объ особой »революціонности« евреевъ. Не только отѣльныя лица, не только нѣкоторыя группы еврейства, но и весь еврейскій народъ обвиняются въ разрушительныхъ тенденціяхъ по отношенію къ государственности, которую принято называть »христіанской«. Если раньше антисемитская литература утверждала, что еврейство, какъ инородный элементъ, проникнувшій въ христіанское общество, поневолѣ должно подтачивать основы христіанской культуры и морали уже въ силу одного того, что еврейскій »духъ« существенно отличенъ отъ христіанскаго и что это проявилось, между прочимъ, въ созданіи евреями нѣкоторыхъ соціально-политическихъ «теорій», осуществленіе коихъ грозитъ гибелью христіанскому государству, то съ появленіемъ евреевъ въ руководящихъ позиціяхъ при большевистскомъ переворотѣ въ Россіи, въ революціонномъ движеніи въ Германіи, въ коммунистической диктатурѣ въ Венгріи, не только исконные антисемиты, но и значительныя группы дотолѣ неповинной въ антисемитизмѣ интеллигенціи пострадавшихъ отъ революція странъ, усмотрѣли въ «еврейскихъ вождяхъ революціи» подтвержденіе субверсивныхъ качествъ еврейскаго народа. Болѣе того, въ этомъ усмотрѣли наличность умысла, направленнаго къ разрушенію современныхъ государствъ, умысла, объясняемаго противуположеніемъ еврейства христіанству. Для чего нужно евреямъ это разрушеніе? Ясно — для того, чтобы на мѣсто разрушеннаго христіанскаго поставить свое, еврейское, государство, для того, чтобы захватить власть надъ христіа-

нами, а затѣмъ и надъ всѣмъ міромъ, установить міровое еврейское господство. Кстати, на европейскомъ книжномъ рынкѣ появилась и нашумѣла переведенная съ русскаго книжонка «Протоколы сіонскихъ мудрецовъ». Хотя и очевидно для всякаго неглупаго читателя, что это нелѣпая и злостная фальсификація, хотя и доказано евреями и неевреями, что авторъ (нѣкій Нилусъ) использовалъ для своихъ «протоколовъ», какъ источники, никакого отношенія къ евреямъ не имѣвшіе, такъ и плоды фантазіи нѣмецкаго бульварнаго романиста шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Джона Ретклиффа (псевдонимъ), изобразившаго въ одномъ изъ своихъ твореній, какъ развины всѣхъ странъ собираются ночью на пражскомъ еврейскомъ кладбищѣ и обсуждаютъ планъ захвата власти надъ міромъ, тѣмъ не менѣе «публика» продолжаетъ вѣрить протоколамъ и, ссылаясь на имена Маркса, Лассаля, Троцкаго, Бэла-Куна и пр. пр., какъ на безспорное доказательство того, что авторъ протоколовъ предвидѣлъ и предсказалъ событія, горячо обсуждаетъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы защитить — не правопорядокъ и цивилизацію отъ варваровъ, именующихъ себя коммунистами — а христіанскій міръ отъ еврейства.

Если о наивной части этой христіанской публики можно сказать только то, что нѣкогда сказалъ Іоганнъ Гуссъ о старушкѣ, подбросившей и свою охапку дровъ въ заготовленный для него костеръ: „Sancta Simplicitas“, то какъ отнестись къ тѣмъ евреямъ, которые, въ поискахъ за объясненіемъ того же факта, — участія евреевъ въ революціонномъ движеніи, — пришли къ тому же заключенію — объ особомъ предопредѣленіи евреевъ изобрѣтать теоріи радикальнаго переустройства міра и осуществлять ихъ путемъ революціи. О, конечно, эти евреи не вѣрятъ въ протоколы сіонскихъ мудрецовъ и въ злой умыселъ еврейскаго народа захватить власть надъ міромъ въ свои руки! Эти евреи усматриваютъ въ бредняхъ протоколовъ злой умыселъ антисемитовъ искоренить еврейство! Но они сами въ большей или меньшей степени не прочь устроить міръ на новыхъ началахъ и вѣрятъ, что революція есть шагъ по пути осуществленія царства Божія на землѣ и они, уже не въ осужденіе еврейскаго народа, а въ похвалу, приписываютъ ему роль вождя народныхъ движеній за свободу, равенство и соціальную

справедливость, вождя, для достиженія этой высокой цѣли, конечно, не останавливающагося передъ разрушеніемъ существующаго государственнаго и соціальнаго строя. Если взять, для примѣра, имѣвшую довольно большой успѣхъ книгу Фрица Кана Die Juden als Rasse und Kulturvolk (2. Auflage 1921, Weltverlag), то мы находимъ въ ней, что «Моисей за 1250 лѣтъ до Христа первый въ исторіи превозгласилъ права человѣка», что «Христосъ заплатилъ смертью за проповѣдь коммунистическихъ манифестовъ въ капиталистическомъ государствѣ», что «въ 1848 году вторично взошла виѳлеемская звѣзда — и опять она взошла надъ крышами Іудеи: Марксъ»; что «уже сегодня (въ 1921 году) по громовому ходу событій возможно предчувствовать, что наступаетъ новый день человѣчества, въ которомъ геній соціальной идеи, какъ Фебъ-Аполлонъ, правитъ солнечными конями исторіи», что «Моисей, Христосъ и Марксъ — три представителя специфической расы и расовыхъ особенностей»; что «вождемъ мессіанскаго идеала счастья человѣчества является Лассаль» и что «по его путямъ и за его знаменами идетъ въ наши дни легіонъ еврейскихъ революціонеровъ, служившихъ въ теченіе десятилѣтій дѣлу свободы въ Россіи, извѣстными представителями коихъ въ западныхъ странахъ явились Эйснеръ, Люксембургъ, Левине, Толлеръ, Ландауэръ, Самуэли и многіе другіе». *

Мы ссылаемся на книгу Кона не потому, чтобы она блистала особыми достоинствами, а потому, что она типична для воззрѣній многихъ евреевъ-интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ, которые, слѣдуя по старому пути апологетики еврейства, какъ «избраннаго» народа, находятъ новыя, такъ сказать модныя, доказательства этого, въ «заслугахъ» евреевъ передъ свободой, соціализмомъ и революціей. Это — старая погудка на новый ладъ. А за этими евреями поютъ революціонному еврейству такіе же дифирамбы и кое какіе друзья евреевъ изъ христіанъ, какъ напримѣръ небезизвѣстный публицистъ Амфитеатровъ. Въ двухъ бро-

*) Ф. Канъ — цит. книга стр. 182, 196, 198, 199, 201 и 202. Курьезна у Кана идеализація Розы Люксембургъ, основанная на перепискѣ послѣдней съ женою Либкнехта. Онъ цитируетъ сентиментальныя тирады Р. Люксембургъ о ея сочувствіи къ „военноплѣнному румынскому буйволу (?)“, котораго билъ до крови солдатъ передъ воротами ея темницы, причемъ она называетъ этого буйвола „своимъ бѣднымъ милымъ братомъ“ и закрываетъ глаза на то, что она призывала къ гражданской войнѣ, т. е. къ безчисленнымъ человѣческимъ гекатомбамъ.

шюрахъ «Еврейство и соціализмъ» и «Еврейство какъ духъ революціи», претендующихъ на глубину и ученость, и тѣмъ не менѣе носящихъ явно фельетонный характеръ, Амфитеатровъ (постоянно переходя отъ описанія историческихъ судебъ еврейства къ полемикѣ съ правящими сферами Россіи того времени — 1906 года) обосновываетъ и доказываетъ революціонно-соціалистическое призваніе еврейства: 1) «Второзаконіемъ», якобы дающимъ программу соціализма въ теократической оболочкѣ; 2) книгой «Эсфирь», изъ которой будто-бы видно, что евреи дѣйствительно готовили революцію противъ царя Агасфера, что было «учуяно» Гаманомъ — «фонъ-Плеве Персидской монархіи»; 3) голословной ссылкой на то, что всякая государственная власть, выходящая изъ ихъ среды и для ихъ среды, глубоко евреямъ противна и вызываетъ ропотъ и протесты отъ перваго момента своего возникновенія до послѣдняго момента своей гибели, хотя »въ то же время они, евреи, обладаютъ необыкновенною способностью влюбляться въ разныхъ стихійныхъ людей чужой власти» — пророкъ Іеремія въ Навуходоноссора, Гейне въ Наполеона и т. д.; 4) пророками, причемъ ссылка дѣлается почему то только на того же Іеремію — «знаменитаго пророка нищеты и отчаянія и великаго страдальца«. Наконецъ, 5) конечно, тѣмъ, что Лассаль и Марксъ оба были евреями, какъ это подтверждаетъ »старый еврей — идеалистъ въ миломъ, полномъ грустнаго юмора разсказѣ нашего дорогого товарища, беллетриста Айзмана: «прежде міръ имѣлъ с е б ѣ одного Бога, а нашъ вѣкъ имѣетъ двухъ: Лассаль и Марксъ, и оба они н а ш и , е в р е и.« Ясно, что если самъ старый еврей-идеалистъ у беллетриста Айзмана приравнялъ Лассаля и Маркса къ Богу, то лучшаго доказательства, что еврейство полно революціонно-соціалистическаго духа, не требуется.

Но почему же евреи преисполнены такого духа? Очень просто: они, по мнѣнію Амфитеатрова, »никогда не были довольны ни однимъ правительствомъ, подъ власть котораго ихъ отдавала историческая судьба; они не могутъ быть довольны и не будутъ, потому что идеалъ совершенной демократіи, заложенный въ ихъ душѣ, нигдѣ еще не былъ осуществленъ». А какъ же быть съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что есть не мало евреевъ капиталистовъ, отнюдь

не заинтересованныхъ въ идеальной демократіи, соціализмѣ и революціонныхъ переворотахъ? На это Амфитеатровъ отвѣчаетъ: »соціалистъ по натурѣ, соціалистъ до мозга костей, еврей на цѣлые вѣка вынуждался закономъ самосохраненія завертываться въ грубобуржуазныя оболочки — настолько грубо и ловко, что возникали даже цѣлыя ученія, цѣлыя соціологическія теоріи о врожденной буржуазности, какъ типическомъ расовомъ признакѣ еврейства». Но «краски чуждыя съ годами спадаютъ ветхой чешуей, и въ голосахъ Лассаля, Маркса, въ революціонныхъ дѣйствіяхъ русско-еврейскихъ вождей освободительной эпохи мы слышимъ неизмѣнными вопль старыхъ эбіонитовъ, громы Исаіи, плачъ Іереміи, благородную уравнительную утопію Гиллеля и Іисуса«. »Да«, восклицаетъ Амфитеатровъ, »еврейство въ мірѣ не только нація, раса, религіозное сообщество, оно и соціальная партія»! И, сопоставляя еврейство съ христіанствомъ, приходитъ къ заключенію, что «Павлово христіанство вошло въ міръ, чтобы выработать союзы, теорію и этику буржуазнаго строя», а «іудейство, со всѣми его потомственными подраздѣленіями въ религіяхъ и философіи, осталось жить и терзаться въ мірѣ, чтобы сохранить ему соціализмъ.»

Конечно, опровергать эту ахинею по существу не стоитъ. Скажу только, что если бы фактическая сторона, изложенная здѣсь Амфитеатровымъ, соотвѣтствовала дѣйствительности, то восторги сочувствующаго революціи и соціализму Амфитеатрова могли бы смѣниться у лицъ, не раздѣляющихъ этого пристрастія къ соціализму и революціи, негодованіемъ противъ еврейскаго народа, который, съ одной стороны, такъ густо и ловко завертывается въ грубо-буржуазныя оболочки, что вводитъ изслѣдователей въ заблужденіе относительно врожденной своей буржуазности, а, съ другой стороны, такъ незамѣтно и въ то же время ретиво подготовляетъ соціальную революцію. Сомнѣваюсь, однако, чтобы и у самого Амфитеатрова, послѣ того, какъ и надъ нимъ былъ продѣланъ большевистскій опытъ, остались тѣ же взгляды на всеспасительность соціализма и революціи, на самимъ Богомъ евреямъ завѣщанную роль быть вождями таковыхъ и даже на цѣлесообразность революціонныхъ дѣйствій «русско-еврейскихъ вож-

дей освободительной эпохи». Какъ бы то ни было, и господину Амфитеатрову, и прочимъ своимъ апологетамъ еврейство должно было бы отвѣтить цитатой изъ русскаго писателя, извѣстной даже такимъ русскимъ евреямъ-націоналистамъ, которые нынѣ воспрещаютъ на своихъ собраніяхъ выступать съ рѣчами на русскомъ языкѣ: «услужливый дуракъ опаснѣе врага». Какъ этимъ своимъ апологетамъ, такъ и своимъ врагамъ — хулителямъ, еврейскій народъ долженъ былъ бы сказать словами героя драмы Расина: »Je n'ai merité ni cet excès d'estime, ni cette indiquité«.

Развѣ можно говорить о политическомъ міровоззрѣніи, о политическихъ и соціальныхъ тенденціяхъ цѣлаго народа? Развѣ можно обвинять французскій народъ въ радикализмѣ, потому что онъ въ свое время сотворилъ такъ называемую «великую революцію», или признать англійскій народъ особо революціоннымъ на томъ основаніи, что онъ, еще ранѣе французскаго, отрубилъ голову своему королю? Развѣ не обвиняютъ теперь радикальные политки французскій и англійскій народы въ чрезвычайномъ консерватизмѣ? Развѣ не учитъ исторія, что народныя массы въ общемъ инертны, а потому скорѣе консервативны, чѣмъ радикальны? Развѣ не ясно, что народъ не составляетъ одного цѣлаго, а складывается изъ разныхъ слоевъ и элементовъ, интересы и взгляды которыхъ коренным образомъ расходятся, и въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ проявляютъ наклонъ то въ одну, то въ другую сторону? Развѣ русскій народъ не явилъ міру, послѣ того какъ въ немъ царствовали въ теченіе многихъ столѣтій подъ сѣнью автократіи «тишь и гладь», картину господства черни и анархіи? На это, однако, какъ мы видѣли, хулители и апологеты еврейскаго народа возражаютъ, что послѣдній, будто бы, въ отступленіе отъ общаго правила, во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ проявлялъ именно разрушительныя тенденціи. И такъ какъ они ссылаются на факты еврейской исторіи и жизни еврейскаго народа, то приходится привести таковые, какъ они были и есть въ дѣйствительности, а не въ тенденціозномъ освѣщеніи.

Если послушать многихъ нынѣшнихъ евреевъ-интеллигентовъ, то евреи всегда были, если не республиканцами, то, по крайней мѣрѣ, демократами. Они себѣ

и представить не могутъ — какъ это еврей можетъ быть монархистомъ. Но если обратиться къ священной для евреевъ книгѣ — не только въ религіозномъ, но и въ культурномъ смыслѣ — къ Библіи, то оказывается, что самая монархія, не въ смыслѣ восточной деспотіи, а въ смыслѣ современномъ, выдумана никѣмъ инымъ, какъ евреями, отъ которыхъ эту идею и унаслѣдовалъ христіанскій міръ. Монархъ не избирается народомъ, онъ назначается самимъ Господомъ Богомъ, вслѣдствіе чего представляетъ самодовлѣющую величину, независимую отъ народа. Онъ вождь народа, монархъ — Божьею волею, Божьею милостью. Пророкъ Самуилъ говоритъ Саулу: «прикажи слугѣ уйти впередъ (и тотъ ушелъ), а ты постой немного и я возвѣщу тебѣ слово божье». «Тогда взялъ Самуилъ сосудецъ съ елеемъ, излилъ на главу его и сказалъ: вотъ этимъ помазалъ тебя Господь въ цари надъ свимъ наслѣдіемъ». Когда же Саулъ разгнѣвалъ Бога, то Господь сказалъ Самуилу: «Доколѣ ты будешь печалиться о Саулѣ, когда я уже призналъ его недостойнымъ царствовать надъ Израилемъ. Наполни рогъ твой елеемъ и ступай; я пошлю тебя къ Есею-виѳлеемлянину; ибо я усмотрѣлъ себѣ царя между сынами его». Во исполненіе сего Самуилъ «взялъ рогъ съ елеемъ и помазалъ младшаго изъ сыновей Есея Давида — —и сталъ споспѣшествовать духъ Господень Давиду съ того дня и потомъ».

Отсюда ведетъ свое происхожденіе принятый преемственно и христіанскими народами обрядъ коронованія и помазанія царя. Царь становится божьимъ помазанникомъ, особа его становится священной, къ нему, какъ къ помазаннику божію, никто не смѣетъ прикасаться. Самъ онъ долженъ исполнять законы божіи, быть справедливымъ и добрымъ, быть отцомъ своего народа; за неисполненіе этого не только онъ самъ отвѣчаетъ передъ Богомъ, но отвѣчаетъ и ввѣренный ему, какъ верховному вождю, народъ. И не взирая на то, что Ветхій Звѣтъ разсказываетъ и о гражданскихъ войнахъ еврейскаго народа, и о дворцовыхъ переворотахъ, и о раздѣленіи еврейскаго царства на два государства — іудейское и израильское — все же, пока евреи жили собственною государственною жизнью, эта жизнь протекала подъ знаменемъ монархіи.

Если обратиться къ политическимъ взглядамъ іудео-христіанства (ибо таковымъ было первоначальное христіанство), то достаточно вспомнить изреченіе Христа: «воздайте Кесарю кесарево» и, въ особенности, апостола Павла: «власти предержащей да подчинится всякая душа, нѣсть бо власти, аще не отъ Бога», чтобы сказать, что искать въ христіанскомъ ученіи подтвержденія политическаго радикализма или антигосударственныхъ наклонностей еврейства ужъ во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности. Христіанскій соціализмъ сводится ни къ чему иному, какъ къ аскетизму: къ проповѣди отреченія отъ земныхъ благъ въ видахъ пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства. Отыскать въ этомъ ученіи какія либо точки соприкосновенія съ соціализмомъ послѣднихъ вѣковъ, ставящимъ во главу угла уравненіе всѣхъ въ пріобщеніи къ жизненнымъ благамъ, значитъ умышленно или по непониманію искажать истину.

Еще менѣе «отъ соціализма» въ «уставахъ и законахъ» Ветхаго Завѣта, основанныхъ на правдѣ и справедливости. Классовой точки зрѣнія Ветхій Завѣтъ не признаетъ и, хотя и проявляетъ должную заботу о пришельцѣ, вдовѣ, нищемъ и бѣднякѣ вообще, однако провидитъ, что «нищіе всегда будутъ среди земли» (Второзак., гл. 15 стихъ II) и требуетъ нелицепріятнаго суда не только въ томъ смыслѣ, чтобы не угождать «лицу великаго», но и въ томъ, чтобы «и нищему не благопріятствовать въ тяжбѣ его» (Исходъ, гл. 23 стихъ, 3-й и Левитъ гл. 19 стихъ 15). Что Моисеево законодательство опредѣленно охраняетъ право собственности, это ясно не только изъ основнй заповѣди «не укради», но и изъ цѣлой сѣти правилъ, нормирующихъ институты договорнаго и имущественнаго права. Такъ, нормируются договоры поклажи, займа и залога (Исх. гл. 22), наслѣдованіе (Второзак. гл. 21 стихи 15—17), находка (Второзак. гл. 22 ст. 1—3) и пр. пр., до права собственности на землю включительно: «не передвигай межи ближняго твоего, которую положили предки въ удѣлѣ твоемъ» (Второзак. гл. 19 ст. 14). Къ тому же Моисеево законодательство знаетъ и признаетъ, хотя и въ смягченной формѣ, институтъ рабства. Такъ гдѣ ужъ тутъ говорить о соціализмѣ!

Откуда же взялось у любителей «соціализма» убѣжденіе о близости ученій Ветхаго и Новаго Завѣтовъ къ уравнитель-

нымъ теоріямъ и проповѣди вождей утопическаго и историческаго соціализма. Надо полагать, это объясняется тѣмъ, что этика какъ Ветхаго Завѣта, такъ и Евангелія, какъ и всякая другая, впрочемъ, этика, исходитъ изъ положенія ««люби ближняго какъ самого себя». Она учитъ добру, справедливости и вообще человѣколюбію. И такъ какъ «любители соціализма» видятъ въ послѣднемъ высшее проявленіе правды и добра, то они болѣе или менѣе добросовѣстно относятъ къ соціалистамъ и всѣхъ тѣхъ историческихъ и даже легендарныхъ дѣятелей, которые заповѣдали міру искать правды («правды, правды ищи» — Второзак. гл. 16 ст. 20) и дѣлать добро («научитесь дѣлать добро: стремитесь къ правосудію, спасите угнетеннаго, заступитесь за сироту, явитесь защитниками въ дѣлѣ вдовицы» — Исаія гл. I ст. 17). Къ тому же не мѣшаетъ подкрѣпить современныя спорныя теоріи переустройства міра ссылками на признанные человѣчествомъ авторитеты. — Такимъ образомъ и попали Моисей, Пророки и Іисусъ Христосъ въ предтечи Маркса и Лассаля.

Никакихъ антигосударственныхъ тенденцій не могло быть и не было у евреевъ и въ разсѣяніи, въ средніе вѣка. Въ это время евреи были аполитичны — совершенно естественно, такъ какъ общегосударственная и общественная жизнь народовъ, среди которыхъ они жили, шла отъ нихъ особнякомъ, вовсе, или почти вовсе, ихъ не задѣвая. Насколько же были въ этомъ отношеніи исключенія, въ мусульманскихъ государствахъ, а также въ Испаніи и Португаліи, то отдѣльные евреи выступаютъ какъ царедворцы, какъ близкія къ правителямъ лица, поддерживающія государственную власть и иной разъ ведущія за собою также еврейскія массы, какъ напримѣръ въ Кастиліи, въ защиту Педро Жестокаго. Какъ въ средніе вѣка, такъ и въ наше время, у народныхъ еврейскихъ массъ, проникнутыхъ религіей, въ смыслѣ политики можно констатировать только одно: признаніе предержащихъ властей, находящее наружное выраженіе въ вошедшей въ богослуженіе молитвѣ за царя, за главу того народа, среди котораго евреи живутъ. Въ этомъ отношеніи не безинтересно, что еще пророкъ Исаія называетъ царя Кира персидскаго (Корешъ) «помазанникомъ божіимъ». Созданный въ XVI столѣтіи и пріобрѣвшій огромный авторитетъ у евре-

евъ Шулханъ-Арухъ (такъ сказать, конспектъ еврейскаго вѣроученія) обязываетъ вѣрующихъ «стремиться узрѣть царя, не только царя Израиля, но и царя народовъ міра». Въ средніе же вѣка условія соціальной жизни еврейскихъ массъ кладутъ основу тому порядку, который приводитъ еврейскій народъ въ его цѣломъ къ такому консерватизму, котораго не знаютъ другіе народы. Отчужденность отъ жизни другихъ народовъ, вытекающая изъ религіозныхъ взглядовъ, стойкая приверженность къ своей древней религіи, цементирующая еврейство, какъ особую отъ другихъ націю, инстинктъ національнаго самосохраненія, проявляющійся въ почитаніи всего своего и въ недовѣріи ко всему чужому, столько же, какъ и постоянныя преслѣдованія со стороны народовъ, среди которыхъ евреи живутъ въ діаспорѣ, приводятъ къ тому, что жизнь еврея въ XVII и даже въ началѣ XVIII столѣтія почти ничѣмъ не отличается отъ жизни еврея въ XII столѣтіи. Съ другой стороны, условія жизни гетто обратили евреевъ въ инертную, почти однородную, массу въ экономическо-соціальномъ смыслѣ. Всѣ они занимаются мелкой торговлей и изрѣдка тѣми ремеслами, которыя имъ, по тогдашнимъ законамъ, доступны. Лишь немногіе успѣваютъ накапливать богатства, но такъ какъ условія жизни и богатыхъ евреевъ почти ничѣмъ не отличаются отъ условій жизни еврейской массы, то никакого соціальнаго разслоенія не происходитъ. Только съ конца XVIII вѣка, когда евреи въ Германіи начинаютъ пріобщаться къ общеевропейскому просвѣщенію и съ начала XIX вѣка, когда они эмансипируются во Франціи Наполеономъ, тѣ или другіе усвоившіе общеевропейскія культурныя начала евреи начинаютъ интересоваться политическими вопросами, начинаютъ принимать участіе въ общественной и политической жизни страны. Впрочемъ, предтечей въ этомъ отношеніи былъ великій мыслитель Барухъ Спиноза, который еще въ концѣ XVII вѣка, живя въ свободной и толерантной Голландіи, написалъ, между прочимъ, «политическій трактатъ». И тутъ нельзя не замѣтить, что отнесеніе Спинозы къ радикально-политическимъ мыслителямъ является несомнѣннымъ недоразумѣніемъ. Наоборотъ, хотя Спиноза въ окончательномъ выводѣ и высказывался за республику (не забудемъ, что Голландія, въ которой онъ жилъ, была именно рес-

публикой), однако только потому, что одному человѣку не подъ силу нести бремя государственной власти. Въ то же время онъ указывалъ, что опытъ приводитъ къ убѣжденію въ необходимости, ради заботы о мирѣ и согласіи, передать власть одному человѣку. Ни одно царство, говоритъ республиканецъ Спиноза, не существуетъ такъ долго, какъ турецкое; ни одно государство не было менѣе прочнымъ, чѣмъ государства народныя или демократіи. Мало того, про Спинозу можно сказать, что онъ прямой преемникъ взглядовъ апостола Павла о повиновеніи «предержащей власти». Будучи абсолютнымъ позитивистомъ, отрицая естественное право, основанное на разумѣ вещей, и понимая право только, какъ проявленіе государственной власти, онъ признаетъ за послѣднею (въ теологическомъ трактатѣ, глава XVI) абсолютное право дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не связанное никакими нормами, и требуетъ отъ гражданъ безусловнаго повиновенія государственной власти. Насколько трезво смотрѣлъ Спиноза на политическіе вопросы и насколько его взгляды отличаются отъ всякаго рода фантастическихъ проектовъ переустройства человѣческаго общества, видно изъ того, что, по его мнѣнію, «безъ государства и принудительной его власти можно было бы обойтись только въ томъ случаѣ, если бы всѣ люди руководствовались только разумными соображеніями и не обладали никакими страстями».

Какъ уже было сказано, съ конца XVIII и съ начала XIX столѣтій евреи пріобщаются къ обще-европейской культурѣ и тутъ поневолѣ вступаютъ на путь политики, такъ какъ встрѣчаются съ тенденціей оставить ихъ въ безправіи и имъ приходится бороться за свою эмансипацію. Было бы, однако, ошибкой считать, что на безправіи евреевъ настаивала монархическая власть. Еще въ средніе вѣка, какъ это извѣстно всякому, знакомому съ еврейской исторіей, единственными почти заступниками за евреевъ являлись императоры и короли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и папы, противниками же ихъ выступали главнымъ образомъ представители бюргерства, видѣвшаго въ евреяхъ опасныхъ конкурентовъ. То же явленіе наблюдается и въ началѣ XIX столѣтія, причемъ ходатаемъ за бюргерство выступаетъ всесильная по тому времени бюрократія. Вотъ характерный

примѣръ. Въ 1806 году Моисей Кацъ, Schutzjude изъ Ротвейля проситъ разрѣшенія у Вюртембергскаго правительства принимать участіе въ публичныхъ торгахъ на продаваемыя за долги недвижимыя имѣнія. Ходатайство это отклоняется всѣми инстанціями и въ концѣ концовъ доходитъ до короля Фридриха Вюртембергскаго, рескриптъ котораго отъ 31 октября 1807 года гласитъ такъ: «Его Королевское Величество разсмотрѣлъ всеподданнѣйшій докладъ королевскаго министерства отъ 27-го октября сего года касательно прошенія еврея Моисея Каца изъ Ротвейля о Высочайшемъ разрѣшеніи пріобрѣтать продаваемыя за долги имѣнія и никакъ не можетъ раздѣлить боязливыхъ опасеній, высказанныхъ какъ вторымъ сенатомъ королевской оберъ-юстицколлегіи, такъ и королевскимъ государственнымъ министерствомъ, которые при этомъ руководствуются старыми законами, дѣйствовавшими только въ нѣкоторой и притомъ незначительной части государства и основанными главнымъ образомъ на нетерпимости, предразсудкахъ и ошибочныхъ воззрѣніяхъ того времени. Всякій, кто въ состояніи застраивать земельные участки, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ, ежели онъ королевскій подданный или пользуется правами такового, долженъ имѣть право обладать недвижимостями въ государствѣ, и Его Величество желаетъ, чтобы прошеніе означеннаго еврея Каца было разрѣшено въ благопріятномъ смыслѣ. Въ общемъ же Его Королевское Величество полагаетъ, что онъ не слишкомъ многого требуетъ, высказывая надежду, что королевское министерство въ будущемъ отрѣшится отъ предубѣжденій, царившихъ въ старомъ Вюртембергѣ, и въ докладахъ своихъ будетъ руководствоваться принципами, отвѣчающими духу высшаго просвѣщенія и прогрессивно-цѣлесообразнаго управленія государствомъ». Другой, еще болѣе характерный, примѣръ даетъ исторія Россіи. Я имѣю въ виду отношеніе къ евреямъ императрицы Екатерины II. Какъ много о ней ни писали, однако ея образъ, вѣроятно, для многихъ остается еще не вполнѣ яснымъ. Не мало русскихъ интеллигентовъ, проходя мимо ея памятника въ скверѣ противъ Александринскаго театра, думало, что, собственно говоря, ей не за что было поставить памятникъ и что она удостоилась его лишь потому, что императоръ Александръ II

приходился ей правнукомъ. При этомъ, конечно, вспоминали объ убійствѣ императора Петра III, о многочисленныхъ любовныхъ похожденіяхъ императрицы, вообще о ея «безнравственности». Между тѣмъ, это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и выдающихся женщинъ, которыхъ знаетъ исторія. Если вспомнить, что Екатерина, въ дѣвичествѣ принцесса Софія Августа Фредерика Ангальтъ-Цербтская, была дочерью состоявшаго на службѣ у Фридриха II, маленькаго князька, не сумѣвшаго даже дать ей поверхностное образованіе (она не умѣла грамотно писать ни на одномъ языкѣ и даже по нѣмецки постоянно путала mir и mich, и сопоставить это съ тѣмъ, что она не только пробила себѣ дорогу къ престолу обширнѣйшаго въ мірѣ государства, но и фактически управляла этимъ государствомъ и возвеличила его, по признанію всѣхъ выдающихся современниковъ, не исключая революціонеровъ ея времени — французскихъ энциклопедистовъ, то поневолѣ приходится передъ нею преклониться. Между прочимъ, Екатерина II вскорѣ послѣ восшествія на престолъ рѣшила вызвать въ Россію колонистовъ, въ особенности для южныхъ губерній, съ цѣлью оживленія торговли, промышленности и земледѣлія. Для этого именнымъ указомъ отъ 22 іюня 1763 года была создана «Канцелярія Опекунства Иностранныхъ», во главѣ которой императрица поставила наиболѣе близкаго ей человѣка Григорія Орлова. И вотъ, наперекоръ всѣмъ существовавшимъ въ ея время предразсудкамъ, она рѣшила включить въ число этихъ «иностранныхъ» также евреевъ. Однако, открыто это высказать она опасалась, зная культурную отсталость той среды, которая ее окружала, предразсудки ея по отношенію къ евреямъ. Вслѣдствіе этого, только гораздо позже, въ ноябрѣ 1769 года, въ указѣ кіевскому генералъ-губернатору Воейскову впервые было офиціально разрѣшено евреямъ поселиться во вновь созданной Новороссійской губерніи. До того же это намѣреніе императрицы пустить въ Россію евреевъ вырзилось, такъ сказать, въ заговорѣ ея съ приближенными лицами, отразившемся въ перепискѣ съ рижскимъ генералъ-губернаторомъ Брауномъ, въ коей всему дѣлу и былъ приданъ конспиративный характеръ. Въ письмѣ, доставленномъ Брауну секундъ-маіоромъ Ртищевымъ, значилось: «когда отъ канцеляріи опекунства будутъ рекомендо-

ваны нѣкоторые иностранные купцы Новороссійской губерніи, то имъ разрѣшить проживаніе въ Ригѣ для производства торговли на такихъ же основаніяхъ, какъ это дозволено закономъ купцамъ другихъ русскихъ губерній въ Ригѣ Ежели, далѣе, эти купцы отправятъ для поселенія въ Новороссію своихъ приказчиковъ, уполномоченныхъ и рабочихъ, то выдавать имъ для безопаснаго пути, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія, надлежащіе паспорта и давать имъ провожатыхъ. Ежели, наконецъ, изъ Митавы прибудутъ три или четыре человѣка, которые пожелаютъ отправиться въ Петербургъ изъ за требованій къ казнѣ, то выдать имъ паспорта, безъ указанія ихъ національности и не наводя справокъ объ ихъ вѣроисповѣданіи, а обозначить въ паспортахъ только ихъ имена. Для удостовѣренія своей личности эти люди предъявятъ письмо находящагося въ Петербургѣ купца Левина Вульфа. Къ этому письму императрица сдѣлала слѣдующую приписку на нѣмецкомъ языкѣ: „Wenn Sie mir (sic!) nicht verstehen, so wird es meine Schuld nicht seyn, diesen Brief hat der President von der Protektions-Canzelley selber geschrieben, halten Sie dieses alles geheim.“

Такимъ то таинственнымъ образомъ начато было водвореніе евреевъ въ Россіи. Какъ видно, самодержавіе Екатерины II не лишало ее необходимости очень и очень считаться съ мнѣніемъ и вкусами окружавшихъ ее лицъ и даже широкихъ массъ русскаго народа, для которыхъ «жиды» все оставались «врагами христовыми». Поэтому въ письмѣ тщательно избѣгается даже слово «еврей». Однако, Браунъ, очевидно, понялъ желаніе Екатерины, или же ему объяснилъ его на словахъ Ртищевъ. Послѣдній былъ немедленно командированъ въ Митаву къ русскому посланнику при герцогскомъ дворѣ фонъ Симолину съ секретнымъ порученіемъ и 7-го мая 1764 года вернулся отъ Симолина съ семью евреями. Евреи, которые водворялись въ Новороссію, были митавскіе купцы — Давидъ Леви, Моисей Аронъ, Израиль Лазарь и рабочій Яковъ Маркусъ, къ которымъ заботливая Екатерина не преминула присоединить равина Израиля Хаима и его помощника Натана Абрама изъ Бирзена, и даже моэля Лазаря Израиля, очевидно въ

видахъ устроенія религіозныхъ потребностей будущей еврейской общины. 9-го мая эти евреи, въ сопровожденіи Ртищева, были отправлены въ Петербургъ, причемъ генералъ-губернаторъ въ сопроводительномъ докладѣ заявилъ, что онъ «не ручается за то, чтобы удалось въ этомъ дѣлѣ сохранить тайну, такъ какъ евреи прибыли въ Ригу открыто и ихъ отъѣздъ, насколько онъ знаетъ эту націю, тоже едва ли будетъ сохраненъ въ тайнѣ».

Въ приложеніяхъ къ Бильбасовской исторіи Екатерины II есть ода, которою Шкловскіе евреи привѣтствовали Екатерину, когда она прибыла въ ихъ городъ въ 1780 году. Ода на еврейскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій и нѣмецкій языки. Заключительная строфа гласитъ: «Ты дозволила намъ проживать въ твоей странѣ въ мирѣ и безопасности, подъ сѣнью твоего благоволенія и подъ охраной твоего скипетра, въ согласіи съ природными жителями страны. Какъ и они, мы восхищаемся твоимъ величіемъ, какъ и они, мы проникнуты безсмертіемъ твоей славы и, какъ они, счастливы тѣмъ, что мы твои подданные». Также одою встрѣтили Екатерину и Могилевскіе евреи и Полоцкіе; послѣдніе устроили въ ея честь на рѣкѣ Двинѣ блестящую иллюминацію. Описывая въ письмахъ къ дѣтямъ это свое путешествіе, Екатерина съ особымъ удовлетвореніемъ упоминаетъ о чествованіи ея іезуитами и евреями. О іезуитахъ она, впрочемъ, говоритъ: „ah, qu'il y en a des coquins!“ а о евреяхъ, не взирая на ихъ странную наружность и одѣяніе, она отзывается вполнѣ одобрительно. Если вспомнить, при этомъ, что въ то время, и еще много позже, до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, рижско-нѣмецкое бюргерство, имѣвшее европейскій обликъ, вело борьбу за недопущеніе поселенія евреевъ въ Ригѣ и за разрѣшеніе пріѣзжающимъ на время въ Ригу евреямъ проживать только въ одномъ заѣзжемъ домѣ на московскомъ форштадтѣ, то можно оцѣнить, насколько Екатерина II по широтѣ взглядовъ и гуманности опередила свое время. И если бы русскіе евреи знали свою исторію и жили правильною общественною жизнью, то имъ надлежало бы 9-го мая 1914 года, въ день 150-лѣтія ихъ поселенія въ коренной Россіи, возложить вѣнокъ къ подножію бронзовой Екатерины, украшающей скверъ передъ Александринскимъ театромъ, ибо только

одной Екатеринѣ II они обязаны почином приобщенія ихъ къ жизни коренной Россіи. Но они не знали своей исторіи и ихъ дѣтская общественность не тѣмъ была занята, такъ что они этого не сдѣлали. Русскіе евреи оказались менѣе благодарными, чѣмъ еврейскій народъ вообще, который до сихъ поръ съ признательностью вспоминаетъ и Кира Персидскаго, и Александра Македонскаго. Евреи въ Австріи долго помнили своего благодѣтеля Іосифа II, а Наполеона I евреи всего міра прославляли и прославляютъ, какъ своего эмансипатора.

Какъ уже было упомянуто, съ конца XVIII и начала XIX столѣтія евреи пріобщаются къ жизни народовъ, среди которыхъ проживаютъ, и поневолѣ вступаютъ на путь политики. Въ тѣхъ странахъ, какъ Англія, Франція и Италія, гдѣ евреевъ было сравнительно не много, эмансипація дается легче и тутъ мы евреевъ въ оппозиціи правительству и правящимъ классамъ почти вовсе не встрѣчаемъ. Наоборотъ, въ германскихъ государствахъ, гдѣ евреевъ жило больше, какъ мы уже говорили, стремленіе къ равноправію встрѣчаетъ ожесточенное противодѣйствіе, за что притѣсняемые представители еврейской интеллигенціи привлекаютъ къ отвѣтственности правительства и иной разъ, совершенно несправедливо, монархическую власть. Въ результатѣ выступленіе видныхъ евреевъ въ роли вождей и застрѣльщиковъ оппозиціи. Стоитъ вспомнить Берне и Гейне, изъ которыхъ первый — выдающійся талантливый публицистъ — явился въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX столѣтія проповѣдникомъ либеральныхъ идей и политической свободы въ Германіи, а второй — геніальный поэтъ и остроумный публицистъ — осыпалъ германское юнкерство и абсолютизмъ прусскій и баварскій градомъ насмѣшекъ и не мало способствовалъ ниспроверженію царившихъ въ Германіи архаическихъ порядковъ. Въ противовѣсъ этому нельзя не указать, однако, на выдающагося политическаго дѣятеля Германіи, также какъ Берне и Гейне крещенаго еврея, приверженца ярко консервативныхъ взглядовъ. Я говорю о профессорѣ Фридрихѣ Юліи Шталѣ. Этотъ мало извѣстный евреямъ дѣятель сыгралъ въ свое время огромную роль въ политической жизни Пруссіи: онъ создалъ всю идеологію прусскихъ монархическо-

консервативныхъ партій. Родился Шталь въ Мюнхенѣ въ 1802 году, былъ, слѣдовательно, сверстникомъ Гейне, расцвѣтъ же дѣятельности Шталя, какъ профессора и политика, пришелся на сороковые и пятидесятые годы XIX вѣка, когда онъ сперва занялъ кафедру государственнаго права въ Берлинскомъ университетѣ, а затѣмъ (въ 1849 году) былъ назначенъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV пожизненнымъ членомъ Прусской Палаты Господъ и членомъ высшаго Совѣта евангелическаго исповѣданія. Принявъ христіанство въ 1819 году, 17 лѣтъ отъ роду, Шталь былъ, кажется, однимъ изъ немногихъ евреевъ, совершившихъ этотъ переходъ по убѣжденію. Трудно думать, чтобы христіанско-ортодоксально-консервативное міровозрѣніе, которое онъ проводилъ послѣдовательно въ жизнь, съ тѣхъ поръ какъ выступилъ на общественно-политическое поприще, было только личиной, одѣтой для того, чтобы сдѣлать карьеру. Наоборотъ, если вспомнить указанные уже факты созданія еврействомъ монархіи божьею милостью и отношенія христіанства къ предержащей власти, то іудейскимъ происхожденіемъ Шталя и христіанскимъ его вѣроисповѣданіемъ объясняются его политическіе и соціальные взгляды. По Шталю человѣческое общежитіе зиждется на нравственно-интеллектуальныхъ началахъ. Для утвержденія этихъ началъ существуетъ организація, называемая государствомъ. Она — учрежденіе человѣческое, но основу и цѣли своего бытія находитъ въ истинно-этическомъ божьемъ царствѣ, съ которымъ связана незримыми узами. Такимъ образомъ все учрежденіе государства покоится на божественномъ законѣ и тотъ же божественный законъ дѣлаетъ обязательнымъ для людей государственныя институціи: законъ и государственную власть. Послѣдняя осуществляется идеальнѣе всего въ лицѣ монарха, отъ Бога поставленнаго и передъ однимъ Богомъ отвѣтственнаго. Отсюда предпочтеніе, даваемое Шталемъ монархіи, въ которой вся суверенная власть находится въ рукахъ государя, всѣмъ другимъ формамъ правленія, не исключая парламентарной монархіи, какъ она существуетъ въ Англіи, гдѣ власть фактически находится въ рукахъ большинства (дѣйствительнаго или мнимаго) народа. Отстаивая монархическій принципъ, согласно которому вся власть

фактически и юридически должна находиться въ рукахъ монарха, отъ котораго всѣ прочія власти получаютъ свои полномочія, Шталь выступаетъ противъ фикціи — безотвѣтственности монарха и отвѣтственности назначаемаго имъ же, монархомъ, министерства. Въ полемикѣ съ извѣстнымъ либераломъ того времени Бассерманомъ Шталь сводитъ свои политическіе взгляды къ противоположенію двухъ принциповъ: авторитета, опирающагося на компетентности, и большинства, являющагося результатомъ случайности — Autorität gegen Majorität. Тѣмъ не менѣе Шталь признаетъ за народомъ право на представительство, которое, однако, должно выражаться въ «совѣтахъ», даваемыхъ монарху по всѣмъ вопросамъ личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ, не исключая и налогового вопроса, какъ это было указано въ положеніи о «Совѣтѣ Сословій», изданномъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III въ 1815 году. Впослѣдствіи Шталь пошелъ на уступки и допускалъ также участіе представителей народа въ законодательной дѣятельности, но при условіи, чтобы правительство не зависѣло отъ парламента ни въ вопросѣ финансовомъ, ни въ вопросахъ полиціи, дабы имѣть возможность бороться съ противо-государственными стремленіями. Читатели должно быть нѣсколько удивятся тому, что высказывавшіеся Шталемъ взгляды они уже гдѣ то слышали. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ воззрѣнія Шталя были восприняты и русскими монархически-консервативными партіями, не знаю, вѣдомо для себя или невѣдомо. Излагая, будто бы оригинальныя, русскія мысли о единеніи царя съ народомъ, о бумажной конституціи, которую пытаются поставить между царемъ и народомъ, о томъ, что царю вся власть, а народу свобода мнѣній и. т. п., русскіе славянофилы и монархисты повторяютъ слова еврея Шталя, въ свое время высказывавшаго точь въ точь тѣ же мысли для укрѣпленія государственно-монархическаго строя въ Пруссіи. Нечего говорить, что Шталь и противъ всякой революціи. Революція противорѣчитъ праву, говоритъ Шталь, ибо подданные въ этомъ случаѣ дѣлаютъ себя, вопреки смыслу всякаго права, судьями надъ верховной властью, источникомъ права. Конечно, революціи бываютъ, это фактъ, съ которымъ приходится считаться. Но фактъ печальный, часто объясняю-

щійся тѣмъ, что верховная власть была не на высотѣ. Изъ сего, однако, не слѣдуетъ, чтобы революцію признать явленіемъ правовымъ и находить ей какое либо оправданіе.

Не взирая на то, что этотъ идеологъ монархическаго начала и консерватизма былъ чистокровнымъ евреемъ, никому, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не приходило въ голову сдѣлать изъ этого выводъ, что еврейскій народъ по своей природѣ приверженъ къ монархіи и консервативенъ. Однако, стоило среди лицъ еврейскаго происхожденія почти одновременно со Шталемъ явиться теоретику революціи Карлу Марксу, какъ появились у христіанъ критики, а у самихъ евреевъ апологеты еврейства, какъ революціоннаго народа. Конечно, Карлъ Марксъ былъ несравненно болѣе яркой личностью, чѣмъ Фридрихъ Шталь и у него было больше таланта, но тѣмъ не менѣе широкое распространеніе, которое получило его ученіе по сравненію съ теоріями Шталя, объясняется вѣдь не еврейскимъ происхожденіемъ его, а тѣмъ, что нашлась гораздо болѣе обширная и восторженная аудиторія у Карла Маркса, чѣмъ у Шталя. Эта аудиторія была отнюдь не еврейская, а рабочія массы, главнымъ образомъ Германіи. Помимо происхожденія, Марксъ ничего общаго съ еврействомъ не имѣлъ. Онъ родился въ Трірѣ, 5-го мая 1818 года и былъ сыномъ адвоката Генриха Маркса, который въ 1824 году съ семействомъ перешелъ въ протестантство; такимъ образомъ, Марксъ уже съ шестилѣтняго возраста не былъ евреемъ по религіи. Женатъ онъ былъ на нѣмкѣ, въ еврейскомъ обществѣ не вращался и къ еврейству, какъ извѣстно, въ силу своихъ соціалистическихъ убѣжденій, относился отрицательно. Наконецъ, нельзя не вспомнить, что вся дѣятельность Маркса протекала въ постоянномъ сотрудничествѣ съ чистокровнымъ нѣмцемъ Энгельсомъ. Не останавливаясь здѣсь на научной дѣятельности Маркса, какъ автора «Капитала», нельзя, однако, не констатировать, что находить какую либо связь какъ между научной теоріей и научными пріемами Маркса, такъ его революціонной пропагандой (Коммунистическій Манифестъ) съ еврействомъ нѣтъ никакого основанія. Консервативный нѣмецкій писатель Адамъ Редеръ въ своей книгѣ «Реакція и антисемитизмъ» правильно называетъ Маркса «воспитанникомъ скептическихъ гер-

манскихъ профессоровъ и гегеліанцевъ» и пріурочиваетъ идею марксизма къ синтезу чувства состраданія къ эксплуатируемымъ народнымъ массамъ съ царствовавшимъ въ то время въ германскихъ университетахъ духомъ радикальнаго отрицанія во всѣхъ дѣлахъ религіи и метафизики. По его мнѣнію, авторъ «Жизни Іисуса» Давидъ Фридрихъ Штраусъ и авторъ «Сущности Христіанства» Фейербахъ являются истинными отцами марксизма. При этомъ онъ ссылается на свидѣтельство того же вышеупомянутаго alter ego Маркса Фридрика Энгельса. «Германская философія матеріализма, говоритъ Редеръ, изложенная и обоснованная коренными нѣмцами, продолженная и разработанная Молешотомъ, Бюхнеромъ, Карломъ Фохтомъ и Эрнстомъ Геккелемъ, отравила всю общественно-политическую, соціальную и хозяйственную атмосферу религіознымъ и этическимъ нигилизмомъ, который одинъ только и могъ породить соціалистическій матеріализмъ».

Остается скзать еще нѣсколько словъ о другомъ евреѣ — «соціалистическомъ богѣ нашего вѣка» Лассалѣ. На счетъ искренности революціоннаго настроенія этого вождя германскаго соціализма имѣются большія сомнѣнія. Въ доказательство можно сослаться на то, что Лассаль въ 16 лѣтъ, будучи ученикомъ лейпцигскаго коммерческаго училища и присутствуя на представленіи трагедіи Шиллера «Заговоръ Фіеско», вернувшись домой, написалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: «не знаю, хотя въ настоящее время образъ мыслей моихъ революціонно-демократически-республиканскій, тѣмъ не менѣе чувствую, что я на мѣстѣ графа Лаванья (т. е. Фіеско) поступилъ бы точно такъ же, и не удовольствовался бы тѣмъ, чтобы быть первымъ гражданиномъ Генуи, а простеръ бы свою руку къ вѣнцу. Если бы я родился принцемъ или княземъ, то навѣрно былъ бы душой и тѣломъ аристократъ, но такъ какъ я сынъ только простого бюргера, то я въ свое время буду демократомъ». Онъ былъ гораздо болѣе евреемъ по воспитанію и возрѣніямъ, чѣмъ Марксъ, и честолюбивыя мечты его иной разъ принимали національно-еврейское направленіе. Приблизительно въ то же время онъ написалъ въ своемъ дневникѣ: «когда я думаю о будущемъ, то излюбленной моей идеей является стать во главѣ евреевъ съ оружіемъ

въ рукахъ для того, чтобы сдѣлать ихъ самостоятельными». Что мечты о славѣ и власти въ томъ или другомъ видѣ не были только порожденіемъ юношеской фантазіи Лассаля, явствуетъ изъ того, что онъ много лѣтъ спустя передъ любимой женщиной, русской барышней Солнцевой, мечталъ вслухъ во томъ, какъ онъ въ качествѣ избраннаго германскимъ народомъ президента республики совершитъ свой торжественный въѣздъ въ Берлинъ — въ коляскѣ, запряженной шестеркой бѣлыхъ лошадей. Въ 1878 году, во время преній въ рейхстагѣ о законѣ противъ соціалъ-демократовъ, Бисмаркъ выступилъ въ рѣчью, въ которой вспомнилъ Лассаля и сказалъ о немъ слѣдующее: «это былъ одинъ изъ самыхъ остроумныхъ и обворожительныхъ людей, съ которыми я когда либо встрѣчался, интереснѣйшій собесѣдникъ, котораго хорошо было бы имѣть сосѣдомъ по имѣнію. Это былъ человѣкъ честолюбивый, въ благородномъ смыслѣ этого слова, и вовсе не республиканецъ; у него были ярко выраженныя національныя и монархическія убѣжденія. Идеаломъ, къ которому онъ стремился, была германская имперія, и здѣсь у насъ была общая точка соприкосновенія. Должна ли была въ Германской имперіи царствовать династія Гогенцоллерновъ, или же династія Лассалей, этого онъ не успѣлъ еще себѣ выяснить, но убѣжденія у него были чисто монархическія».

Въ pendant къ этому даровитому честолюбцу-соціалисту еврейскій народъ среди своихъ сыновъ считаетъ также честолюбиваго и одареннаго государственнаго дѣятеля ярко консервативнаго направленія-дѣятеля не теоретика, а совершившагс громадную практическую государственную работу во главѣ правительства величайшей міровой державы — Великобританіи. Я говорю о политикѣ, начавшемъ свою карьеру подъ скромнымъ именемъ Веніамина Израэли и закончившемъ ее въ роли перваго министра Англіи, лорда королевской печати, виконта Гюгенденскаго, графа Биконсфильда, кавалера ордена Подвязки. Какъ и тѣ общественные и полическіе дѣятели, о которыхъ я говорилъ выше, онъ былъ не евреемъ, а, какъ у насъ въ Россіи принято было выражаться, «изъ евреевъ». И онъ, подобно тѣмъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ (въ 1817 году) былъ окрещенъ отцомъ въ христіанскую вѣру. Но въ отличіе отъ тѣхъ

дѣятелей, онъ всю жизнь оставался «еврейскимъ патріотомъ», идеализировалъ еврейскую расу и не пропускалъ случая, чтобы не выразить гордости своимъ еврейскимъ происхожденіемъ. Свои симпатіи къ еврейскому народу онъ во многихъ случаяхъ проявлялъ активно. Ему евреи обязаны тѣмъ, что въ 1847 году достигли въ Англіи равноправія, за исключеніемъ доступа въ парламентъ (чему мѣшала формула присяги), а черезъ 10 лѣтъ, во время министерства Дерби-Дизраэли, и англійскій парламентъ открылъ свои двери евреямъ и Дизраэли самъ ввелъ въ Палату Общинъ перваго депутата-еврея, Ротшильда. Образцомъ сужденій Дизраэли о еврейской расѣ можетъ послужить слѣдующее мѣсто въ его біографіи лорда Бентинка: «еврейская раса связываетъ современные народы съ древнѣйшими временами, когда Творецъ былъ ближе къ созданному Имъ, чѣмъ въ настоящее время. Тогда ангелы спускались еще на землю. Евреи, какъ представители семитскаго принципа, природные спиритуалисты. Они — живое и яркое доказательство лживости современнаго ученія о природномъ равенствѣ людей и о космополитическомъ братствѣ, которое при своемъ осуществленіи только содѣйствовало бы паденію великихъ расъ. У евреевъ, наконецъ, наблюдается въ высокой степени инстинктъ пріобрѣтенія. Не взирая на то, что европейскія законодательства ставили себѣ задачей препятствовать евреямъ въ пріобрѣтеніи собственности, они всетаки успѣвали накоплять капиталы. Такимъ образомъ очевидно, что тенденція этой расы рѣшительно консервативная. Она имѣетъ прирожденное влеченіе къ религіозности, къ собственности и къ естественному аристократизму. Казалось бы, что при этихъ условіяхъ задачей государственныхъ людей было возрастить эти инстинкты высоко даровитой расы и примѣнить ихъ на пользу существующему обществу. На самомъ же дѣлѣ общество въ теченіе долгаго времени предпочитало преслѣдовать своихъ естественныхъ союзниковъ, или исключать ихъ изъ своей среды, и послѣдствія не преминули сказаться: яснѣе всего это было видно въ 1848 революціонномъ году, но чувствуется въ достаточной мѣрѣ всегда и повсюду. Гдѣ бы ни возникали стремленія къ уничтоженію семитской религіи, все равно, въ формѣ ли моисеева закона или христіанства,

гдѣ бы ни было борьбы за якобы природное равенство людей и отмѣну права собственности, тамъ мы встрѣчаемъ людей еврейской расы во главѣ тайныхъ обществъ и временныхъ правительствъ. Народъ господній работаетъ вмѣстѣ съ атеистами, наиболѣе способные пріобрѣтатели имущества вступаютъ въ союзъ съ коммунистами, избранная раса подаетъ руку отбросамъ и презрѣннѣйшимъ частямъ общества».

Въ этой цитатѣ отразились, конечно, не только еврейскія чувства Дизраэли, но еще въ большей степени его политическіе и общественные консервативные взгляды. Какъ это ни странно, а можетъ быть это и естественно, въ свободнѣйшей изъ всѣхъ европейскихъ странъ — Англіи, еврей — государственный дѣятель сталъ на сторону не либеральныхъ и не радикальныхъ идей, а на сторону монархизма и консерватизма. Веніаминъ Дизраэли почти всю свою политическую дѣятельность отдалъ партіи тори, стоявшей за монархію, за аристократію, за традиціи. Если онъ, въ силу своихъ политическихъ убѣжденій, и допустилъ въ приведенной цитатѣ нѣкоторыя преувеличенія, приписавъ людямъ еврейской расы черезъ чуръ роль большую въ революціонномъ движеніи, то онъ несомнѣнно былъ правъ въ томъ, во-первыхъ, что еврейскій народъ, какъ раса, въ своемъ цѣломъ имѣетъ большій наклонъ въ сторону консерватизма, чѣмъ въ сторону революціи, и, во-вторыхъ, въ томъ, что нелѣпая политика реакціонныхъ элементовъ христіанскихъ государствъ, выражавшаяся въ преслѣдованіяхъ евреевъ, загоняла многихъ изъ нихъ въ революцію. По первому пункту это объясняется соціальной структурой евреевъ, которые почти не имѣютъ пролетаріата, т. е. того фермента, который порождаетъ революціонныя движенія, и, живя, главнымъ образомъ, торговлей и ремесломъ, заинтересованы въ сохраненіи мира и порядка. По второму пункту можно сослаться на историческій примѣръ другихъ народностей, которыя также подвергались угнетенію. Если у поляковъ, королевство коихъ было подѣлено европейскими державами между собою, то и дѣло вспыхивали революціонныя движенія противъ угнетавшихъ ихъ государствъ, если чехи во время послѣдней войны дошли до государственной измѣны по отношенію къ Австро-Венгерской Имперіи, недо-

статочно, по ихъ мнѣнію, считавшейся съ ихъ національными интересами, то что удивительнаго, что евреи, не создавая сами революцій, примыкали къ революціоннымъ движеніямъ противъ угнетавшихъ ихъ правительствъ! И если никто не рѣшится утверждать, что поляки или чехи являются особо революціоннымъ народомъ, то столь же мало есть основаній изъ за участія евреевъ въ революціонныхъ движеніяхъ приписывать еврейскому народу какую то особую радикальность и революціонность. Равнымъ образомъ изъ изложеннаго также вытекаетъ, что ссылки враговъ и апологетовъ еврейства на то, что революціонность еврейской расы доказывается ея исторіей или исторической ролью тѣхъ или другихъ сыновъ Израиля, лишены всякаго основанія. Въ частности, еврейскій духъ въ соціализмѣ не выразился. Соціалистическое движеніе принимало разный характеръ, однако не народно-расовый, а національно-государственный, въ зависимости отъ политическаго и соціальнаго уклада, а также историческаго хода событій въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Поэтому Зомбартъ, который, опираясь на факты, отмѣтилъ въ своемъ трудѣ „Die Juden und das Wirtschaftsleben“значительную роль евреевъ въ созданіи капиталистическаго строя, въ другомъ своемъ трудѣ «Соціализмъ и соціальное движеніе», устанавливая національныя особенности въ соціальномъ движеніи, отмѣтилъ три типа его: англійскій, французскій и нѣмецкій. Къ послѣднему онъ отнесъ также теченія, вызванныя Лассалемъ и Марксомъ. Какого либо особаго «еврейскаго» соціализма онъ не нашелъ, да и не могъ найти, такъ какъ такого вовсе не было.

Тому, что соціальное движеніе въ разныхъ странахъ въ связи съ національно — государственными особенностями каждой страны принимаетъ разный характеръ, мы видѣли въ послѣднее время блестящее подтвержденіе въ Россіи. Перейдемъ же къ разсмотрѣнію русскаго революціоннаго движенія и роли, которую сыграло въ немъ русское еврейство.

Что русская революція пошла не отъ евреевъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не говоря уже о бунтахъ простонародныхъ, Стеньки Разина и Пугачева, и въ интеллигентскихъ кружкахъ, мечтавшихъ, начиная съ декабристовъ, произвести революцію въ Россіи, до начала

царствованія императора Александра II евреевъ не было. Когда въ началѣ царствованія Александра II нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ разрѣшено было селиться внѣ черты осѣдлости, когда передъ ними распахнулись двери школъ, средней и высшей, раскрылись и еврейскія сердца. Не мало евреевъ стало пріобращаться къ русской, и черезъ нее, къ обще-европейской культурѣ, въ особенности евреи западнаго края. Эти послѣдніе сразу попали въ тяжелое положеніе. Въ 1863 году вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе, которое перекинулось и на губерніи Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, гдѣ помѣщиками были поляки или ополяченные литовцы, да и значительная часть городского населенія по происхожденію или по симпатіямъ относила себя въ польскому народу. Евреи, которые жили въ городахъ, среди этого польского населенія, очутились межъ двухъ огней: имъ приходилось выбирать между Польшей и Россіею. И тутъ здоровый народный инстинктъ подсказалъ имъ, что нужно пойти съ Россіей, какъ съ той стороной, отъ которой они могли ожидать больше справедливости и человѣческаго отношенія, чѣмъ отъ поляковъ, которые, хотя издавна и терпѣли евреевъ, но относились къ нимъ всегда, какъ къ низшей расѣ. О бурѣ, произведенной въ еврейской средѣ польскимъ возстаніемъ, о душевной борьбѣ евреевъ западнаго края свидѣтельствуютъ краснорѣчивыя страницы романа еврейскаго писателя Леванды «Горячее время», напечатаннаго въ «Еврейской Библіотекѣ» Ландау 1871 до 1873 года. Съ шестидесятыхъ годовъ издавались уже журналы и газеты на русскомъ языкѣ, которые съ одной стороны проповѣдывали русскія патріотическія чувства, а съ другой взывали къ евреямъ о необходимости просвѣщенія. Въ это время, въ виду великихъ реформъ, всѣ сознательные русскіе евреи безъ исключенія, можно сказать, были русскими патріотами и монархистами, относясь къ Александру II буквально съ обожаніемъ. Знаменитый своей жестокостью къ полякамъ Муравьевъ относился къ евреямъ покровительственно, преслѣдуя здравую политику привлеченія значительной части населенія западнаго края, еврейской, на сторону русскихъ государственныхъ началъ. Политику эту поддерживалъ и самый выдающійся изъ русскихъ консервативныхъ публицистовъ Михаилъ Никифоровичъ Кат-

ковъ, который до конца дней своихъ оставался другомъ евреевъ. Катковъ понималъ, что евреи, съ одной стороны, въ силу естественнаго положенія вещей, въ силу собственныхъ интересовъ, сосредоточенныхъ, главнымъ образомъ, въ области торговли и промышленности, не могутъ не примыкать къ стремленіямъ, охраняющимъ цѣлокупность Россіи, на стражѣ которой онъ стоялъ, и что, съ другой стороны, ограниченія ихъ въ правахъ въ сущности никому не нужны и никому не полезны. Въ Россіи было достаточно народцевъ, жившихъ болѣе или менѣе сплошными массами, которые могли въ подходящій моментъ обособиться отъ Россіи. Евреи объ отдѣленіи отъ Россіи думать уже никакъ не могли и съ этой стороны опасности никакой не представляли. Правительство въ то время еще пользовалось симпатіями широкихъ круговъ общества и не имѣло надобности пользоваться евреями, какъ козломъ отпущенія, на который можно свалить всѣ свои грѣхи. Что же касается разныхъ несимпатичныхъ сторонъ евреевъ, на которыя указывали ихъ враги, то Катковъ и другіе разумные государственные дѣятели той эпохи (князь Суворовъ, Валуевъ и др.) полагали, что съ пріобщеніемъ евреевъ къ образованію, съ ихъ ассимилированіемъ (для чего, конечно, необходимо было уничтожить черту осѣдлости, отдѣлявшую евреевъ отъ русскаго народа) евреи обратятся до извѣстной степени въ русскихъ и заживутъ дружно и согласно съ русскимъ народомъ.

Быть можетъ, оно такъ и было бы, если бы Провидѣніе не пожелало повести Россію не по пути постепенной эволюціи, а черезъ «великія потрясенія» къ, увы, неизвѣстному и въ настоящее время будущему. Реформы императора Александра II встревожили правящіе классы. Съ другой стороны, революціонно настроенные круги общества находили, что политическая и общественная жизнь Россіи не двигается впередъ съ тою быстротой, которая казалась имъ необходимой. Соціалистическія ученія нашли почву въ Россіи еще въ царствованіе Николая I и зараженные ими адепты не направились по тому пути, по которому шли всѣ культурныя страны міра — къ установленію конституціоннаго строя, а устремились непосредственно къ соціалистическому перевороту. И въ отличіе отъ соціалистическаго

движенія въ Европѣ, которое могло болѣе или менѣе мирно пропагандировать свои идеи въ рамкѣ установившагося къ тому времени правового государства, русское движеніе, при самодержавіи, приняло характеръ подпольный и преступный, сопровождаясь террористическими актами. Русскіе соціалисты, начиная съ Бакунина и Нечаева, проповѣдывали, что всѣ средства хороши, лишь бы достигнуть великой цѣли. Цѣлью же являлось освобожденіе русскаго народа, т. е., за почти полнымъ отсутствіемъ промышленности и фабричнаго пролетаріата, русскаго мужичка, возведеннаго въ перлъ созданія, отъ гнета помѣщиковъ, чиновниковъ и самого царя. Въ результатѣ — многочисленныя покушенія на жизнь императора Александра II, заставившія государя усомниться въ правильности пути либеральныхъ реформъ, на который онъ такъ рѣшительно вступилъ въ началѣ своего царствованія. Пошли колебанія, хуже чего, какъ извѣстно, въ политикѣ не бываетъ, и получилось, съ одной стороны, усиленіе вліянія реакціонныхъ элементовъ на государственную политику и, съ другой стороны, умноженіе революціонныхъ группъ, все болѣе и болѣе терроризировавшихъ власть.

Указанныя условія отразились, конечно, и на отношеніяхъ правительства къ евреямъ. Послѣдніе думали, что не нынче — завтра спадутъ всѣ цѣпи и они будутъ признаны равноправными русскими гражданами. Взамѣнъ того они увидѣли, что въ такъ называемомъ еврейскомъ законодательствѣ не только получается застой, но и дѣлаются нѣкоторые шаги назадъ, какъ напримѣръ исключительныя мѣры для евреевъ въ дополненіяхъ къ уставу о воинской повинности. Черта осѣдлости отмѣнена не была, и такимъ образомъ ассимиляціи значительныхъ частей еврейскаго населенія съ русскимъ произойти не могло. А произошло нѣчто совершенно неожиданное для правящихъ круговъ: ассимилированіе части еврейскаго юношества съ революціонной русской молодежью. Вслѣдствіе этого, въ процессахъ того времени противъ революціонеровъ начинаютъ попадаться еврейскія фамиліи: Гольденбергъ, Геси Гельфманъ и др. Когда правительство задумалось надъ тѣмъ, отчего же евреи идутъ въ революцію, то рѣшило вопросъ чрезвычайно просто: почти всѣ революціонеры-евреи изъ воспитаниковъ

высшихъ учебныхъ заведеній. Значитъ, все зло отъ того, что евреевъ пустили въ эти учебныя заведенія, а изъ этого слѣдовало, что ихъ не нужно было туда пускать. И правительство въ 1887 году, при министрѣ народнаго просвѣщенія Деляновѣ, издаетъ невѣдомое до того цивилизованнымъ государствамъ постановленіе объ ограниченіи доступа въ среднія и высшія учебныя заведенія евреевъ нѣкоторымъ небольшимъ процентомъ.

Не останавливаясь на прочихъ притѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ евреевъ въ Россіи въ царствованія императоровъ Александра III и Николая II, до погромовъ включительно, которыя все болѣе и болѣе преисполняли еврейскій народъ въ Россіи негодованіемъ противъ правящей власти и вытравили въ немъ не только чувство преданности къ монархіи, но и патріотизмъ, я указываю на вышеозначенныя ограниченія въ области образованія, которыя прямо и непосредственно содѣйствовали увеличенію еврейскаго элемента въ революціонныхъ русскихъ партіяхъ. Вслѣдствіе этихъ мѣропріятій правительства множество еврейской молодежи оказалось недоучками, образуя незнакомый до того еврейскому народу полуинтеллигентный и голодный люмпенпролетаріатъ. Сверхъ того, значительное число молодыхъ людей вынуждено было искать возможности закончить образованіе заграницей. Можно себѣ представить, какую благодарную почву для революціонной пропаганды представила эта молодежь, когда она попала въ революціонныя гнѣзда, имѣвшіяся заграницей, въ особенности въ Швейцаріи; эта еврейская молодежь, озлобленная и иной разъ голодная, оторванная отъ родителей и близкихъ, которые при нормальныхъ условіяхъ могли бы хотя попытаться удерживать еврейскихъ юношей отъ отчаянныхъ и безумныхъ противоправительственныхъ выступленій! Что именно гоненія на евреевъ вообще и преслѣдованія еврейской учащейся молодежи, въ частности, влило въ ряды русскихъ революціонеровъ новыхъ ожесточенныхъ бойцовъ за политическій и соціальный переворотъ, это засвидѣтельствовалъ передъ судомъ въ Петербургѣ извѣстный соціалистъ-революціонеръ Гершуни. Его рѣчь закончилась тою же мыслью, которую въ свое время высказалъ лордъ Биконсфильдъ: «вы сами виноваты, что есть евреи революціонеры, ваши преслѣдованія загнали насъ въ рево-

люцію.» И, вѣроятно, его рѣчь заставила русскихъ государственныхъ мужей задуматься надъ вопросомъ. Самъ Плеве не нашелъ возможнымъ утвердить смертный приговоръ надъ Гершуни. Послѣдній былъ помилованъ, впослѣдствіи убѣжалъ изъ Сибири и умеръ заграницей.

Соціализмъ по нѣмецкому рецепту, съ борьбою за класовые интересы крайне незначительнаго въ то время въ Россіи рабочаго пролетаріата, въ царствованіе Александра II не нашелъ для себя подходящей почвы. Борьбу съ правительствомъ, какъ уже было выше указано, вели такъ называемые соціалисты-революціонеры, приспособившіе марксизмъ къ условіямъ русской жизни, къ преобладанію въ Россіи крестьянства, класса пролетарскаго лишь въ смыслѣ нищеты, въ которой крестьянство пребывало. Лозунгомъ борьбы являлись «земля и воля» — «воля» для всѣхъ и «земля» — для мужика. Въ виду того, что евреямъ на первыхъ порахъ все же казалось какъ то неподходящимъ выступать въ роли защитниковъ земельныхъ интересовъ русскаго крестьянства и что имъ приходилось, такимъ образомъ, съ чистымъ сердцемъ и полнымъ убѣжденіемъ отстаивать только половину лозунга — волю, они не могли пріобрѣсти особаго вліянія въ рядахъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Въ эту партію шли, главнымъ образомъ, чистокровные русскіе люди и командовали въ ней, въ особенности въ началѣ, они же. Иное мы наблюдаемъ въ соціалъ-демократической партіи, образовавшейся въ Россіи послѣ того, какъ нѣсколько развилась промышленность и появились въ достаточно большомъ количествѣ фабричные рабочіе. Русскій марксизмъ въ чистомъ его видѣ, списанный съ нѣмецкаго, никогда не былъ русско-національнымъ движеніемъ, и революціонно настроенной части русскаго еврейства, для которой воспріять соціалистическое ученіе по нѣмецкимъ книжкамъ не составило никакого труда, естественно было принять значительное участіе при пересадкѣ этого иностраннаго фрукта на русскую почву. Когда же русская соціалистическая партія раскололась на меньшевиковъ и большевиковъ, то — и это характерно для якобы расовой революціонности еврейства — почти всѣ евреи (какъ и грузины, впрочемъ) оказались въ правомъ эволюціонномъ меньшевистскомъ станѣ: на два-три русскихъ имени — Плеханова,

Засуличъ, Скобелева — насчитывалось, по меньшей мѣрѣ, съ десятокъ меньшевистскихъ лидеровъ съ еврейскими фамиліями. Всѣ эти Аксельроды, Мартовы, Даны, Либеры, Эрлихи, Абрамовичи и пр., какъ извѣстно, — русскіе евреи и, за смертью Плеханова и Засуличъ и выбытіемъ въ грузинское отечество Чхеидзе и Церетели, въ настоящее время одни, или почти одни, представляютъ «Россію» въ объединенномъ соціалистическомъ интернаціоналѣ. Съ большевиками имъ было не по пути: Ленинъ, по своей безшабашной тактикѣ, по отсутствію всякихъ моральныхъ принциповъ и задерживающихъ центровъ, по своей прямолинейной разрушительной тенденціозности, оказался для нихъ «товарищемъ» неподходящимъ. Когда грянула русская революція, то, какъ извѣстно, большевики вступили на путь прямой конкурренціи съ соціалистами-революціонерами въ смыслѣ завоеванія благоволенія народныхъ массъ. Если эсъ-эры предлагали мужику ограбить помѣщиковъ, то большевики призывали къ ограбленію не только помѣщиковъ, но и всѣхъ буржуевъ вообще. Если эсъ-эры заявляли, что они заключатъ миръ съ средне-европейскими державами болѣе или менѣе «приличный», то большевики выразили готовность заключить «похабный миръ», и не черезъ нѣкоторое время, какъ говорили эсъ-эры, а безъ всякаго отлагательства. Словомъ, эсъ-эры, а еще болѣе того большевики, дали соціалистическому движенію въ Россіи національно-русскій бунтарскій характеръ, и тѣмъ самымъ отшатнули отъ себя всю культурно-европейскую часть русско-еврейскихъ соціалистовъ.

Но, конечно, и среди послѣднихъ оказались нѣкоторые неустойчивые и нравственно подгнившіе индивидуумы — въ какой семьѣ не бываетъ урода? И эти личности не замедлили изъ меньшевиковъ обратиться въ большевиковъ, когда послѣдніе пошли по пути захвата власти. Такихъ евреевъ было не много: Троцкій, Урицкій и Володарскій — какъ будто бы всѣ! Впослѣдствіи, когда большевистскій переворотъ удался, когда большевики стали «правительствомъ», тогда къ нимъ потянулись и всякіе другіе представители еврейскаго лумпенпролетаріата, впервые увидѣвшаго возможность устроиться у казеннаго пирога. Что въ этомъ удивительнаго? Не только у русскаго, но и у русско-еврейскаго народа имѣются недоросли, претенціоз-

ные недоучки съ карьеристскими наклонностями, фанатики дегенераты и даже садисты — и всѣ они были встрѣчены большевиками, за неимѣніемъ лучшаго, распростертыми объятіями. А тамъ пошли и всякіе знакомые новыхъ комиссаровъ и знакомые знакомыхъ, главнымъ образомъ изъ за куска хлѣба.

Что же дѣлалъ за время критическаго для Россіи царствованія императора Николая II еврейскій «народъ» въ Россіи? Если не считать незначительныхъ группъ интеллигенціи и полуинтеллигенціи, рѣшившихъ, что если всѣ народы имѣютъ свои соціалистическія партіи, то не подобаетъ и еврейскому народу оставаться безъ таковыхъ, а потому, при почти полномъ отсутствіи у евреевъ пролетатріата, создавшихъ якобы національно-еврейскій «Бундъ» для Россіи и, не ограничиваясь этимъ, уже и будущія соціалистическія партіи для зримаго еще только въ мечтахъ Сіона, то русско-еврейскій народъ въ громадномъ своемъ большинствѣ интересовался русской политикой лишь постолько, посколько это касалось его равноправія. Сами русскіе евреи нерѣдко въ шутку говорили, что у нихъ даже землетрясеніе вызываетъ только одинъ вопросъ: «а какъ это отразится на чертѣ осѣдлости?» Это всепоглощающее значеніе вопроса о равноправіи имѣло пагубныя послѣдствія. Такъ какъ равноправіе могло придти, судя по всему, лишь съ паденіемъ самодержавія и установленіемъ демократическаго строя, то русскіе евреи стали конституціоналистами и демократами и еврейскіе общественно-политическіе дѣятели (насколько таковые могли, при отсутствіи правильной организаціи, представлять еврейскій народъ) признали руководящимъ началомъ, что евреямъ не подобаетъ сидѣть правѣе «кадетъ», и сами садились, кто съ кадетами, а кто и съ такъ называемыми трудовиками. Русское правительство, вслѣдствіе этого, окончательно зачислило еврейскій народъ во враги отечества. Но это было еще съ полгоря — хуже того было, что многіе еврейскіе политики зачислили и самыхъ себя въ такіе враги, ожесточивъ свои сердца и переставъ различать между «правительствомъ» и отечествомъ — Россіей. Въ этомъ отношеніи грѣшила и наиболѣе организованная и вліятельная еврейская народная партія сіонистовъ. Сіонисты, отлично знавшіе, что даже при осуществленіи Сіона русскіе евреи

въ своей массѣ не могутъ покинуть и не покинутъ Россіи, стали по меньшей мѣрѣ равнодушными къ судьбамъ послѣдней. И они, и другіе еврейскіе націоналисты, подъ вліяніемъ лжедемократическаго лозунга «самоопредѣленія народностей» не уразумѣли, что для единаго русскаго еврейства распадъ Россіи на отдѣльныя національныя самоопредѣляющіяся госдарства представляется національнымъ бѣдствіемъ. И мы видимъ, въ наступившіе для Россіи критическіе дни, съ одной стороны — еврейскихъ націоналистовъ разныхъ отѣнковъ, спорящихъ о томъ, какому языку отдать преимущество: древне-еврейскому или народному (идишъ), и, съ другой стороны, еврейскихъ политиковъ, говорящихъ отъ имени «украинскихъ» и всякихъ другихъ евреевъ, но не видимъ русско-еврейскихъ патріотовъ.

Когда народъ — любой національности — живетъ въ опредѣленномъ государствѣ, онъ поневолѣ дѣлитъ благоденствіе и невзгоды послѣдняго. Когда этотъ народъ, какъ еврейскій, не можетъ стремиться къ отдѣленію территоріи, на которой онъ живетъ, отъ цѣлаго, то его счастье и благоденствіе связаны съ этой страной на вѣки вѣчные, и эта страна не только есть, но и должна быть ему отечествомъ. Евреи въ другихъ странахъ, не взирая на то, что они сіонисты и т. д., не перестаютъ чувствовать себя сынами Германіи, Америки, Англіи и пр. И русскіе евреи, не взирая на всѣ притѣсненія, которыя имъ чинились въ Россіи, не должны были утратить сознанія, что они русскіе граждане и что имъ надлежитъ быть русскими патріотами въ томъ смыслѣ, какъ это пониетъ самъ русскій народъ, или громадное его большинство. Справедливость должна была подсказать евреямъ также, что они въ Россіи видѣли не одно зло. Хотя и медленно, однако, благосостояніе ихъ увеличивалось. Культура, и даже національная культура, росла. Они заняли весьма выдающееся положеніе въ экономической жизни страны: первые строители желѣзныхъ дорогъ были евреи, въ учрежденіяхъ частныхъ банковъ играли большую роль — евреи, въ интеллигентскихъ профессіяхъ они заняли подобающее мѣсто. Сама пресловутая черта осѣдлости не мѣшала тому, чтобы значительныя части еврейства все болѣе и болѣе просачивались въ коренную Россію. И эти отслойки еврей-

ства въ концѣ концовъ поневолѣ приводили правительство къ необходимости узаконять фактическое положеніе дѣла. Наконецъ, со времени учрежденія Государственной Думы русское еврейство получило и нѣкоторыя политическія права. Были надежды, что и самое равноправіе съ теченіемъ времени не замедлитъ придти — для этого вовсе не нужно было разрушенія русской государственности. Поэтому указанное выше равнодушіе еврейскихъ массъ и еврейскихъ лидеровъ къ судьбамъ Великой Россіи было роковой политической ошибкой. Это осознано теперь и русскими сіонистами, которые при строительствѣ Сіона лишились поддержки самой цѣнной для нихъ части мірового еврейства — евреевъ Великой Россіи.

Какъ уже было указано, евреи въ общей своей массѣ, какъ ни толкали ихъ отъ себя консерваторы и какъ ихъ ни тянули къ себѣ революціонеры, были за собственность и порядокъ, и остались таковыми и послѣ большевистскаго переворота, какъ и подобало старому народу «закона». Что это было такъ, явствуетъ изъ того, что сообщаетъ Ленинъ, котораго никто не заподозритъ въ намѣреніи уменьшить успѣхи большевизма, о результатахъ выборовъ въ Учредительное Собраніе (въ брошюрѣ «Выборы въ Учредительное Собраніе и диктатура пролетаріата»). Онъ говоритъ, что на правой, т. е. противобольшевистской сторонѣ при выборахъ были «націоналисты, а именно евреевъ 550.000», слѣдовательно приблизительно все то, подавшее голосъ еврейское населеніе, которое жило въ неоккупированной части черты осѣдлости. Эта «офиціальная» статистика, конечно, имѣетъ гораздо большее значеніе для разрѣшенія вопроса о революціонности еврейскаго народа, чѣмъ статистическія попытки подсчета еврейскихъ комиссаровъ въ большевистскомъ правительствѣ. И тѣмъ не менѣе евреи не должны закрывать, въ интересахъ правильности своей будущей политики, глаза на то обстоятельство, что самоограниченіе себя еврейскаго, по существу консервативнаго, народа въ русской политикѣ интересами узко-національными, могло способствовать тому, что деклассированная часть еврейства использовала большевицкій переворотъ въ своихъ своекорыстныхъ интересахъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ интересами русскаго еврейства.

Изложенные выше факты исторической жизни евреевъ доказываютъ, что приписываемыя евреямъ особая революціонность и стремленіе къ разрушенію государственныхъ и общественныхъ основъ есть одна изъ многочисленныхъ сказокъ, распространяемыхъ про евреевъ, иной разъ злоумышленно, иной разъ по недомыслію; что наблюдаемыя въ исторіи евреевъ противоправительственныя выступленія, также какъ и другихъ народовъ, главнымъ образомъ объясняются притѣсненіями со стороны близорукихъ общественныхъ слоевъ и правительствъ, которымъ евреи то и дѣло подвергались; что въ іудаизмѣ не только нѣтъ ничего антигосударственнаго или антиобщественнаго, но, наоборотъ, имѣются всѣ элементы общественнаго порядка и законности; что въ общей своей массѣ евреи не менѣе, а скорѣе болѣе, другихъ народовъ консервативны, но что вслѣдствіе особенностей своей исторіи, разсѣянія среди другихъ народовъ, евреи шатаются между культурой тѣхъ государствъ, въ которыхъ они живутъ, и своею собственною національною культурою; они еще не дошли до синтеза этихъ культуръ и потому представляютъ въ странахъ отсталыхъ, какой была Россія, сравнительно благодарную почву для попытокъ сдѣлать ихъ безразличными или даже враждебными интересамъ той страны, съ которой они, однако, неразрывно связаны, въ результатѣ чего они, сами того не сознавая, могутъ готовить себѣ еще большія бѣды, чѣмъ тѣ, которыя угрожаютъ коренному населенію.

Когда въ Россіи взяли верхъ большевики и укрѣпили въ ней свое разрушительное господство, то евреи-сіонисты, націоналисты, ортодоксы и пр., подобно всѣмъ прочимъ далеко не революціоннымъ частямъ русскаго народа, были ошеломлены и приведены къ молчанію. Они молчатъ и теперь. Но тѣмъ евреямъ, которые выбрались изъ Россіи и которые могуть свободно говорить, тѣмъ молчать нельзя! Они должны сознать свою ошибку и не судить ту Великую Россію, въ которой они жили и съ которой они сжились въ теченіе сотни лѣтъ. Они должны также вспомнить, какъ они требуютъ справедливости къ себѣ и какъ они недовольны, когда ихъ осуждаютъ всѣхъ огульно за дѣянія отдѣльныхъ лицъ. Россію на скамью подсудимыхъ не посадишь, евреевъ оттуда не выведешь, слѣдовательно, надо

всячески содѣйствовать такому ея возстановленію, чтобы евреи могли въ ней спокойно, мирно и благополучно жить. Спорнымъ, конечно, является вопросъ, что понимать подъ возстановленіемъ Россіи, но если это для евреевъ-соціалистовъ разрѣшается въ формѣ длительнаго устроенія Россіи на соціалистическихъ и партикуляристическихъ началахъ, то для еврейскаго народа, въ которомъ соціалисты являются ничтожной группой, въ значительной своей части оторванной отъ націи — чего стоятъ одни русскіе псевдонимы еврейскихъ соціалистовъ! — возстановленіе Россіи есть возращеніе къ старой Великой Россіи, конечно, безъ ея многочисленныхъ недостатковъ и пороковъ.

И должно надѣяться, что, когда царство «ликующихъ, праздноболтающихъ, умывающихъ руки въ крови» большевиковъ кончится и Россія будетъ возстановлена, то русско-еврейскій народъ, отнюдь не отказываясь отъ своей національной культуры, пойметъ, что онъ не можетъ разрывать и съ русской культурой, на которой воспиталась вся его интеллигенція. Всѣ знаютъ прекрасное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, написаное въ 1882 году: «Въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома. Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Эти пророческія слова гораздо болѣе подходятъ къ тому, что совершается теперь тамъ, дома, чѣмъ то, что было въ 1882 году. И этотъ домъ также нашъ домъ, домъ русскихъ евреевъ. Свидѣтельство этому то, что великій, правдивый, свободный и могучій русскій языкъ также языкъ многихъ насъ, русскихъ евреевъ, хотя и стоящихъ на точкѣ зрѣнія того, что старый еврейскій народъ имѣетъ свою собственную драгоцѣнную національную культуру, которую онъ долженъ оберегать и развивать, однако учившихся въ русскихъ гимназіяхъ и университетахъ и тамъ оцѣнившихъ также Пушкина, Турненева и Толстого. Много вѣковъ тому назадъ изгнанные изъ Германіи евреи, переселившіеся въ Польшу, также взяли съ собою языкъ того народа, съ которымъ они жили, и до сихъ поръ сохранили вѣрно

этотъ языкъ, разговаривая на немъ до настоящаго дня. Это — народный языкъ польскихъ и русскихъ евреевъ и въ качествѣ такового имѣетъ свою неоспоримую цѣнность. Надо надѣяться, что наши сограждане-идишисты, отстаивающіе этотъ языкъ какъ «народный», не взирая на то, что онъ заимствованъ у другого народа, придутъ къ убѣжденію, что нѣтъ основанія иначе относиться и къ русскому языку, на которомъ говоритъ и мыслитъ русско-еврейская интеллигенція. Надо надѣяться также, что тѣ части послѣдней, которыя находятся теперь внѣ Россіи, будутъ счастливѣе своихъ германскихъ предковъ и скорѣе ихъ вернутся на свою русскую родину. И надо желать, чтобы тогда русскій языкъ не только былъ общимъ у нихъ съ русскими согражданами въ томъ смыслѣ, чтобы и тѣ, и другіе на немъ разговаривали, но чтобы онъ былъ общимъ языкомъ и въ другомъ смыслѣ: чтобы они другъ друга правильно понимали и вмѣстѣ шли дружно впередъ, имѣя общую цѣль: счастье и благоденствіе Великой Россіи и неразрывно связанныхъ русскаго и русско-еврейскаго народа.

В. Мандель.

Д. С. ПАСМАНИКЪ

Чего же мы добиваемся?

Относительно современнаго русскаго еврейства существуютъ теперь двѣ необычайно упрощенныя формулы: I. Для однихъ — для нихъ — все русское еврейство повинно въ большевизмѣ, его зарожденіи и появленіи, равно какъ и въ его развитіи и укрѣпленіи. Это мнѣніе защищается не только тѣми, которыхъ принято называтъ антисемитами, но и очень многими, этимъ порокомъ не страдающими. Оно превратилось теперь въ ходячую аксіому. Но я удивлю, навѣрно, очень многихъ изъ моихъ читателей, если я имъ сообщу, что и очень многіе евреи въ Россіи, хотя и въ юмористической формѣ, высказываютъ тотъ же взглядъ. Не такъ давно ЕКБ (еврейское корреспондентское бюро, защищающее сіонистскіе интересы) опубликовало въ различныхъ еврейскихъ газетахъ статью Клинова: «Еврейскій юморъ насчетъ большевизма». Приведу здѣсь для примѣра нѣсколько анекдотовъ изъ этой статьи:

«Если за столомъ сидятъ шесть комиссаровъ, что подъ столомъ? — Двѣнадцать колѣнъ Израиля».

Современное положеніе характеризуется такъ: «Чай Высоцкаго, сахаръ Бродскаго, Россія Троцкаго.»

«Происходитъ засѣданіе совнаркома. Вдругъ Каменевъ заявляетъ, что ему надо спѣшно уйти. Куда? Въ синагогу, чтобы совершить молитву поминокъ объ умершемъ отцѣ (для чего требуется наличіе минимумъ десяти взрослыхъ евреевъ). Тогда Ленинъ заявляетъ: «Для чего уходить? Я выйду и ты можешь совершить свою молитву здѣсь на мѣстѣ».

«Еврей присужденъ революціоннымъ трибуналомъ къ смертной казни. Въ ужасѣ онъ вскрикиваетъ по еврейски традиціонную формулу: «Слушай Израиль, нашъ Господь — Единый Богъ». Весь трибуналъ инстинктивно встаетъ и отвѣчает: «Да будетъ благословенно Его Царство во вѣки вѣковъ».

Еврейскій юморъ комбинируетъ начальныя буквы словъ: «Что такое трестъ». «Троцкій разрѣшилъ евреямъ свободную торговлю». (Цитирую еврейскую газету «Die Zeit» от 13 апрѣля 1923 г.)

Этотъ болѣзненный еврейскій юморъ превосходитъ все, что создано клеветническимъ раціонализмомъ антисемитовъ. Мы вѣдь знаемъ, что въ Совнаркомѣ очень мало евреевъ, тоже самое въ Губисполкомахъ и во ВЦИК. И несмотря на это, еврейская иронія создаетъ формулы, которымъ позавидуютъ всѣ антисемиты міра. Почему? Потому что на большевистскомъ экранѣ Каменевы, Зиновьевы, Троцкіе, Бриллліанты-Сокольниковы, Радеки, Нахамкесы, Ларины и т. д. занимаютъ слишкомъ много мѣста, такъ что они прикрываютъ собой не только многотысячную рабоче-матроско-бандитско-коммунистическую массу, но и Раковскихъ, Осинскихъ, Бухариныхъ, Сталиныхъ и иногда даже самого Ленина. Понятно, что это — не раціональная соціологія, а лишь ирраціональная психологія. Но въ обстановкѣ сумасшествія, переживаемаго теперь всей Европой, психологія куда болѣе дѣйственна, чѣмъ соціологія.

Для другихъ, — т. е. для нѣкоторыхъ еврейскихъ группъ — все русское еврейство вынуждено мириться съ большевизмомъ, потому что лишь онъ одинъ гарантируетъ русское еврейство отъ погромовъ, неизбѣжныхъ якобы въ случаѣ крушенія совѣтской власти. Это мнѣніе сконструировало своеобразную соціологію: въ Россіи мыслима только альтернатива — либо большевизмъ, либо монархія, опирающаяся на черную сотню. Все необычайно упрощено и выводы превращены въ чуть-ли не незыблемую догму.

Участники даннаго сборника, основываясь на изученіи объективныхъ жизненныхъ фактовъ въ ихъ динамическо-исторической перспективѣ, съ одинаковой рѣшительностью отвергаютъ и первое, и второе мнѣніе, не боясь говорить правду и христіанамъ, и евреямъ, а главное, не боясь взвалить часть отвѣтственности за все происшедшее и на плечи еврейства. Лишь люди безъ рода и племени отказываются отъ отвѣтственности. Тѣ русскіе люди, которые отрицаютъ отвѣтственность русскаго народа за событія послѣднихъ шести лѣтъ, отказываются отъ своей собственной исторіи и культуры, они превращаютъ весь русскій народъ изъ творца жизни въ ея раба, изъ субъекта исторіи въ ея объекта. Но точно также поступаютъ и тѣ евреи, которые превращаютъ все еврейство въ стадо барановъ, страдающее отъ садизма взбѣсившагося пастуха. Отвѣтственность — господское качество, и лишь рабы отъ нея увиливаютъ.

Плохо, или хорошо, но послѣднее полъ-столѣтія русское ев-

рейство принимало дѣятельное участіе въ жизни Россіи, и поэтому оно отвѣтственно — вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ и со всѣми инородцами, населяющими великую Россію — за всѣ ея радости, но и за всѣ печали. И если евреи проявили больше активности, чѣмъ вотяки, мордва, зыряне и т. п., если они не считались съ процентной нормой — и въ добрѣ, и въ злѣ, — то это можетъ лишь поднять ихъ гордость. Отъ отвѣтственности можетъ отказаться лишь тотъ, который не способенъ ни къ какой дѣйственности, или же отъ нея сознательно отказался.

Такъ какъ въ послѣднее время авторы этого сборника подвергались особенно жестокой аттакѣ со стороны сіонистовъ, то да будетъ мнѣ позволено здѣсь напомнить нѣсколько фактовъ. Когда обсуждалась т. н. Гельсингфорская программа (въ 1906 г.) редакціонный комитетъ во главѣ съ В. Е. Жаботинскимъ настаивалъ на внесеніи въ программу требованія народовластія. И если этотъ пунктъ былъ отвергнутъ, то лишь по моему настоянію и послѣ моего указанія, что такое требованіе могут выставлять лишь тѣ, кто готовы выйти на баррикады. Но, во всякомъ случаѣ, авторы этого требованія брали, вѣдь, на себя извѣстную отвѣтственность.

Второй примѣръ: уже во время революціи сіонистскій съѣздъ въ Петроградѣ постановилъ, что кандидаты отъ еврейства въ Учредительное собраніе должны проходить, гдѣ это возможно, исключительно по еврейскому списку, а гдѣ это невозможно, сіонисты обязаны поддерживать русскія партіи не правѣе народныхъ соціалистовъ. Тогда я впервые нарушилъ сіонистскую дисциплину, такъ какъ я былъ кандидатомъ отъ кадетской партіи въ губерніи, гдѣ евреи собственными силами не могли побѣдить. Несомнѣнно, что такое рѣшеніе обусловливаетъ собою огромную отвѣтственность. Получалось нѣчто совершенно безсмысленное: какъ будто все русское еврейство, со всей его крупной и мелкой буржуазіей — соціалистично. Какъ-же можно послѣ всего этого отмахиваться отъ отвѣтственности?

А дальше? Тѣ же сіонисты и вообще еврейскіе націоналисты вмѣстѣ съ бывшимъ бундовцемъ и нынѣшнимъ коммунистомъ Рафесомъ поддерживали долгое время сумбурное правительство Петлюры-Винниченко даже и тогда, когда на Украинѣ происходили ожесточенные анти-еврейскіе погромы. Когда-нибудь мы

разскажемъ подробнѣе эту печальную страницу въ исторіи русскаго еврейства. Что-же, и здѣсь мы свободны отъ отвѣтственности?

И наконецъ: когда большевики захватили власть въ Россіи, представители всѣхъ еврейскихъ партій, включая сіонистовъ и бундовцевъ, выступили открыто и рѣшительно противъ т. н. коммунистовъ. Но нельзя же отрицать, что значительное количество евреевъ участвовало во всѣхъ большевистскихъ безобразіяхъ и содѣйствовало кристаллизаціи совѣтской власти. Очень правильно было отмѣчено: само появленіе большевизма было результатомъ особенностей русской исторіи, русскаго «національного» духа, но организованность большевизма была создана отчасти дѣятельностью еврейскихъ комиссаровъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность одного Троцкаго, въ качествѣ военнаго министра, имѣетъ далеко не второстепенное значеніе. Отвѣтственно ли еврейство за Троцкихъ? Несомнѣнно. Какъ разъ національные евреи не отказываются не только отъ Эйнштейновъ и Эрлиховъ, но и отъ крещенныхъ Берне и Гейне. Но въ такомъ случаѣ они не имѣютъ права отрекаться отъ Троцкаго и Зиновьева.

Съ другой стороны, во всемъ вопросѣ объ отвѣтственности еврейства за большевиковъ-евреевъ мы должны прежде всего считаться съ психологіей неевреевъ, всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые непосредственно пострадали отъ злодѣйствъ и разрушительной дѣятельности большевиковъ. Съ этой психологіей мы должны считаться, как съ фактомъ. Хорошъ-ли онъ или плохъ, это — другой вопросъ, но тѣ еврейскіе общественные дѣятели, которые хотятъ предупредить кровавыя трагедіи въ будущемъ, попросту говоря, которые хотятъ спасти русское еврейство отъ погромовъ, должны съ этимъ фактомъ считаться.

Это означаетъ прежде всего точно опредѣлить свою долю отвѣтственности и тѣмъ самымъ опровергнуть клеветы антисемитовъ и болѣзненный юморъ самихъ евреевъ. Это значитъ напомнить русскимъ ихъ огромную отвѣтственность не только за все исключительно ими созданное прошлое, но и за Ленина со всѣми его сподвижниками изъ всѣхъ сословій и классовъ, начиная матросами и кончая царскими генералами, сановниками, охранниками и даже епископами, потребовавшими распятія патріарха Тихона.

Это значитъ напомнить польскимъ лицемѣрамъ, устраивающимъ погромы изъ-за разстрѣла Будкевича, что во главѣ большевистской инквизиціи — Чека — стоитъ чистокровный полякъ Дзержинскій, напомнить латышамъ, что они сыграли въ совѣтской Россіи самую позорную роль кровожадныхъ палачей — вмѣстѣ съ китайцами. Однимъ словомъ, мы честно признаемъ нашу долю отвѣтственности. Это вовсе не означаетъ приспособленіе къ антисемитизму, какъ объ этомъ протрубили нѣкоторые еврейскіе демагоги. Считаться съ этимъ фактомъ означаетъ для насъ лишь одно: активную борьбу съ большевизмомъ и содѣйствіе возрожденію Россіи на основахъ закономѣрнаго прогресса и культурности.

II.

Погромщики по принципу и по призванію не ждали признанія нашей доли еврейской вины, и не имъ оно нужно. Это признаніе важно для насъ самихъ, это — нашъ моральный долгъ, который намъ повелѣваетъ напречь всѣ свои силы въ цѣляхъ борьбы съ большевизмомъ. Она намъ диктуется не только практическими соображеніями, о чемъ рѣчь будетъ впереди, но и самимъ духомъ историческаго іудаизма, который является прямой противоположностью большевистской идеологіи, тѣмъ паче совѣтской практикѣ.

Поскольку большевизмъ вытекаетъ изъ марксизма, напомнимъ, что Марксъ въ своей статьѣ «Zur Judenfrage» предсказалъ, что съ исчезновеніемъ капитализма исчезнетъ и еврейство. Берлинскій представитель совѣтской власти заявилъ три года тому назадъ, что побѣда большевизма неизбѣжно приведетъ къ смерти еврейства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь шла не объ индивидуально-матеріальной, а о національно-духовной смерти нашей народности.

Характерно, что именно тѣ еврейскія группы, которыя считаютъ, что сохраненіе основъ іудаизма составляетъ ихъ монополію, даже не дали себѣ труда выяснить свое отношеніе къ большевизму, какъ къ идеологіи и міросозерцанію. Въ своей книгѣ: «Русская революція и еврейство» мы постарались выяснить непримиримое противорѣчіе, существующее между большевизмомъ и іудаизмомъ. Для еврейскаго націоналиста это обстоятельство, вѣдь, имѣетъ рѣшающее значеніе. Ибо если

это такъ — и сіонистскіе критики даже не попытались опровергнуть эту часть моей работы —, т. е. если вѣрно, что идеологія большевизма враждебна основамъ и всему міровоззрѣнію іудаизма, то ясно, что побѣда большевизма обозначала бы смерть іудаизма, слѣдовательно, и еврейства. Оно такъ и есть. Уже въ самомъ началѣ появленія большевизма я заявилъ: духовный разгромъ іудаизма большевиками куда опаснѣе для русскаго еврейства, чѣмъ всѣ погромы. Тогда меня одинъ правовѣрный кадетъ-еврей обозвалъ антисемитомъ, желающимъ обѣлить «бѣлое» движеніе. Съ тѣхъ поръ прошло три года. Дѣйствительность превзошла всѣ мои предсказанія: все молодое поколѣніе русскаго еврейства духовно вымираетъ, всѣ основы національно-еврейской культуры расшатаны, всѣ святыни наши втоптаны въ грязь. И будемъ же правдивы: вся эта разрушительная работа произведена руками не Калинина, Ленина и Рыкова, а разныхъ еврейскихъ коммунистовъ изъ пресловутой евсекціи. Сколько бы ни боролись большевики съ православіемъ, они русскаго національнаго духа и творчества, русской культуры и цивилизаціи не уничтожатъ, ибо власть земли русской преодолѣетъ всѣ махинаціи неистовствующихъ «госполитовъ» и «комсомоловъ». Но съ уничтоженіемъ іудаизма, какъ религіи и національной традиціи, еврейство исчезнетъ безслѣдно, какъ исчезло еврейство Александріи и оставшееся въ Испаніи послѣ декрета 1422 г. Большевистское марранство не менѣе трагично, чѣмъ католическое марранство.

Пора же задуматься надъ этимъ. Особенно надлежитъ задуматься надъ этимъ тѣмъ евреямъ, которые въ теоріи, по крайней мѣрѣ, не ограничиваются защитой злободневныхъ интересовъ еврейства, а хотятъ спасти его вѣчность, его имманентную сущность и національную незыблемость. Сіонисты, ортодоксы и національные евреи должны были-бы быть въ первыхъ рядахъ борющихся съ совѣтской властью и большевистскимъ міросозерцаніемъ. Они менѣе всего имѣютъ право проповѣдовать и примѣнять политику нейтралитета по отношенію къ экспропріаторамъ народной жизни, народнаго духа, народнаго лица. Они менѣе всѣхъ имѣютъ право возлагать надежды на такъ называемую «эволюцію большевизма». Эта эволюція совершается лишь постольку, поскольку она продиктована непреоборимой силой, предъ которой трусливые комиссары вынуждены будутъ пассовать. Этой силой, какъ уже теперь можно кон-

статировать, является крестьянство, сильное своей массой и инертностью. Къ нему большевики приспособляются и то лишь до извѣстной степени. Но еврейство? Оно самостоятельно не можетъ заставить большевиковъ эволюціонировать въ свою пользу. Наоборотъ: мы убѣждены, что чѣмъ больше они будутъ приспособляться къ крестьянству, тѣмъ болѣе ухудшится положеніе евреевъ. Ибо по существу своему комиссародержавіе можетъ эволюціонировать лишь въ сторону демагогіи, но не культурной демократіи, являющейся его абсолютнымъ отрицаніемъ. Послѣдній съѣздъ РКП служить лучшей иллюстраціей этого положенія. Однимъ словомъ, большевистскій коммунизмъ во всѣхъ его видахъ и формахъ злой и неизмѣнный врагъ еврейства, ибо онъ прежде всего — врагъ личности вообще и культурной личности въ особенности. А жизнь еврейства цѣликомъ обусловлена неприкосновенностью личной свободы и культурной личности. При системѣ подавленія личности обществомъ и даже не демократическимъ обществомъ, а плебейской деспотіей, еврейство, не имѣющее глубокихъ корней въ землѣ, лишается всякой опоры и защиты и осуждено на духовную и коллективную смерть.

Этого не поняли и не хотятъ понять тѣ евреи, которые, если не въ теоріи, то на практикѣ, проповѣдуютъ политику приспособленія къ большевизму. Они не вѣдаютъ, что творятъ: они собственными руками копаютъ могилу своему народу. Они не поняли знаменій времени. Не случайно то, что единственными авторами террористическихъ актовъ, направленныхъ противъ болшевиковъ, были еврей Каннегиссеръ и еврейка Дора Капланъ. Я знаю: сознательно они руководствовались не еврейскими, а общерусскими интересами, но подсознательно въ нихъ дѣйствовалъ инстинктъ носителей тысячелѣтней культуры, вынужденныхъ бороться съ торжествующимъ хамомъ бунтарской некультурности.

Вѣдь теперь уже давно ясно для всѣхъ, что большевизмъ вовсе не носитель новой культуры, онъ просто ее уничтожаетъ. Система управленія, имѣющая своимъ слѣдствіемъ вымираніе милліоновъ людей отъ физическаго голода, прогрессивный ростъ безграмотности, колоссальное распространеніе преступности и венерическихъ болѣзней, прекращеніе матеріальнаго и духовнаго творчества и полное сковываніе личности — такая система обозначаетъ полное вымираніе культуры. Кому же

бороться съ подобной системой, какъ не еврейству, вся жизнь котораго основана исключительно на его вѣковой культурѣ? И лишь очень серьезныя причины привели къ тому факту, что еврейство не ринулось цѣликомъ въ бой противъ своего заклятаго врага, противъ плебейскаго и антикультурнаго большевизма. Когда я говорю еврейство, я, понятно, исключаю охамившееся меньшинство, которое просто хотѣло ловить рыбу въ мутной водѣ или то, которое, отрекшись окончательно отъ своей національной культуры, видитъ въ кровавомъ большевизмѣ осуществленіе идеальнаго соціализма, какъ его проповѣдовали Сенъ-Симонъ и П. Лавровъ. Но подавляющее большинство русскаго еврейства — 80 % — экономически связанное съ капиталистическимъ строемъ и духовно преданное своей традиціонной культурѣ — это большинство должно было-бы быть въ авангардѣ борцовъ съ большевизмомъ.

Чтобы быть очень точнымъ, необходимо установить факты. Въ началѣ еврейская масса выявила совершенно опредѣленно свою антибольшевистскую тенденцію. Я утверждаю, на основаніи личныхъ наблюденій, что на Югѣ евреи повсюду встрѣчали бѣлую армію съ восторгомъ. Но активнаго участія въ борьбѣ съ большевиками они не принимали, какъ и вся русская обывательская масса. По чисто объективнымъ причинамъ бѣлое движеніе — на что указываетъ и ген. Деникинъ — приняло сословно-классовый характеръ. А огромное большинство интеллигенціи русской и еврейской — сразу отнеслось съ недовѣріемъ къ бѣлой арміи. Такимъ образомъ расхожденіе между послѣдней и еврействомъ увеличивалось съ каждымъ днемъ: армія была загипнотизирована Троцкимъ и Нахамкесомъ, что привело ее къ отожествленію всего большевизма съ еврействомъ, слѣдствіемъ чего были погромы, развившіеся очень легко, благодаря общему развалу нравственныхъ устоевъ въ пеклѣ гражданской войны. А евреи на это отвѣтили: въ такомъ случаѣ уже лучше большевизмъ, который если и убиваетъ насъ, то лишь вмѣстѣ съ нееврейскими «буржуями», въ то время какъ бѣлые выдѣляютъ насъ въ особую національную группу, подлежащую уничтоженію. И лишь послѣ этого была создана теорія на еврейской улицѣ: хотя большевизмъ плохъ, но онъ все же лучше всего другого. Молчаливо допускается предпосылка: въ Россіи возможенъ лишь или большевизмъ слѣва, или большевизмъ справа. Практическая еврейская масса ни-

когда не вѣрила ни въ керенщину, ни въ мартовщину: еврейская мысль всегда полярна. Или — или. И создалась непроходимая пропасть, которую немощные люди стараются прикрыть паутиной, сотканной изъ вѣры въ спасительную эволюцію большевизма.

Но, къ несчастью, наши «примиренцы» проглядѣли снова: если ихъ послушать, то весь антисемитизмъ сосредоточенъ исключительно среди бѣлыхъ, монархистовъ, эмигрантовъ. А на самомъ дѣлѣ, тамъ, въ Россіи, среди правыхъ и лѣвыхъ, среди буржуевъ и соціалистовъ, въ городѣ и деревнѣ, ширится грозное антисемитское настроеніе, питаемое исключительно большевизмомъ, который продолжаютъ отождествлять съ еврействомъ. Съ этимъ грознымъ явленіемъ наши легковѣсные національ-демократы не считаются, благо они, какъ и мы, вынуждены были бѣжать изъ большевистскаго рая заграницу подъ защиту буржуазныхъ законовъ. И тутъ они твердятъ: бѣлые и монархисты-погромщики. А по отношенію къ тому, что происходитъ тамъ, въ Россіи, они предпочитаютъ вести политику страуса. Эту политику мы считаемъ величайшимъ преступленіемъ. Наши «примиренцы» могутъ привести къ небывалой еще въ исторіи еврейской катастрофѣ. Мы не будемъ приводить здѣсь свидѣтельскихъ показаній Кусковой, Маслова, Сорокина и др. Всѣ мы знаемъ, что **тамъ** творится и каково тамъ отношеніе къ еврейству. И, понятно, не мифическое раскаяніе заставляетъ участниковъ этого сборника искать и предлагать иные пути для спасенія русскаго еврейства. Мы — «кающіеся». Передъ кѣмъ и въ чемъ? Мы всегда были за рѣшительнную борьбу съ большевизмомъ и никогда мы не были въ лагерѣ «примиренцевъ».

Съ перваго момента начавшейся катастрофы для насъ всѣхъ было ясно: **судьбы русскаго еврейства неразрывно связаны съ судьбой Россіи; надо спасать Россію, если мы хотимъ спасти еврейство; спасеніе Россіи возможно только путемъ сверженія совѣтской власти; евреи должны бороться съ растлителями великой страны плечо о плечо со всѣми антибольшевиками; совмѣстная дружная борьба съ общимъ врагомъ оздоровитъ атмосферу и значительно ослабитъ разлившійся широкой волной антисемитизмъ; только спасая**

Россію, можно будетъ предотвратить еврейскую катастрофу; спасеніе еврейства не въ большей или меньшей степени республиканизма и демократизма, а въ укрѣпленіи законнаго порядка и культурнаго творчества. Hoc signo vinces. Лишь подъ этимъ знаменемъ мы спасемся.

III.

Къ сожалѣнію, мы далеко не увѣрены, подѣйствуютъ ли соображенія принципіальнаго характера на нашу интеллигенцію въ смыслѣ возбужденія ея антибольшевистской активности. Какъ мы уже указали, почти всѣ евреи боятся реставраціи. И здѣсь оперируютъ словами, жупелами, вмѣсто того, чтобы вникнуть въ жизненную правду. Поставимъ вопросъ ребромъ: если принять во вниманіе экономическіе и культурные интересы всего русскаго еврейства, когда его положеніе было лучше, — до мартовскаго переворота, или теперь, т. е. при большевизмѣ? Кто же можетъ отрицать, что наканунѣ переворота положеніе русскаго еврейства было удовлетворительное. Экономически традиціонная нищета нашей массы уменьшалась съ каждымъ днемъ, уступая мѣсто зажиточности и матеріальной обезпеченности, несмотря даже на безсмысленныя изгнанія многихъ десятковъ тысячъ евреевъ изъ прифронтовой полосы. Статистика оборотовъ обществъ взаимнаго кредита, обслуживавшихъ мелкую буржуазію и трудовыя массы, лучше всего доказывала экономическій прогрессъ русскаго еврейства въ послѣднее десятилѣтіе до переворота. Тоже самое и въ культурномъ отношеніи. Несмотря на полицейскій режимъ — царство абсолютной свободы въ сравненіи съ нынѣшнимъ режимомъ большевистской Чека — еврейскія культурныя учрежденія всѣхъ родовъ и видовъ процвѣтали. Жизнь била ключомъ: огранизаціи крѣпли, творчество развивалось и открывались широкія перспективы. Вѣрно, мы тогда не имѣли своихъ сенаторовъ, провинціальныхъ министровъ и столичныхъ комиссаровъ, но зато антисемитизмъ воспринимался всѣми, какъ антикультурное явленіе: культурные русскіе люди стыдились заявить себя антисемитами. А главное, передъ еврействомъ, какъ передъ всей Россіей, была открыта широкая дорога къ прогрессивной эволюціи, обусловленной ростомъ экономическихъ и культурныхъ силъ въ странѣ.

Мы убѣждены, что если бы можно было организовать сво-

бодный плебисцитъ среди русскаго еврейства со включеніемъ евреевъ отпавшихъ отъ Россіи государствъ, то огромное большинство на вопросъ: «что предпочтительнѣе — нынѣшнее состояніе, или дореволюціонное положеніе?» отвѣтило бы въ пользу второй части альтернативы. Мимоходомъ отмѣтимъ: теперь уже ясно, что положеніе евреевъ въ Латвіи, Эстоніи и Литвѣ буквально трагическое. Вчерашніе угнетенные быстро вошли въ роль угнетателей, притомъ крайне плебейскихъ угнетателей, не стыдящихся своей грубой антикультурности.

И несмотря на все это, угроза реставраціи пугаетъ евреевъ. Что же подразумѣвается подъ этимъ понятіемъ спеціально съ еврейской точки зрѣнія, совершенно не совпадающей въ этомъ вопросѣ съ точкой зрѣнія крестьянства? Для послѣдняго реставрація обозначаетъ прежде всего возстановленіе помѣщичьяго землевладѣнія, т. е. отобранія у него захваченныхъ имъ земель. Это просто и ясно. Но что означаетъ реставрація для еврейства? Можно было подумать, что послѣднее противопоставляетъ дореволюціонное положеніе, основанное на произволѣ, гражданскихъ ограниченіяхъ и взяточничествѣ бюрократіи, тому состоянію полной эманципаціи, которая была превозглашена временнымъ правительствомъ. Такая точка зрѣнія была бы послѣдовательной и совпадала бы съ обще-русской постановкой проблемы. Но тогда ясно, что евреи обязаны вести борьбу съ большевизмомъ, отрицающимъ не только царское, но и временное правительство. Въ такомъ случаѣ должны прекратиться всякіе разговоры объ эволюціи большевизма и о выжидательной политикѣ. Борьба за такой строй Россіи, который былъ намѣченъ временнымъ правительствомъ, поскольку оно дѣйствовало внѣ всякаго давленія со стороны разныхъ демагогическихъ совѣтовъ, можетъ уложиться въ извѣстную систему, которую можно освѣтить высоко-нравственными принципами и обосновать соображеніями государственной цѣлесообразности. Понятно, рѣчь идетъ о первоначальныхъ намѣреніяхъ, а не о практикѣ временнаго правительства. Ибо практика его — т. е. Львова-Керенщина представляла собой, съ одной стороны, позорное самооплевываніе, а съ другой — сплошное надувательство, другими словами, политическій фантомъ. Но и съ русской, и съ еврейской точки зрѣнія можно утверждать: счастье Россіи и всѣхъ ея народовъ въ томъ строѣ, который былъ возвѣщенъ въ декретахъ марта 1917 г.

Но въ томъ то и дѣло, что объ этомъ никто не говоритъ, ибо и на этихъ декретахъ виситъ проклятіе Керенщины, т. е. интеллигентской безтолковщины. Осталось лишь или — или. Или большевизмъ, или своеобразная реставрація.

Но реставрація въ представленіи русскихъ и евреевъ не одно и тоже. Русскіе противники реставраціи дѣйствительно боятся возврата къ до-мартовскому состоянію, что связано съ идеей объ отобраніи земли у крестьянъ и съ возстановленіемъ всѣхъ тѣхъ отрицательныхъ сторонъ строя, которыя получили такое яркое отраженіе въ письмахъ покойной Императрицы. Даже очень многіе изъ тѣхъ, которые открыто исповѣдуютъ возвратъ къ легитимной монархіи, мыслятъ ее совершенно иной, чѣмъ она была въ дѣйствительности передъ катастрофой. Когда, напримѣръ, В. А. Карташевъ говоритъ о легитимной монархіи, онъ себѣ ее представляетъ обновленной, возрожденной на новыхъ началахъ. Такъ или иначе, но ясно одно: когда русскіе люди говорятъ о реставраціи, они имѣютъ въ виду нѣчто совершенно опредѣленное — status quo ante 27-го февраля 1917 г.

Совершенно иное представленіе о реставраціи имѣетъ широкая еврейская масса и даже часть еврейской интеллигенціи. Евреямъ реставрація представляется прежде всего, какъ сплошная цѣпь погромовъ, устраиваемыхъ бѣлыми арміями, руководимыми русскими юдофобами или же украинскими «атаманами», попросту говоря бандитами. Реставрація для еврея окрашивается въ черно-красный цвѣтъ переживаній 1919 г. въ южной Россіи, когда еврейская кровь лилась потоками и когда по опредѣленію Шульгина они подвергались «пыткѣ страхомъ». Не самодержавно-помѣщичій строй, а погромная вакханалія пугаетъ евреевъ, когда рѣчь заходитъ о реставраціи. И это вѣдь не больная фантазія: есть же русскіе люди, утверждающіе, что въ «новой» Россіи еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ очень просто: всѣ евреи будутъ вырѣзаны поголовно.

Замѣтимъ, что этого различія между пониманіемъ реставраціи русскими и евреями никто не подмѣтилъ до сихъ поръ — ни русскіе, ни евреи. И тѣ, и другіе употребляютъ то же слово, но вкладываютъ въ него различное содержаніе. Если бы евреи были въ томъ же положеніи, что и русскіе, т. е. еслибы первые могли разсматривать реставрацію, будучи освобожденными отъ погромнаго кошмара, тогда вся картина измѣнилась бы. Гдѣ русскій демократъ чуетъ нежеланный ему монархизмъ, тамъ

еврей ощущаетъ холодный ужасъ погрома. Это обстоятельство надо подчеркнуть, потому что только тогда намъ станетъ понятнымъ очень многое въ взаимоотношеніяхъ даннаго времени между русскими и евреями. Тогда и сами евреи смогутъ себѣ дать ясный отчетъ въ происходящемъ и намѣтить правильный планъ дѣйствій. И русскіе поймутъ слѣдующее положеніе: какъ бы евреи ни любили Россію, какъ бы они ни стремились къ раскрѣпощенію Россіи отъ большевистскаго гнета, нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они содѣйствовали реставраціи, осуществленной путемъ погромовъ, т. е. массоваго вырѣзыванія ихъ братьевъ и сестеръ.

Такимъ образомъ мы подошли къ конкретному и осязаемому: является ли погромъ роковымъ, неизбѣжнымъ въ случаѣ паденія совѣтской власти? Если за большевизмъ отвѣтственны всѣ, т. е. и евреи, будетъ ли въ опредѣленный моментъ примѣненъ лишь къ евреямъ принципъ круговой поруки, въ то время какъ къ русскимъ и инородцамъ не-евреямъ будутъ примѣнять принципъ справедливаго воздаянія отдѣльнымъ личностямъ, провинившимся въ преступленіяхъ даже на основѣ «око за око, зубъ за зубъ»? Признаютъ ли за нами принципъ равенства въ отвѣтственности — или же будутъ вновь распѣвать: «Бей жидовъ, спасай Россію»? Здѣсь собака зарыта. Вокругъ этого вопроса вертится весь споръ среди еврейства. Если выдѣлить изъ него соціалистическое ничтожное меньшинство.

И тѣ, которые, какъ участники этого сборника, желаютъ поднять и укрѣпить антибольшевистскую активность въ еврействѣ, должны прежде всего отвѣтить на этотъ вопросъ. Ибо евреи-соціалисты и безъ насъ ведутъ, хотя и по своему, борьбу съ совѣтской властью. Не мало ихъ томится въ большевистскихъ застѣнкахъ, тюрьмахъ и концентраціонныхъ лагеряхъ, а другіе ѣдятъ горькій хлѣбъ изгнанія. Намъ приходится вести борьбу съ нашей обывательской массой и ея идеологическими вождями, даже и съ буржуазіей, которая отлично сознаетъ, что въ царское время ей жилось совсѣмъ не плохо, но которая пугаясь погромной реставраціи заявляетъ со вздохомъ: «Ничего не подѣлаешь. Уже лучше большевики, чѣмъ погромщики. Авось большевики эволюціонируютъ. Тутъ Нэп, а тамъ концессіи, какъ нибудь устроимся.» А между тѣмъ та же буржуазія и примиренческая интеллигенція ликуютъ каждый разъ, какъ

получается телеграмма объ ухудшеніи состоянія здоровья Ленина, какъ будто съ его смертью весь большевистскій кошмаръ сразу исчезнетъ. Въ сущности нѣтъ ничего ужаснѣе этой раздвоенности, которая приводитъ къ полной пассивности и къ тупому фатализму. А что касается спеціально нашей интеллигенціи, то въ ея поведеніи скрывается огромное лицемѣріе. Она нейтральна и ругаетъ Бикермановъ и Пасманиковъ, Ландау и Сліосберговъ. А потомъ, если случится ужасная катастрофа вслѣдствіе ея пассивности, она сможетъ, умывъ руки, показать на свои незапятненныя ризы и свалить всю отвѣтственность на насъ, якобы «кающихся» и «приспособляющихся» къ антисемитамъ.

Проблема нами формулирована, кажется, со всей нужной ясностью. Мы не боимся отвѣтственности, ибо нѣтъ исхода: если мы останемся нейтральными, то катастрофа неизбѣжно случится, т. к. мы убѣждены, что совѣтская власть рано или поздно рушится, чтобы она ни предпринимала, и что слѣдовательно часъ расправы съ ней обязательно наступитъ. Къ этому часу мы должны приготовиться. Осуществимъ-ли мы всѣ наши надежды, спасемъ-ли мы русское еврейство отъ нависшей на немъ катастрофы? Мы вѣримъ въ Россію: эта вѣра окрыляетъ наши надежды.

IV.

Мы исходимъ изъ слѣдующихъ двухъ основныхъ положеній: 1. Судьбы русскаго еврейства тѣсно связаны съ судьбами Россіи и 2. Прошлаго во всей его неприкосновенности возстановить никакъ нельзя.

Первое положеніе обязываетъ насъ къ самому дѣятельному участію въ борьбѣ съ большевизмомъ и въ работѣ по оздоровленію Россіи. Второе положеніе гарантируетъ насъ отъ возрожденія тупой реакціи. Теченія рѣки нельзя вернуть вспять. Жизнь произвела глубокія измѣненія, которыхъ никакія человѣческія силы не вычеркнутъ.

Количественно Россія, благодаря разрушительной работѣ коммунистовъ, обѣднѣла, сильно обѣднѣла во всѣхъ отношеніяхъ — экономическомъ, культурномъ, нравственномъ. Но качественно соціальныя и личныя отношенія между людьми радикально измѣнились. Эти измѣненія — не «завоеванія революціи», а глубинное, чему начало мы должны искать въ далекомъ

прошломъ. Однимъ словомъ будущая Россія будетъ дѣйствительно новой, несмотря на реставрацію, несмотря также на революцію, вернувшую Россію вспять на цѣлые вѣка. Поэтому надо перестать истерическими выкриками выражать свою боязнь реставраціи. Я вполнѣ понимаю и раздѣляю афоризмъ П. Б. Струве: «Мнѣ все равно, кто свергнетъ большевиковъ — Керенскій, или Марковъ II». Первый не возстановитъ керенщины, а второй не возродитъ прежняго Союза Русскаго Народа, а оба сдѣлаются жертвами историческаго рока, т. е. соціальныхъ необходимостей. Поэтому мы не восторгаемся республикой и не боимся монархіи, ибо та и другая приспособятся къ объективнымъ фактамъ, если онѣ захотятъ жить, а не лишь пролетѣть метеоромъ.

Въ чемъ же состоитъ суть всѣхъ измѣненій? Ихъ можно свести къ двумъ основнымъ фактамъ: укрѣпленіе буржуазно-собственническаго строя и нарожденіе свободной личности, сознающей себя частью цѣльнаго государственнаго организма. Здоровая и культурная реставрація должна будетъ признать и закрѣпить эти основныя измѣненія въ жизни Россіи.

И великое счастье русскаго еврейства состоитъ въ томъ, что его интересы цѣликомъ совпадаютъ съ интересами обновленной Россіи. Не соціализмъ, который въ данныхъ условіяхъ долженъ выродиться въ большевизмъ, отвѣчаетъ экономическимъ интересамъ еврейской массы, а именно буржуазно-собственническій строй. Не всеподавляющая полицейская власть государства, а самодѣятельная свободная личность оздоровитъ наше еврейство. Поэтому оно заинтересовано въ скорѣйшемъ возрожденіи новой Россіи, не страшась никакой реставраціи. Академическій споръ о монархіи и республикѣ касается лишь формы, не имѣющей рѣшающаго значенія, а рѣшать придется этотъ вопросъ лишь тогда, когда совѣтская власть рухнетъ. Надо активно подготовить содержаніе жизни, а въ какія формы оно выльется, это рѣшитъ послѣдній моментъ, что связано со всякими случайностями. Но намъ надо освободиться разъ на всегда отъ фетишистской догмы: монархія — реакція, а республика — демократія. Примѣры польской, литовской и латышской республикъ должны были-бы научить евреевъ уму-разуму и сдѣлать ихъ болѣе осторожными по отношенію къ формамъ правленія. Еще разъ: дѣло не въ формѣ, а въ содержаніи жизни.

Но если такъ, то евреямъ остается рѣшить для себя одну проблему: связана-ли неизбѣжно реставрація Россіи съ антиеврейскими погромами.

Уже четыре года, какъ я отдалъ всѣ свои силы разрѣшенію этой проблемы. Въ эти годы вся моя жизнь сморщилась до размѣровъ этой маленькой, но для моего народа и Россіи жизненной проблемы. Я не постыдился бы признаться публично въ національномъ эгоизмѣ, но историческій опытъ и личныя наблюденія меня убѣдили въ томъ, что на еврейскихъ погромахъ нельзя построить счастья страны. Это для меня — святая правда. Президентъ или монархъ пройдетъ въ Москву черезъ трупы преступныхъ большевиковъ — безразлично — русскихъ, еврейскихъ, латышскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, румыно-болгарскихъ, грузинскихъ, мусульманскихъ и т. д., но не черезъ лужи невинной еврейской крови. Поэтому я убѣжденъ, что поставленная мной проблема не только еврейская, но всероссійская, въ справедливомъ и человѣческомъ разрѣшеніи которой заинтересованы всѣ русскіе патріоты. Не гуманность по отношенію къ евреямъ, а любовь къ измученной родинѣ и къ ея свѣтлому будущему должна заставить всѣхъ русскихъ людей разъ навсегда вырѣшить эту проблему по божески и по человѣчески. Тогда и евреи безбоязненно приступятъ къ строительству старо-новой Россіи въ полномъ согласіи со всѣми русскими патріотами.

Но евреи не имѣютъ права оставаться пассивными и спокойно выжидать хода событій: они должны выявить свою активность, и какъ евреи, и какъ русскіе граждане. Они должны прежде всего отказаться отъ безумной и непрактической политики: «лучше большевизмъ, чѣмъ реставрація». Эта политика безумна, потому что она означаетъ — въ послѣднемъ счетѣ — полный экономическій и духовный разгромъ русскаго еврейства. Эта политика непрактична, потому что паденіе большевизма неизбѣжно. Онъ не можетъ удержаться, потому что въ немъ нѣтъ ни одного жизненнаго начала, вся его сила основана на разрушительной стихіи, которая не можетъ быть продолжительной. Если первое Смутное время въ Россіи продолжалось лѣтъ десять, но все же кончилось, то теперь оно тоже будетъ лишь временнымъ явленіемъ въ жизни Россіи. Впрочемъ, сами большевики это сознаютъ и возлагаютъ всѣ свои надежды на всемірную революцію, которая представляетъ собою миѳъ. Слѣдовательно,

будутъ ли, или не будутъ участвовать евреи въ борьбѣ съ совѣтской властью, она все равно упадетъ. Но если такъ, то нашъ прямой расчетъ активно участвовать въ этой борьбѣ.

Здѣсь выплываетъ вновь вопросъ о нашей отвѣтственности за всѣ ужасы разрушительной работы большевизма. Мы отъ нея не отдѣлаемся: пусть она будетъ соціологически чистѣйшая легенда, однако психологически она представляется всему міру, какъ абсолютная правда. Превращенію легенды въ правду способствовали отчасти тѣ евреи, которые громко заявляли о генетической связи между большевизмомъ и іудаизмомъ, которые громко хвастались широкими симпатіями еврейской массы къ комиссародержавію.

Психологическая правда нашей отвѣтственности обязываетъ насъ къ тому, чтобы мы взяли теперь на насъ часть отвѣтственности за сверженіе большевизма. Участвуя въ этомъ послѣднемъ процессѣ, мы внесемъ въ него культурность и духъ государственной цѣлесообразности, т. е. мы ослабимъ вліяніе тѣхъ элементовъ, которые «ничего не забыли и ничему не научились», и которые, поэтому, связываютъ возрожденіе Россіи съ обязательными антиеврейскими погромами. Дабы бороться съ этимъ настроеніемъ, мы обязаны взять на себя всю борьбу спеціально съ большевиками-евреями, съ разными евсекціями и вообще съ еврейскими комиссарами. И еще одно мы должны взять на себя: мы должны убѣдить все міровое еврейство въ гибельности большевизма для всего міра, для Россіи, и для всего еврейства. Мы должны содѣйствовать полной изоляціи большевизма, какъ изолируютъ чумное гнѣздо. Тогда, т. е. если мы выполнимъ весь нашъ долгъ, мы спасемъ Россію и русское еврейство. Тогда можно надѣяться, что раскрѣпощеніе Россіи обойдется безъ пролитія невинной еврейской крови. Эта надежда будетъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ менѣе мы будемъ вмѣшиваться въ партійные раздоры антибольшевистскаго фронта. Мы должны всѣми нашими силами содѣйствовать созданію единаго антибольшевистскаго фронта, ставящаго себѣ лишь одну цѣль: сверженіе большевистской тиранніи. Больше ничего. Наша роль — вносить культурность и государственную цѣлесообразность въ самый процессъ борьбы, что и будетъ способствовать объединенію всѣхъ жизненныхъ силъ Россіи.

Мой выводъ: если евреи останутся пассивными, то лишь чудо спасетъ насъ отъ катастрофы въ моментъ исчезновенія

красной власти; ежели мы проявимъ нужную активность въ борьбѣ съ ней, мы спасемъ и родину, и народъ.

Но я вовсе не руководствуюсь лозунгомъ: do, ut des, я не проповѣдую куплю-продажу, я не приспособляюсь къ кому бы то ни было, я ни въ чемъ и ни передъ кѣмъ не каюсь. Я всѣми фибрами своей души ненавижу большевизмъ, какъ глубоко антикультурное и реакціонное явленіе, нарушающее закономѣрную эволюцію всего человѣчества и спеціально Россіи. Я его ненавижу, какъ проявленіе разнузданнаго хамства, сметающаго съ пути все культурное, духовное, аристократическое. Я его ненавижу, какъ безграничную ложь, отравившую души всѣхъ наивныхъ и первобытныхъ людей миражемъ земного счастья, осуществляемаго разбоемъ и терроромъ. Онъ мнѣ претитъ своей нахальной самонадѣянностью, безстыжей наготой, пьянымъ разгуломъ и разбойничьей жестокостью. Моя душа потомка тысячелѣтней культуры не можетъ не возмущаться картиной первобытнаго варварства, уничтожающаго всѣ плоды вѣкового творчества. Моя душа законника протестуетъ изъ всѣхъ силъ противъ проповѣдниковъ бунта и произвола. Поэтому безъ всякихъ торговъ и политическихъ комбинацій борюсь по мѣрѣ силъ своихъ съ большевизмомъ съ перваго дня его появленія. Но эта же борьба мнѣ диктуется интересами и Россіи, и еврейства. Узко-національное совпадаетъ здѣсь съ обще-русскимъ, ибо оба черпаютъ изъ источника всечеловѣческаго и глубокочеловѣчнаго. А борьба за право, свободу и культуру не можетъ не повліять на ту часть русскаго народа, которая подъ вліяніемъ всего пережитого сама тоже потеряла человѣческій обликъ и начала выявлять звѣриные инстинкты. Впрочемъ, оно вовсе не такъ опасно, какъ многіе думаютъ: не она побѣдитъ большевизмъ. Россія будетъ спасена твердой волей, но волей, озаренной лучами права и правды, свободы и закона.

Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что будущее принадлежитъ участникамъ этого сборника, а не ихъ еврейскимъ антагонистамъ — ни изъ лагеря активно-большевиствующихъ, ни изъ лагеря нейтрально-зубоскалящихъ. Насъ объявили чуть-ли не «врагами народа», подсобниками реакціи и союзниками погромщиковъ. Мы спокойно можемъ выжидать, пока сама жизнь выявитъ, на чьей сторонѣ правда. Но дѣло не въ насъ: мы все перенесемъ, ибо мы крѣпки своей правдой. Но на насъ лежитъ тяжкая отвѣтственность за судьбы Россіи и русскаго

еврейства. Поэтому мы считаемъ необходимымъ своевременно указать на содѣянныя ошибки и на правильные пути къ спасенію. Мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ призвать всѣхъ нашихъ единомышленниковъ къ борьбѣ съ тѣмъ зломъ, которое растлило Россію, вызвало небывалый ростъ антисемитизма во всемъ мірѣ и привело къ ужаснымъ погромамъ въ Россіи. Только этой борьбой мы спасемъ еврейство. Но нельзя терять времени: сроки приближаются.

Горе намъ, если мы опоздаемъ.

Кончая свой бѣглый очеркъ, позволю себѣ сдѣлать два замѣчанія — одно, относящееся къ русскимъ, другое — къ евреямъ.

Русскіе антисемиты заявляютъ, что всѣ русскіе евреи придерживаются пробольшевистской или нейтральной оріентаціи. Это — ложь. Я уже не говорю о евреяхъ, активно борющихся съ большевиками, какъ авторы этого сборника и ихъ единомышленники, которыхъ вовсе не мало, но имѣется значительная еврейская группа, которая неустанно борется съ красными, стоя на основѣ мартовской Россіи. А самое главное, въ самой Россіи еврейство сильно правѣетъ и готово мириться даже съ режимомъ Николая II, лишь бы освободиться отъ тиранніи Ленина и Троцкаго. Еще и еще разъ подчеркиваю: антитеза широкихъ еврейскихъ массъ гласитъ не «большевизмъ-монархія», а «большевизмъ-погромъ», не «1923—1917», а «1923—1919». Надѣюсь, что мыслящіе русскіе люди сдѣлаютъ изъ этого правильный выводъ.

Обращаясь къ евреямъ, долженъ сказать слѣдующее: тѣ изъ нихъ, которые возбуждаютъ вопросъ о томъ, является ли Россія родиной для всѣхъ живущихъ въ ней евреевъ, страдаютъ недомысліемъ или же увлекаются демагогіей. Если даже вѣрить въ интегральный сіонизмъ, то вѣдь надо не забывать, что въ Палестину переселяются ежегодно лишь 10—15 тысячъ человѣкъ и мы во всякомъ случаѣ еще очень далеки отъ того времени, когда хотя-бы годичный приростъ населенія могъ-бы эмигрировать туда. Слѣдовательно, милліоны евреевъ прикрѣплены къ Россіи. Но въ такомъ случаѣ нельзя шутить со словомъ «родина». Если Россія намъ не родина, тогда мы иностранцы и уже навѣрное не имѣемъ права вмѣшиваться въ

жизнь страны. А между тѣмъ сіонисты формулировали программы касательно государственнаго устройства Россіи (пресловутая Гельсингфорская программа) и выбирали депутатовъ во всероссійское Учредительное Собраніе, какъ прежде въ первую Госуд. Думу, а польскіе сіонисты послали своихъ депутатовъ въ польскій сеймъ. Одно изъ двухъ: либо иностранцы безъ политическихъ правъ, либо русское гражданство, основанное на любви къ родинѣ. Третьей возможности нѣтъ.

Д. С. Пасманикъ.

Важнѣйшія погрѣшности

стр.	17	строка	14 св.	вмѣсто	мѣстнаго читай городского.
	24	,,	18 сн.	,,	незлобнаго читай незлобиваго.
,,	43	,,	6 св.	,,	противоставилъ читай противоставитъ.
,,	104	,,	6 св.		поставь? послѣ слова еврействѣ.
,,	123	,,	5 св.	вмѣсто	оснсваніи читай основаніи.
,,	123	,,	4 сн.	,,	объектинымъ читай объективнымъ.
,,	125	,,	10 св.	,,	очевилную читай очевидную.
,,	125		18 св.		которыъ читай которыхъ.
,,	125	,,	19 св.		продессахъ читай процессахъ.
,,	128	,,	5 сн.	,,	гдавныя читай главныя.
,,	142	,,	11 св.	,,	На читай въ.
,,	142	,,	15 св.	,,	личаго читай личнаго.
,,	143	,,	15 св.	,,	стренымъ читай страннымъ.
	145	,,	20 сн.	,,	объ читай въ.
,,	149	,,	4 св.	,,	предсествуюшемъ читай предшествующемъ.
,,	151	,,	3 св.	,,	взваливаемыя читай взваливаемъ мы.
	152		10 сн.	,,	создаетъ читай создастъ.
,,	159		14 св.	,,	непріемлимымъ читай непріемлемымъ.
	160		7 св.	,,	воскресмете читай воскресите.
,,	161		2 св.	,,	читай à toutes lettres.
,,	161	,,	14 св.	,,	непріемлимыхъ читай непріемлемыхъ.
,,	162	,,	8 св.	,,	остаиваясь читай оставаясь.
,,	171	,,	7 св.	,,	отѣльныя читай отдѣльныя.

стр.	172	строка	2 св.	вмѣсто	европейскомъ читай евр пейскомъ.
,,	176	,,	9 св.	,,	indiquité читай inddignité.
.,	177	,,	16 св.	,,	свимъ читай своимъ.
,,	190	,,	18 св.	,,	сказать читай сказать.